А.И.РЫСКИН

ВОСПОМИНАНИЯ

(АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ)

2016 г.

Александр Иосифович Рыскин

Воспоминания

(АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ)

Посвящается памяти моих родителей.

Литературный редактор – Е. Гушанская
Графический редактор – М. Рыжих

2016 г.

Содержание

Предисловие 4

Глава 1. Семья и родственники 5

Глава 2. Университет 25

Глава 3. Государственный оптико-механический завод 38

Глава 4. Горы 44

Глава 5. Аспирантура 96

Глава 6. Физико-технический институт 102

Глава 7. Государственный оптический институт (часть 1) 109

Глава 8. Государственный оптический институт (часть 2) 127

Глава 9. Государственный оптический институт (часть 3) 146

Глава 10. Государственный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики 169

Заключение 192

Послесловие (к читателям) 195

Предисловие

Несколько претенциозный подзаголовок этого текста, в общем, соответствует его содержанию. Я пишу о более чем столетнем интервале времени с 1912-1913-го года по сей день. Из них первые тридцать лет – по заслуживающим доверия свидетельствам очевидцев, остальные семьдесят с лишком лет – «мои». У меня не было намерения описывать, к примеру, фрагменты истории альплагеря «Безенги» или истории Государственного оптического института. Я рассказываю о своей жизни в течение этих семидесяти лет, насколько моя память сохранила воспоминания о событиях и людях, пережитых и встреченных мной на протяжении этого отрезка времени. Мое отношение к ним, естественно, субъективно, но я и не претендую на объективность. Истина в последней инстанции – это дело тонкое, оно нуждается в сопоставлении различных точек зрения. Пусть в их числе будет и моя.

Итак:

Глава 1.
Семья и родственники.

Мой отец Иосиф Вениаминович Рискин – уроженец деревушки в Могилевской губернии Российской империи. Я не знаю даже ее названия. Я только в детстве видел его отца (моего дедушку), младшего брата и сестру. Значительно лучше я знаком с родственниками моей матери Эни (Евгении) Абрамовны Веллер. На протяжении всей жизни я общался с ними и хорошо представляю историю ее семьи. Поэтому значительная часть этого раздела моих воспоминаний посвящена семье Веллеров.

На фотографии, относящейся к 1912-му или 1913-му году, моя бабушка со своими детьми и ее подруга с дочкой. Моя мама (крайняя справа) держит руку на плече бабушки Раисы Наумовны Веллер, овдовевшей за несколько лет до этого момента. Ее муж Абрам Абрамович Веллер - крещеный еврей. Он был выпускником Санкт-Петербургского университета, учился медицине, и после его окончания, будучи человеком одаренным и целеустремленным, что называется, сделал карьеру и в начале двадцатого века стал главным ветеринарным врачом Новгородской губернии. Он первым в России серьезно изучал сап - болезнь лошадей (ею болеют и некоторые виды крупных животных, например, ослы, верблюды, медведи). Впервые это заболевание описано еще Аристотелем, но возбудитель болезни был открыт только в 1882-ом году. Человек может заразиться сапом при контакте с больным животным. Для людей эта болезнь очень опасна, в то время она была неизлечима.

В 1909-ом году Абрам Абрамович демонстрировал в Санкт-Петербурге, как диагностируется это заболевание. Он брал материал для исследования путем отсасывания выделений у больного животного, и часть пробы попала ему на губу. Он довел демонстрацию до конца, но, вернувшись в Новгород, сказал жене: «Я погиб». В знак признательности за его заслуги Николай II назначил пенсию его жене и предоставил право бесплатного обучения на медицинском факультете Юрьевского (Тартуского) университета двоим старшим детям – Науму (Нюма, высокий юноша в третьем ряду) и Александру (Шура, справа от него). Оба стали ветеринарами.

У бабушки, помимо этих двоих, было еще двое сыновей – Валентин (Воля, мальчик в белой рубашке во втором ряду) и Елизар (Лёлик, сидит внизу).

Дама слева – Мария Григорьевна Акодус, семья которой была очень близка семье Веллеров (единственная на фотографии, кого я

Фото 1. Моя бабушка со своими детьми и ее подруга с дочкой.

Фото 2. Мой дедушка.

не застал). У нее было десять человек детей, пять мальчиков и пять девочек. Из них я знал шестерых – Мину, Фаину (Фаню), Любовь (Любу), Розу, Гавриила (Галю) и Эммануила (Эму), последний не появится в этом повествовании.

Семьи позднее породнились: Шура Веллер женился на Любе Акодус (стоит слева от Марии Григорьевны), Нюма Веллер – на Фане Акодус. Для обеих семей были характерны исключительно близкие внутри- и межсемейные отношения. Вы увидите это из дальнейшего повествования.

Вернусь к бабушке Рае. До революции она жила в Новгороде, потом, когда дети разъехались, перебралась в Петроград, где обосновались трое из них и многие члены семьи Марии Григорьевны Акодус. Бабушка Рая жила в семье дяди Шуры. В 1932-ом году у нее обнаружили туберкулез, и жена Шуры, тетя Люба, у которой было в то время двое маленьких детей, стала проявлять недовольство пребыванием больной в доме. Тогда бабушку забрала к себе моя мама. У нашей семьи было две комнаты в коммунальной квартире, меньшую отдали бабушке. Я ее помню смутно (она умерла в 1934-ом году, мне было тогда четыре года). Осталось только ощущение мягкости и доброты. Думаю, в молодости она была очень красива, это видно и по фотографии.

Жизнь и судьба ее сыновей, моих дядей, представляет набор, который невозможно охарактеризовать одним словом, но который был вполне типичен для постреволюционной России.

Дядя Шура был военврачом. В конце 1930-ых годов он имел звание полковника медицинской службы и преподавал в Военно-Медицинской академии (ВМА). Во время войны он был назначен главным инспектором коневодства Красной Армии (разумеется, это приблизительное название его должности). В связи с этим назначением, еще до установления блокады Ленинграда его семья перебралась в Москву, но квартировали они не в самой Москве, а в пригородном военном поселке. Живя в то время в Москве, я дважды ездил к нему в 1944-ом году. Разговоры, естественно, вращались вокруг войны.

Между прочим, тогда от него я впервые услышал фамилию генерала Петрова, выдающегося военачальника и высокой пробы человека, руководителя обороны Одессы, Севастополя, Северного Кавказа. Дядя Шура с большим уважением говорил о нем. Петрову посвящена повесть хорошо его знавшего писателя В. Карпова «Полководец». Кстати, он послужил прообразом генерала Серпилина - главного героя относительно правдивой военной эпопеи К.

Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». Книга стала бестселлером официальной советской военной прозы. Это, действительно, неплохой роман, но, конечно, далекий от подлинной правды «Окопов Сталинграда» В. Некрасова и «лейтенантской прозы» Г. Бакланова, В. Быкова, В. Кондратьева, Ю. Бондарева.

После войны дядя Шура вернется к преподавательской работе в ВМА, семья – они с тетей Любой, их сын Иосиф (Ася) и дочка Таня - переберется в Ленинград. Я буду часто бывать у них на Садовой, в двух по тогдашним меркам огромных комнатах в коммунальной квартире, роскошно обставленных и содержавшихся тетей Любой в идеальном порядке (она не работала). Помню сборища Веллеров-Акодусов за большим столом под Новый год или на Первое мая.

Дядя Шура - мой любимый дядя. Он был человеком удивительного для того времени чувства собственного достоинства, редкой независимости, благородства. Всегда подтянут, на его высокой фигуре ладно сидел как мундир, так и гражданская одежда. Как правило, он был сдержан и немногословен. Малознакомому с ним человеку он мог показаться суховатым, но в основе этого лежала тактичность, свойственная военным краткость и четкость изложения и, вероятно, опыт жизни в эпоху Большого Террора. Дядя Шура был исключительно внимателен к родственникам. Когда у дяди Гали обнаружилась онкология, он нашел оптимального хирурга, договорился о лечении и тщательно следил за его здоровьем вплоть до полного выздоровления. Я уверен, он был внимателен к людям вообще.

Сына Асю (он был старше меня на четыре года) дядя Шура в 1944-ом году устроил курсантом ВМА, чтобы его не взяли в армию. Не могу осуждать его – из ста юношей этого поколения, ушедших на войну, домой вернулись трое-четверо. По утверждению независимых историков на одного убитого немецкого солдата приходилось трое наших. Как писал В. Астафьев «Мы немцев трупами завалили». И то сказать, как говаривал Г.К. Жуков, когда ему докладывали о немыслимых потерях: «Ничего, бабы новых нарожают». Ася тоже стал военным врачом, офтальмологом. Он служил в различных гарнизонах, выйдя на пенсию, работал главврачом больницы в Могилеве (сейчас Белоруссия), и где-то в 1980-ых с женой Сулит эмигрировал в Израиль и вскоре скончался.

Его сыновья Миша, ныне известный писатель, и Сережа, когда подошло время поступать в институт, переехали жить к дяде Шуре, который к тому времени овдовел и рад был обществу внуков. Сережа

вскоре перебрался в общежитие, где ему было вольготнее и веселее. Сожительство с Мишей было более длительным и закончилось, когда дядя Шура, вернувшись из командировки, обнаружил заметно поредевший сервиз – результат устроенной Мишей вечеринки. Последовавшее объяснение имело результатами переезд Миши в общежитие и инфаркт дяди Шуры. Это был первый звонок его сердечных неприятностей, от которых он скончался через три-четыре года.

В каком-то смысле аналогичная история произошла и в моем семействе: приехав утром, не помню откуда, я обнаружил на кухне обломки семейных бокалов и убитого этим и приготовившегося к упрекам сына Олега, накануне собиравшего друзей-однокурсников. Открывши рот, чтобы произнести гневную тираду, я вспомнил дядю Шуру и сказал что-то вроде: «Чтобы я из-за поганого хрусталя сокращал свою жизнь, да пошло оно туда-то и туда-то». На том дело и кончилось.

Сережа закончил медицинский институт, работал врачом в Израиле, сейчас – в США. Миша учился на филологическом факультете университета, после его окончания недолгое время работал преподавателем сельской школы, после чего переменил неисчислимое число профессий, а правильнее сказать занятий: был бетонщиком, вальщиком леса, землекопом, столяром, снабженцем, пергонщиком скота и т.д. Параллельно он пробивался в литературу, что стоило неимоверных трудов и усилий в Советском Союзе. и в конце концов стал популярным, широко издаваемым писателем и радиоведущим. Я не поклонник его творчества, но его усилия и настойчивость в формировании «своей колеи» не могут не вызывать уважения.

К сожалению, когда их мать Сулит в Израиле тяжело болела и скончалась в больнице, никого из сыновей при ней не было. Я не знаю причин и не могу судить об этом, но как вспомнишь дядю Шуру, последние слова которого, сказанные мне в гарнизонном госпитале незадолго до кончины, были: «Береги мать»...

Таня шестью годами моложе Аси. Она была строителем также, как и ее муж Альберт Матвеевич Гельфанд. В отличие от Аси, который напоминал отца не только профессией, но и внешностью и некоторыми чертами характера, хотя и не был столь крупной, яркой личностью, Таня скорее походила на мать, она унаследовала ее несколько жесткий, требовательный, слегка язвительный характер. Она скончалась семь лет назад. У Тани и Альберта было двое детей. Сын Саша обосновался в Москве, дочь Ира с семьей живет в Петербурге.

Фото 3. Семья дяди Шуры.

Фото 4. Дядя Нюма.

Почему-то совершенно не помню, хотя должен был бы, дядю Нюму – главврача областного земельного управления Ленобласти. В 1937-ом году его арестовали и расстреляли, а жену, тетю Фаню осудили на восемь лет лагерей. Она была зубным врачом и работала в заключении по специальности, т.е. ее тяжкая жизнь там все же не была таким кошмаром, как у миллионов других страдальцев – жертв Большого Террора. В 1946-ом году ее выпустили, но, разумеется, в Ленинграде не позволили жить, и она уехала в Новгород. У дяди Нюмы и тети Фани было трое детей. Старшую, Саломею (Лялю), студентку 1-го курса Ленинградского технологического института (ЛТИ), сослали в Бузулук (недалеко от Куйбышева), там она продолжила учебу. После окончания вуза ей предложили работу на кафедре, но она предпочла уехать к матери в Новгород, где и прожила всю оставшуюся жизнь. Вышла замуж за человека старше ее на двадцать лет, но это был счастливый брак, муж Иван Венович Ашихман только что не молился на нее. Ляля скончалась. Ее дочь Наташа и двое ее сыновей Дмитрий и Сергей живут в Новгороде.

При том, что она пережила – не дай бог никому – тетя Фаня была очень жизнерадостным и общительным, открытым человеком. Несмотря на краткое знакомство с моей женой Лерой (Лера дважды была короткое время в Новгороде), они как-то быстро сошлись и нашли общий язык, несмотря на сорокалетнюю разницу в возрасте. Я ездил в Новгород на ее 75-летие и, к сожалению, на похороны несколько лет спустя. Удивительная была женщина!

После ареста родителей двоих младших детей, Веру и Бориса, взяла тетя Мина Акодус, жившая вместе с тетей Розой, обе были старыми девами. Тетя Мина была довольно жестким, но очень правильным человеком. Когда за детьми пришли энкаведешники, чтобы забрать их в детский дом, она встала в дверях квартиры и сказала: «Не дам! Отца забрали, мать забрали. Берите меня, но детей не дам». Для сотрудников НКВД это было не слишком существенное дело, получив отпор, они ушли.

Когда началась война, летом 1941-го года Веру отправили в эвакуацию с женой дяди Гали Акодуса, тетей Ниной (учеников школы, в которой она преподавала, вывозили в Ярославскую область), равно как и меня. У дяди Гали и тети Нины была дочка Нина, ровесница Веры, им было по пятнадцать лет, мне - одиннадцать. В Ярославской области мы прожили месяца три-четыре, потом дядя Галя, обосновавшийся в Саратове, перевез нас туда, и там Вера оставалась почти до конца войны. За мной летом 1942-го года приехал отец и отвез в Челябинск. Как они с мамой оказались в Челябинске, я расскажу дальше.

Борис каким-то путем был переправлен в Улан-Удэ к дяде Воле, который вывез туда с Украины руководимый им завод (см. ниже).

После войны оба они вернулись в Ленинград и поступили: Вера – на математический факультет университета, Борис – в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ). ЛИСИ был как раз напротив нашего дома, и Борис частенько наведывался к нам после занятий. Я был на два года моложе, еще учился в школе, но мы быстро сошлись. Помню, однажды я переспорил его по какому-то вопросу (я был более начитан). Борис от огорчения сгреб меня в охапку, буквально засунул под кровать, на которой мы сидели, и заплакал – он не любил терпеть поражение в чем бы то ни было.

По окончании института Борис работал в Северодвинске и со временем возглавил крупное строительство. По его словам, после института он был вызван в КГБ, и ему предложили стать военным строителем и использовать на стройке труд заключенных. На вопрос почему ему это предлагают, когда у него репрессированы родители, ответили: «Потому и предлагаем». Отказываться было не принято. Ему присвоили звание лейтенанта, и он отправился в колонию, где находился подведомственный ему контингент. Борис вообще-то был большой выдумщик, и возможно какие-то детали его трудоустройства в этом всесильном ведомстве не вполне соответствовали действительности, но очень может быть, что так оно и было. В нем было нечто от д'Артаньяна – он был в молодости красивый, стройный и сильный малый, хвастун, забияка, к тому же слегка фантазер, но с вполне развитым чувством реальности. Не могу не упомянуть о том, что с первой же получки он начал посылать деньги матери и Ляле, которая тогда жила небогато. Помогать близким – это для Веллеров и Акодусов было святое.

Уже возглавляя крупное строительство, Борис повздорил с секретарем обкома партии, настаивавшим на проведении какого-то ненужного, по мнению Бориса, канала. Конфликт был настолько острым, что он поехал в Москву, уволился из этого ведомства и с участием дяди Воли добился назначения в Мурманск, где и провел остаток жизни. Возглавляя строительное управление, Борис стал видным человеком в Мурманске, членом обкома партии и ярым патриотом Кольского полуострова. Он был до глубины души советским человеком, мыслил государственно, загибы партии осуждал, но в меру. Полная противоположность мне, грешному. Ко мне он в зрелые годы относился слегка снисходительно, считал человеком не вполне от мира сего, в общем, числил «химиком», по Грибоедову: «Он химик, он ботаник - князь Федор, мой племянник».

Он называл меня самым скромным членом нашего большого семейства (что не так – я просто не тщеславен). Несмотря на то, что были мы совершенно разными людьми, я любил его.

Его жена Елена Алексеевна Скопцова, – из семьи коренных северян, поморов, людей очень определенных и правильных. Она как-то уравновешивала Бориса, не ограничивая в чем бы то ни было, – не часто встречающийся дар.

После начала перестройки государственное строительство рухнуло, и Борис возглавил частную фирму. Его сыновья тоже строители. Младший, Алексей стал крупным бизнесменом, он мэр Мурманска. Старший, Сергей работает в фирме Алексея.

Борис скончался несколько лет назад. У Лены от двоих сыновей пять внуков.

Жизнь Веры была очень негладкой. Когда она училась в университете, у нее завязался роман с курсантом Военно-морского училища. Дело шло к свадьбе, как ни противилась этому тетя Мина, с которой она жила. Но курсанту вовремя объяснило начальство, что жениться на еврейке, к тому же дочке репрессированных родителей, несовместимо с офицерской карьерой, и он ушел в кусты. По окончании университета Веру распределили преподавателем математики в город химиков Дзержинск. Там она встретила будущего мужа Пиню Шмульевича Хазанова, фронтовика, человека исключительной порядочности и добросовестности. Он был для Веры надежным спутником и опорой в жизни. С огромным трудом они переехали в Ленинград – проблемой была прописка. Это гнусное изобретение сталинской системы закрепляло людей в определенном пункте и позволяло контролировать их проживание и передвижение (если таковое разрешалось). Сначала перебралась Вера. Она получила временную прописку в квартире тети Мины, а затем, умудрившись как-то скрыть ее временный характер, прописала в той же квартире мужа, что дало ему возможность переехать в Ленинград. Спустя некоторое время Павлу, заслуженному фронтовику и химику по профессии, предоставили квартиру в Кузьмолове – поселке в двадцати минутах езды от Ленинграда по соседству с большим химическим производством. Там Вера живет до сих пор. Павел скончался лет десять тому назад.

Юность, проведенная без родителей хотя совместно с родственниками, выработала у Веры характер самостоятельный и решительный, при этом она осталась добрым и благожелательным человеком. По дороге в петербургскую спортивную Мекку – Кавголово, куда я ездил почти круглый год тренироваться и бегать на

Фото 5. Мы с Борисом, студентом ЛИСИ (слева).

Фото 6. Галя–девочка с моими сыновьями на даче в Пабраде (Литва).

лыжах, я частенько заезжал к ним в Кузьмолово. Мне было приятно общаться со всем Вериным семейством, а с ней нас связывали и общие воспоминания об эвакуации.

У Веры двое детей. Сын Илья - врач, он давно эмигрировал с женой Ларисой в Израиль. У него две дочери Александра и Фаина, обе отслужили в армии, одна из них с мужем уехала в США, и сын Владимир от первого брака. Илья внимателен к родителям, присылал лекарства, навещал в случае тяжелой болезни, приезжал с семьей на их юбилеи. Дочь Веры Галя - косметолог, она довольно успешно занимается бизнесом в этой сфере. К сожалению, муж давно покинул ее, но она не унывает. Энергию и инициативу она унаследовала от матери. У нее двое детей, сын Вова, детский горнолыжный тренер, и дочь Маша, экономист в строительной фирме. Оба очень славные, боготворят бабушку и заботятся о ней как могут.

Вера всю жизнь учительствовала, будучи преданной этой профессии. Она – преподаватель, как говорится, божьей милостью. Даже сейчас, когда ей восемьдесят девять лет и ее одолевают различные болячки, бывшие ученики упрашивают ее позаниматься с их детьми. Что она и делает, понося – с полным на то основанием – существующую систему образования в России.

Биографии дяди Воли достойна романа. Он окончил техникум и поступил мастером на Коломенский паровозостроительный завод, крупнейший в СССР. Возмущенный творившимся в цеху бардаком, он при случае резко высказал свои претензии директору завода и подал заявление об уходе. Результатом их разговора было его назначение начальником цеха. Будучи человеком умным и деятельным, он быстро продвигался вверх, занимая все более ответственные посты. Это было время молодых - сталинская мясорубка перемалывала в первую очередь старые кадры. В 1940-ом году, тридцати с небольшим лет, он был уже директором крупного Ворошиловоградского паровозостроительного завода на Украине. Началась война, уже в августе немецкие войска подошли к Ворошиловграду. Дядя Воля умудрился вывезти основную часть работников завода с семьями и большую часть оборудования. Сам он покинул город с последним эшелоном, когда немецкие танки уже ворвались в город. Некоторые эшелоны подверглись бомбардировке, часть оборудования была потеряна, но основную его массу удалось вывезти в Улан-Удэ (Бурятия), запустить, и завод стал одним из основных производителей паровозов в стране.

В 1942-ом году ситуация с продовольствием на заводе сильно ухудшилась, недоедавшие люди с трудом справлялись со все

увеличивающимся объемом работ. Тогда Валентин организовал заготовительные бригады, которые ездили по окружности и меняли нехитрые металлические изделия сельскохозяйственного назначения (серпы, например), которые стали между делом изготавливать на заводе, на продовольствие. При этом членам этих бригад зачислялись рабочие часы. Все бы ничего, схема работала, но стал препятствовать этому секретарь парткома завода, он выступал открыто и «сигнализировал» наверх. Когда Сталин позвонил дяде Воле и просил увеличить производство паровозов (в разгаре была сталинградская битва, и нужно было срочно перевозить огромные массы войск и техники), дядя Воля изложил ему этот конфликт, который, он сказал, мешает работе завода, и Сталин прислал разбираться «железного» наркома путей сообщения Л.М. Кагановича. Тот побеседовал с дядей Волей, затем переговорил в его кабинете (на втором этаже) с секретарем парткома. Их разговор закончился тем, что Каганович избил секретаря и спустил его с лестницы. Типичное для того времени разрешение производственного конфликта и еще в гуманном варианте. Секретаря заменили, и все образовалось.

Дядя Воля был заметной фигурой в отечественной промышленности. Его личность типична для директора той эпохи, он сродни герою прекрасной повести Александра Бека «Новое назначение». Суровое время той поры (я имею в виду не только военные годы) выкраивало подобные личности директорского корпуса – преданных делу, решительных, не боящихся ответственности людей.

После войны Валентин стал директором огромного Коломенского завода. В эти годы (1946-1949 гг.) он приезжал в Ленинград по делам в персональном салон-вагоне и обязательно посещал нас. Все братья относились к маме очень внимательно и бережно. На улице он неизменно привлекал внимание окружающих своей импозантной внешностью. Дядя Воля был крупный, полный, но не толстый человек с волевым и, я бы сказал, значительным лицом. Если дело было зимой, на нем была синяя шинель с генеральскими погонами (железнодорожники носили форму), синие же брюки навыпуск с красными лампасами, каракулевая генеральская папаха – было на что посмотреть.

Лично он был весьма неприхотлив – они с женой Ольгой Алексеевной (тетя Оля) имели в Коломне стандартную трехкомнатную квартиру в старом доме, очень скромно обставленную.

Надо сказать, что, бывая в Ленинграде в послевоенные годы (до войны я его практически не знал), он не особо распространялся на свой счет. Для него события военной и послевоенной поры, в

которых он принимал участие, были просто обстоятельствами жизни, а свою карьеру и поступки он, по-видимому, считал нормой. Но жизнью родственников он интересовался, расспрашивал, и если считал необходимым высказать свое мнение, то делал это с большой осторожностью. То, что я о нем написал, основано преимущественно на рассказах более близко знавших его людей, в частности, мамы и Бориса, проведшего в его доме почти все военные годы. Но после 1949-го года я навещал его в Коломне и был свидетелем событий последующих лет его жизни.

Когда в этом году в стране началась антиеврейская компания, его вызвал секретарь областного обкома партии и сказал, что он должен уйти с директорского поста, но может занять на заводе любую другую должность. Валентин просил назначить его начальником отдела в Центральном конструкторском бюро (ЦКБ) при заводе. Он создал в ЦКБ новое подразделение, определил его тематику и параллельно взялся за учебники. Напомню, что у него было техникумовское образование. Валентин поступил на вечернее отделение московского Политехнического института (Бауманки) и закончил его года за три. Разумеется, часть предметов ему зачли, но он действительно учился, я видел это, бывая у него.

Получив высшее образование, он через пару лет защитил кандидатскую диссертацию. Я ездил на его защиту, и насколько мог судить, это была вполне оригинальная конструкторско-исследовательская работа. Все это, когда ему было больше сорока лет! Я не был с ним так близок, как с дядей Шурой, но относился к нему с приязнью и огромным уважением. Крупная была личность – в зрелые годы круто изменить сферу деятельности, оказавшись на высоте по обе стороны грани – единицы способны на это. После защиты он остался работать в ЦКБ. К сожалению, через несколько лет он перенес инсульт, утратил дар речи и часть двигательных функций. Тягостная была картина. Тетя Оля заботливо ухаживала за ним до его смерти. Детей у них не было, но они взяли из детского дома мальчика Колю, тугого на ухо и с несколько отсталой психикой и воспитали его полноценным человеком.

Младший брат, дядя Леля, был самым обаятельным человеком, которого я знал. В чем именно было это обаяние – сказать не могу. Не в каком-то особом уме, или таланте, или доброте, хотя он был очень неглупым и, безусловно, хорошим человеком, но под его обаяние невозможно было не попасть. В молодости он был любителем женского пола и, естественно, пользовался большим успехом. Но черт его попутал связаться с дочкой иркутского генерал-губернатора

(бывшего, разумеется, дело-то было где-то в конце двадцатых годов), которая безумно влюбилась в него. Она оказалась истеричкой и вообще человеком с неуравновешенной психикой, предпринимала попытки суицида или имитировала их, и в итоге Лелику пришлось на ней жениться. Была она довольно некрасива, характер отражался на ее лошадином лице. В послевоенные годы дядя Леля работал инженером на «Электросиле», крупнейшем в СССР заводе – производителе электрического оборудования. Тетя Лена, сколько я помню, не работала. Она безумно ревновала дядю Лелю ко всякой юбке (уж не знаю, с основаниями или без), и семейная жизнь явно не была для него медом. Но по нему это не было видно – сколько я помню, он всегда был в хорошем настроении.

Дядя Леля не был особо близок с тесным кругом Веллеров-Акодусов. Я думаю, основной причиной этого была тетя Лена, которая совершенно не вписывалась в него. Во всяком случае, я не припоминаю их присутствия на общесемейных застольях. Но мама его любила и отец относился к нему с симпатией. В послевоенные годы мы с мамой частенько бывали у него, равно как и он у нас. Он любил поговорить на различные темы и разговоры эти были всегда интересны. В отличие от старших братьев у него было сильно развито чувство юмора, возможно, это связано с тем, что он не занимал, как они, столь важных постов. Мне он очень нравился. Между прочим, он был удивительно похож на В.И. Ленина – невысокий, лысина, овал лица. Правда, бородки не было и не картавил.

Как и дядя Воля, он перенес инсульт, в более раннем возрасте (едва за сорок), но с такими же последствиями. Прожил он в таком состоянии лет восемь-десять.

У них был сын, Саша. Он учился, как и я, на физическом факультете ленинградского университета на два курса старше меня и, по отзывам однокурсников, был очень способным студентом. Физически (лицо, фигура) он скорее напоминал мать, нежели отца, о характере нечего и говорить. Был он весьма замкнут, нелюдим, с родственниками практически не общался. В жизни его произошло событие, по-видимому, усугубившее эти его особенности. У него был роман, не знаю, сколь далеко зашедший, с красивой однокурсницей. В какой-то момент она их отношения прервала и вышла замуж за филолога, будущего переводчика Хрущева Виктора Суходрева. Саша после этого полностью ушел в себя. Как-то после окончания университета я встретил его на улице, он, увидев меня, свернул в сторону. Знаю, что он позднее учительствовал в Мурманске (Борис говорил, но контакта с Сашей и у него не получилось.)

Я рассказал, что знал, о братьях Веллерах и их семьях. Их сестра – моя мама окончила ЛТИ, где познакомилась с однокурсником Иосифом Вениаминовичем Рискиным – моим отцом. Люди они были совершенно разные. Мама провела юность в высококультурной семье. Правда, ее понимание литературы, истории, музыки, художественных искусств ограничивались гимназическими знаниями, средним уровнем той культурной среды, в которой она провела свои юные годы. Мама была уравновешенным, тактичным и деликатным человеком с безупречными манерами, но безо всякой манерности. До поступления в институт она жила в Новгороде. Еще учась в гимназии, она стала давать уроки. Бабушка Рая как жена крупного губернского чиновника не работала. Когда умер дедушка, она была уже немолода, и, несмотря на царскую пенсию, денег в семье не хватало. После революции мама учительствовала.

Отец был интеллигентом в первом поколении. Его отец – мой дедушка был типичным местечковым евреем. Я совсем маленьким, лет двух, видел его однажды, когда он приезжал в Ленинград. Помню, что он был в высоких сапогах и носил грубую куртку, что-то вроде крестьянского зипуна.

Отец был очень живым и эмоциональным человеком. Приехавши из деревенской глуши, он жадно вбирал в себя профессиональные знания и культуру. В частности, он страстно любил и неплохо знал литературу и поэзию и привил эту любовь мне. Мы с ним собрали приличную библиотеку, и большая, примерно восемнадцатиметровая комната в нашей двухкомнатной «хрущевке», которую отцу предоставили в начале шестидесятых годов, была заставлена книжными шкафами и полками. Помню, когда мы только въехали в новую квартиру, то, возвращаясь втроем домой, повстречали на лестничной площадке соседей, молодую пару. Импульсивная жена захотела взглянуть как мы устроились, и заскочила в открытую дверь квартиры, когда мы еще стояли на лестничной площадке. Оттуда донесся изумленный возглас: «Ты погляди, Васенька, сколько книг! А у нас только пустые водочные бутылки на полу!»

Я думаю, именно внутренняя энергетика отца, неуемное стремление к познанию нового и привлекли к нему маму, несмотря на их столь различный бэкграунд. Они образовали семью в 1929-ом году (маме было тридцать лет, отцу двадцать семь), хотя официальные отношения они оформили позже. В 1930-ом году появился на свет я.

У отца был младший брат Липа (стыдно сказать, но я не знаю его полного имени), политрук в кавалерийской части, он погиб под Ленинградом осенью 1941-го года, и сестра Нехама (умерла в блокаду).

Фото 7. Мой отец, тридцатые годы

Фото 8. Молодая мама со мной.

Как я упоминал, в самом начале войны меня отправили в эвакуацию, а родители перенесли тяжелую зиму 1941-1942-го годов в блокадном Ленинграде. Весной 1942-го года им удалось выбраться из него по «дороге жизни» через Ладожское озеро в ходе эвакуации сотрудников института лакокрасочной промышленности, в котором работал отец. Его направили в Челябинск, где был большой лакокрасочный завод. По дороге родителей на какой-то станции ссадили с поезда сотрудники НКВД, которым не понравилась мамина фамилия, и ей пришлось доказывать, что она не немка, а еврейка. Какое-то время родители работали в Челябинске, но вскорости отца перевели в Москву, где организовывался головной институт этой промышленности – военную технику надо было красить, и заводы нуждались в новых разработках.

Жили мы в маленькой, не больше двенадцати метров комнате; какое-то время с нами жил и племянник отца Гриша, сын Нехамы, выбравшийся из блокадного Ленинграда; через некоторое время его призвали в армию. С едой было трудно, в стране действовала карточная система, и даже рабочие пайки были невелики. Выручал мамин дополнительный паек, который она получала как кандидат наук, по нему часто давали продукты, поступавшие по ленд-лизу (пеммикан, яичный порошок, сухое молоко, тушенку), и огородная картошка. В немногочисленных кинотеатрах шли патриотические фильмы («Три танкиста», «Два бойца»), предваряемые военной, как правило, оптимистической хроникой, но общее настроение было тревожным – до лета 1943-го года (победы в Курском сражении) было еще неясно, в чью сторону склонится военное счастье.

Зимой 1943-1944-го годов отец перевез нас в Москву, где мы находились до начала 1945-го года, когда мы с мамой вернулись в Ленинград. В Москве мы жили в комнате папиной двоюродной сестры тети Беллы, разделенной шкафами на две половины. В большей на широком диване спали мы трое, там же была столовая и гостиная (если эти громкие названия применимы к убогой реальности нашего бытия). В закутке, отделенном шкафами, располагалась тетя Белла с двумя детьми. В большой коммунальной квартире, где она жила, было восемь семей; в ней была одна кухня, одна ванная комната и один туалет.

Жизнь Москвы не была легкой, как и всей страны, но шел 1944-ый год, мы наступали почти на всех фронтах, и в воздухе уже витал аромат победы. Увеличились нормы продуктов, отпускаемых по карточкам, на улицах появились продавцы мороженного, около которых выстраивались огромные очереди. Зимой 1944-го года в

Москву приезжала жена Черчилля, что инициировало кучу анекдотов – тоже примета времени, до лета 1943-го года в общем было не до шуток. Все анекдоты начинались вопросом к возвратившейся домой леди Черчилль: «Ну, как там русские, выстоят ли?» Ее ответ в одном из анекдотов гласил: «Народ, который в сорокаградусный мороз может стоять четыре часа в очереди за мороженным, непобедим». В кинотеатрах можно было посмотреть трофейные немецкие фильмы («Девушка моей мечты», «Сказки 1001 ночи»), фильмы Чарли Чаплина. Ярким впечатлением того времени были учащающиеся салюты в честь взятия очередного города или крупной победы. Десятки тысяч людей вечерами выходили на улицы и площади наблюдать фейерверки, расцветавшие в ночном небе. Особенно многолюдно бывало на Красной площади. Помню, как однажды во время салюта толпа людей окружила и восторженно приветствовала всеобщего любимца И. Папанина, вышедшего из здания руководимого им Главсевморпути, по-видимому, тоже полюбоваться зрелищем. Летом 1944-го года через всю Москву провели сорокатысячную толпу пленных немцев; не помню, почему я не ходил смотреть на это шествие. Было ясно – конец войны недалек.

День Победы мы с мамой встретили в Ленинграде. Занятий в этот день не было, но мы всем классом собрались в школе (я учился тогда в девятом классе) и пошли на находившуюся поблизости Измайловскую площадь, заполненную людьми, которые ликовали, обнимались, многие плакали. На лицах было радостное, но отчасти изумленное, растерянное выражение – неужели, действительно, кончились эти 1418 дней тяжелейшего испытания, которое легло на плечи каждого человека. Было ощущение, что завтра начнется новая, неизвестная, но обязательно счастливая жизнь. Над площадью неслись звуки военного оркестра, реяли многочисленные флаги. Человек, переживший этот день, забыть его не может.

Война... Даже самые правдивые произведения о ней («Сашка», «Селижаровский тракт» Кондратьева, «Мертвым не больно», «Атака с ходу», «Его батальон» Быкова) не могут передать того ужаса, каковым она была для ее участников.

По сей день поисковики-добровольцы извлекают из земли останки, ими усеян весь театр военных действий. Мой сослуживец, прошедший всю войну, рассказывал мне, что первые незахороненные немецкие трупы он увидел летом 1944-го года в ходе Белорусской операциии, до того ему встречались только могилы с крестами и табличками с личными данными.

Цена человеческой жизни определялась не только на поле боя.

Через безжалостную машину военно-полевых судов за четыре года войны прошел *миллион* солдат и офицеров, из них примерно сто тысяч было расстреляно. Для сравнения – в немецкой армии, воевавшей шесть лет, под суд было отдано меньше ста тысяч военнослужащих.

Расстреливали Ваньку-взводного
За то, что рубежа он водного
Не удержал, не устерег.
Не выдержал. Не смог. Убег.

Бомбардировщики бомбили
И всех до одного убили.
Убили всех до одного,
Его не тронув одного.

Он доказать не смог суду,
Что взвода общую беду
Он избежал совсем случайно,
Унес в могилу эту тайну.

Удар в сосок. Удар в висок.
И вот зарыт Иван в песок,
И даже холмик не насыпан
Над ямой, где Иван засыпан.

До речки не дойдя Днепра
Он тихо канул в речку Лету.
Все это сделано с утра,
Зане жара была в то лето. *(Борис Слуцкий)*

По две стороны фронта были гестапо и Особый отдел (позднее «Смерш»), но первая из этих организаций имела ограниченные права относительно армии, вторая – была всесильна, и перед ней трепетали все от солдата до генерала.

Военный быт – в широком смысле этого слова – непосредственных участников боевых действий и старшего офицерского и генеральского состава часто разделяла большая дистанция. Есть такой танкист-поэт, а в послевоенной жизни врач-ортопед Ион Деген, ныне живущий в Израиле, человек фантастической судьбы (читатель, поинтересуйся о нем в интернете – ты не пожалеешь), автор стихотворения, к которому трудно подобрать эпитет:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Нам еще наступать предстоит.

Деген, прошел всю войну сначала разведчиком, а после окончания училища танкистом. училища Он числится в десятке самых результативных танковых командиров советской армии. Вспоминая в своем интерью об одном военном эпизоде, Деген говорит: «...на поле выскочил командир дивизии генерал-майор Городовиков...храбрец Городовиков, как рассказывали, лично водил полки в атаки, что никто из начальников его ранга не делал даже в 1941-ом году».

При операции союзников в Нормандии летом 1944-го года в первой волне наступавших был, в частности, бригадный генерал Теодор Рузвельт младший, сын 26-го президента США Теодора Рузвельта и родственик действующего президента Франклина Рузвельта. Так же как и три его брата, он участвовал в 1-ой мировой войне, был дважды ранен и отравлен газами. Он занимал высокие административные должности, был губернатором Нью-Йорка, генерал-губернатором Пуэрто-Рико, Филиппин. В 1942-ом году в возрасте 54-ех лет он вернулся в армию, где уже были двое его братьев (третий погиб в воздушном бою в 1918-ом году). Он воевал в Тунисе, Сицилии, Италии, еще трижды был ранен. «Рузвельт был старшим не только по званию, но и, возможно, по возрасту среди участников высадки десанта. Внешне он мало походил на генерала. В первые четыре дня наступления генеральские «джипы» были разбиты немецкими снарядами. В один из таких дней генерал прибыл на передовой командный пункт небольшого подразделения, снял каску и вытер лоб. Подошел повар и, глядя на него, сказал: «Вы выглядите так, как будто хотите чашку кофе». «Не откажусь, ответил генерал и спросил: - Из каких лесных трущоб ты прибыл сюда?» - «Из Питсбурга», - ответил повар. «Питсбург - чертовское место, – сказал генерал, - там совсем нет хорошеньких девушек, а если есть, то их не увидишь из-за дыма». Повар похлопал его по плечу и стал горячо защищать свой Питсбург и девушек. Но тут он заметил каску с генеральской звездой и в смущении выскочил

из комнаты. «А я-то думал, что это какой-нибудь служака из старых сержантов» - рассказывал он потом. Генерал все время был среди солдат при высадке, подбадривал и воодушевлял их в бою, поминутно рискуя своей жизнью. Он умер от сердечного приступа шесть недель спустя после высадки десанта, и его похоронили в Сент-Мер-Эглизе.» (Д. Ховарт «Утро в Нормандии»)

Командир воздушно-десантной дивизии генерал Риджуэй прыгнул вместе со своими десантниками в немецкие тылы.

В целом, дистанция между генералом и солдатом в войсках союзников была куда как меньше, нежели в нашей армии.

Два мира, два Шапиро...

То, что происходило на фронте, определяло ход жизни в тылу. Существование было осложнено бесчисленными бытовыми проблемами, тревогой о близких на фронте, а таковые были едва ли не в каждой семье. Всякое бывало в те годы – и жлобство, и мародерство, но ни до, ни после войны не было столь многих примеров солидарности людей, готовности помочь ближнему, разделить его беду. Даже мальчишка, каким я был, чувствовал это.

Годы войны неизбывны в памяти тех, кто жил в это время. Память об этой великой и страшной войне не имеет ничего общего с тем, во что она превращена в нынешней России.

Вернусь к семейным делам.

В профессиональном отношении оба моих родителя были на высоте, но таланты у них были разные и, можно сказать, соответствовали их темпераментам. Мама большую часть своей рабочей жизни (кроме военных лет) проработала ассистентом на кафедре органических красителей ЛТИ. Ее познания в этой области были обширные и систематические. Еще до войны она защитила кандидатскую диссертацию, что по тем временам было большой редкостью, и ценилось высоко.

Мне посчастливилось помочь ей в ее работе. В 1950-ых годах мама занималась подбором красителей для пленочных светофильтров, в которых в то время была большая потребность – они были нужны для цветного телевидения, фотографии, астрономии и ряда других областей науки и техники. Подбор делался чисто эмпирически, занимал уйму времени и не всегда приводил к хорошему результату. Будучи оптиком, я знал, что комбинируя синий, зеленый и красный цвета, можно получить практически любую окраску (так называемый «цветовой треугольник»). Мне не составило особого труда вывести систему уравнений, с помощью которых, зная спектры поглощения нескольких красителей, можно

скомбинировать из них смесь, которая будет иметь требуемый спектр, т.е. обеспечит необходимую окраску фильтра, разумеется, приближенно. Используя этот метод, мама быстро стала всесоюзным лидером в создании цветных светофильтров. Разработанные ею фильтры высоко ценились и имели большой спрос. Она получила кучу патентов и была признана лучшим изобретателем ЛТИ.

Окружающие относились к ней с любовью и уважением, чему немало способствовал ее спокойный, выдержанный характер, благожелательность, обширные познания и исключительная добросовестность.

Ее основательность в работе облегчила наше существование в военные и первые послевоенные, голодные годы (продуктовые карточки были отменены только в 1947-ом году). Еще в Челябинске мы, как и многие городские жители, стали сажать картошку. Мама раздобыла и перечитала кучу литературы, посвященной картофелю, и выработала методику посадки и ухода за посевом, благодаря которой мы всегда собирали хороший урожай. Мы продолжили это делать в первые годы после возвращения в Ленинград, и наш урожай был самым обильным среди сотрудников ЛТИ. Мы отвозили несколько мешков дяде Леле, который жил на тогдашней окраине города, поблизости от нашего огорода, а остальное хранилось в большом ящике в подвале нашего дома (мы жили на четвертом этаже). Картошки нам хватало до весны. В том же подвале хранились закупаемые нами дрова – в старых домах не было централизованного отопления, и зимой приходилось почти каждый день топить печку.

В семьдесят семь лет мама перенесла онкологическую операцию. Только после этого она согласилась съехаться с нами (моя семья жила в кооперативной квартире, купленной моими родителями), и мы поселились в большой (по тогдашним меркам) четырехкомнатной квартире. До этого все попытки уговорить ее жить вместе, которые мы делали в течение семи лет после смерти отца, были безуспешны – мама была очень консервативным человеком и тяжело переносила любое изменение в условиях своей жизни. В свое время, нам с отцом стоило невероятных усилий уговорить ее переехать из коммунальной в отдельную квартиру.

После операции мама восстановилась и, несмотря на преклонный возраст, продолжала работу, но перешла на полставки. До восьмидесяти четырех лет, когда у нее начался рецидив болезни, она регулярно два раза в неделю ходила на работу. Скончалась она восьмидесяти шести лет.

Отец обладал редкой способностью совмещать исследовательскую

Фото 9. Мама на кафедре ЛТИ, семидесятые годы.

Фото 10. Мама с внуками на даче в Пабраде, начало восьмидесятых годов.

работу с производственной деятельностью, он стремился доводить результат разработки новой продукции до промышленного выпуска, вникая в мельчайшие детали технологического процесса. Работая в институте над созданием новых красителей, он был своим человеком на заводах лакокрасочной промышленности и имел там большой авторитет. Такой характер его деятельности определялся его живой, подвижной натурой. В 1943-ем году он защитил кандидатскую диссертацию. В армию его не взяли по состоянию здоровья – он был глух на одно ухо из-за перенесенной в молодости операции.

Головной институт лакокрасочной промышленности, в котором работал отец, находился до 1941-го года в Ленинграде и был переведен в Москву в 1942-ом году. После войны институт там и остался, и отец оказался разделенным с семьей: как я упоминал, мы с мамой в 1945-ом году вернулись в Ленинград. Он приезжал к нам почти каждый месяц на несколько дней, и, разумеется, отпуск мы проводили вместе, как правило, на Карельском перешейке. В зимние студенческие каникулы я приезжал в Москву повидаться с ним.

В середине пятидесятых годов отцу предложили поступить в докторантуру ЛТИ на ту же кафедру, где работала мама. Перспектива воссоединения с семьей привлекла его, и он решился на это, но через год бросил докторантуру и вернулся к прежней работе в Москве. Чистая наука – это было не для него, без заводской атмосферы он просто задыхался. В начале шестидесятых годов филиал его института был организован в Ленинграде, и он вернулся домой; ему предоставили отдельную квартиру.

Отец был автором учебника для высших учебных заведений «Химия и технология пигментов». К сожалению, после его кончины в 1971-ом году рукопись книги осталась в виде разрозненных фрагментов. Нам с мамой потребовалось примерно полтора года для того, чтобы подготовить ее к печати. Конечно, помогали и его друзья и сотрудники, но главный труд пал на нас. Учебник несколько десятков лет служил основным пособием для соответствующей специальности вузов. Эта книга стоит у меня на полке.

Будучи пожилым, не очень здоровым человеком, отец сохранил ту же живость натуры, что и на протяжении всей своей жизни. Он удивительно легко входил в контакт с молодежью, находил с ней общий язык. Отец вообще внушал симпатию всем общавшимся с ним людям. Когда подготовленную нами рукопись его книги я принес в издательство вместе с коробкой дорогих конфет, молодая симпатичная редакторша с укоризной сказала мне, кивнув на коробку: «Вот это совершенно лишнее. Ведь это книга Иосифа Вениаминовича».

Фото 11.
Мы с отцом в Москве,
конец сороковых годов.

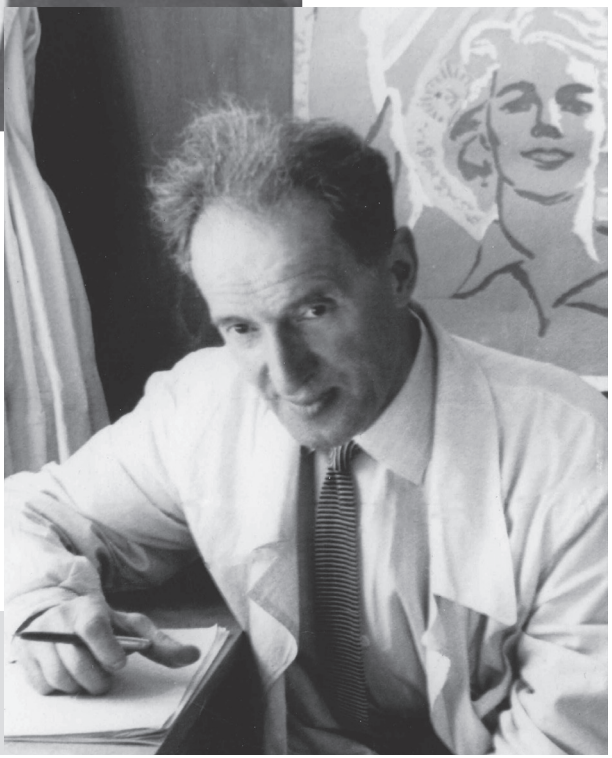

Фото 12.
Отец в лаборатории,
шестидесятые годы.

Сказано это было не для проформы, а от души. Как говорится, комментарии излишни.

Даже в сравнительно либеральные хрущевские годы он ни разу не заговорил со мной о политике, хотя относились мы ко всему происшедшему и происходящему со страной, вне всякого сомнения, одинаково. Надо сказать, и в большом семействе Веллеров-Акодусов, сколько я помню, эта тема никогда не затрагивалась, во всяком случае, на посиделках и застольях. Страх, опасения были крепко вколочены в поколение наших родителей, да и в нас самих, хотя и в существенно меньшей степени. Как пел А.А. Галич: «Промолчи, промолчи, промолчи…»

На меня отец оказал огромное влияние во многих отношениях, в том числе и в выборе профессии. Я склонялся более к гуманитарным наукам, но не жалею, что последовал его совету и стал физиком – участь гуманитария в СССР была бы незавидна. Об его отношении ко мне – что говорить... Придя с работы (после переезда в Ленинград), он еще в прихожей первым делом спрашивал у мамы, которая возвращалась домой раньше его: «Алик дома?» Он очень нуждался в общении со мной, а я не всегда понимал это. Прошло сорок четыре года со дня его смерти, а меня не покидает чувство сожаления, если не укоры совести, что недообщался, недоговорил с ним, а ему это было так нужно.

Глава 2
Университет

В школе я учился хорошо и был кандидатом на золотую медаль, которая давала право поступления в высшее учебное заведение без экзамена. Для этого надо было иметь отличные оценки по всем предметам, в том числе и на выпускных экзаменах. На свою беду, я сделал одну синтаксическую ошибку в сочинении, и поставить мне высший балл (пять) было невозможно. С литературой, равно как и с историей, у меня дела шли особенно хорошо. Научившись самостоятельно читать в четыре года и имея под рукой очень хорошую библиотеку соседа, которой я мог свободно пользоваться, я был к окончанию школы весьма начитан. С учетом моей успеваемости и, вероятно, желая увеличить число выпускников-медалистов, преподавательница литературы вызвала меня после экзамена и тайком дала переписать сочинение, чтобы убрать треклятую лишнюю запятую. Так что я без экзаменов поступил в 1947-ом году на физический факультет Ленинградского университета, носившего тогда имя отвратительного сталинского прихвостня А.А. Жданова. Студенческие годы – счастливая пора, когда уже ведешь почти взрослую жизнь, но над тобой еще не тяготеет ответственность перед самим собой и семьей, когда легко находишь друзей, когда впереди – целая жизнь.

Довольно быстро сложилась компания друзей-однокурсников, в которую, кроме меня, входили Лиля Дубинская и Вова Грибов, ее будущий муж, ставший впоследствии выдающимся физиком-теоретиком, членом-корреспондентом Академии Наук, начальником теоротдела Ленинградского института ядерной физики в Гатчине. Относительно него великий Лев Ландау, знавший о физике все, иногда говорил: «По этому вопросу надо переговорить с Грибовым, он разбирается в этом лучше меня». Вова давно скончался. Другими членами компании были Таня Гутман, ее будущий муж Леня Альтшулер, скончавшийся раньше Грибова, Юра Бланк (сбит машиной), мой одноклассник Сима Элиашберг, Вадим Цирель-Спринцсон. Позднее в нашу компанию влились филолог Нелли Штейнберг – будущая жена Вадима и – еще позже – биолог Наташа Ильинская. Мы дружили с милой парой математиков, Мишей и Тамарой Соломяками. Как видите, в основном, еврейская компания. На нашем курсе вообще было много евреев – примерно четверть курса, который насчитывал около двухсот человек. Помимо взаимной симпатии нас объединяло устойчиво-негативное отношение к советской власти. В нашей компании она именовалась Софьей

Фото 13. Наша студенческая компания. Слева направо: в первом ряду – Таня Гутман, Нелли Штейнберг, Тамара Соломяк, крайний справа, Леня Альтшулер, во втором ряду – Сима Элиашберг, Лиля Дубинская, в третьем ряду – высокая фигура Миши Соломяка, в верхнем ряду – я и Юра Бланк.

Фото 15. Лиля Дубинская и Юра Бланк.

Фото 14.
Слева направо:
Вова Грибов,
Лиля Дубинская,
Леня Альшулер.

Васильевной, и на застольях первым всегда был тост «Чтоб!» - с подразумеваемым продолжением: «она сдохла».

У меня такое отношение к власти сложилось примерно в девятом классе, когда мой одноклассник (впоследствии однокурсник) Андрей Манин дал мне прочесть бог весть каким путем попавшее ему в руки двухтомное сочинение некоего спортивного тренера, который собирался вместе с небольшой компанией в середине 1920-ых годов выбраться из России через Финляндию. Как и его подельники, он был арестован при выходе с поезда «Москва-Ленинград» и посажен в лагерь в Карелии. Еще не было Колымы и Магадана, и лагеря располагались недалеко от обжитых мест. Там он умудрился попасть к начальнику всей системы Карельских лагерей и втюхать ему идею проведения всесоюзной спартакиады заключенных. Тот, желая выдвинуться, сравнительно легко купился на это предложение, согласовал его с высшим начальством, и тренер получил широкие права. Для организации тренировочной базы ему был предоставлен небольшой остров на озере. При этом он потребовал, чтобы на острове не было охраны, а ему дана возможность свободно ездить по лагерям и отбирать перспективных спортсменов. За время таких поездок он познакомился с большим количеством сидельцев и выслушал их истории, многие из которых он изложил в своей книге. Он отобрал какое-то количество людей, нуждающихся, по его мнению, в спасении, и вывез их на этот остров, где имел возможность дать им отдых и подкормить. Там же он собрал друзей по неудачному побегу и подобрал пару-тройку человек, которые могли быть полезны при побеге. За два месяца до начала широко разрекламированной спартакиады, на которую были приглашены представители зарубежных компартий, он свалил со своей слегка увеличившейся компанией и успешно перешел плохо охраняемую финскую границу. Получил политическое убежище в Финляндии, где написал и издал свою книгу. Она открыла мне глаза на окружавшую меня действительность.

Наблюдая то, что происходило вокруг меня, и припоминая события прошлого, я быстро стал законченным антисоветчиком. Такими же были и мои друзья. Самиздат, который позднее стал попадать нам в руки, подбрасывал топлива в костер, а с началом антиеврейской кампании мы еще более сплотились. Вместе с тем подавляющее большинство из нас вступило в комсомол – мы понимали, что отличаться от сокурсников нельзя, посещали комсомольские собрания, в общем, можно сказать, вели двойную жизнь.

Общим нашим увлечением была классическая музыка. Мы

при первой возможности посещали Ленинградскую филармонию, этот знаменитый зал бывшего Благородного собрания, а позднее, и открытый в 1949-ом году Малый зал, где исполнялась камерная музыка. Сколько упоительных вечеров я провел там! Симфонические концерты в Большом зале часто предварялись кратким изложением истории и содержания симфонии, ее особенностей. Я бывал на концертах многих знаменитых дирижеров, зарубежных и отечественных – Н. Рахлина, К. Зандерлинга, Е. Мравинского. Я имел счастье неоднократно слушать гениального пианиста Святослава Рихтера. Он был геем, что уголовно преследовалось в те годы, и известная певица Нина Дорлиак предложила ему фиктивный брак, что спасло его от ареста. Он избежал участи лучшего российского тенора, которого я когда-либо слышал, Вадима Козина, проведшего вторую половину своей жизни в Магадане, правда, последние годы уже свободным человеком. Судили Козина по соответствующей статье, но одна из версий его посадки заключается в том, что истинной ее причиной была монаршия немилость. Во время тегеранской конференции у Черчилля был день рождения. Сталин и Рузвельт справились у него, каких певцов из стран антигитлеровской коалиции хотел бы он послушать во время концерта, организованного в его честь. Названные Черчиллем артисты были доставлены в Тегеран. Среди них был Козин. После исполнения романса, вызвавшего бурную реакцию зала, Козина попросили спеть еще, и он на бис, решив разнообразить репертуар, спел песню «Усы» про бравого молодца-усача, который хорош тем и сем, брав и удал, всеобщий любимец, а заканчивалась песня словами: «Эх, такому б молодцу фронтовой мундир к лицу». Якобы Сталин воспринял эту песню как намек. Как известно, вождь ни разу не приближался к линии фронта в отличие от Гитлера, имевшего ставку в Виннице и неоднократно посещавшего армейские штабы. А уж кто точно не быд трусом, так это Черчилль.

Всю войну до трети истребительной авиации страны не участвовала в боевых действиях, обеспечивая воздушную оборону столицы, хотя после разгрома немцев под Москвой реальной опасности с воздуха для нее не было, немцам было не до того.

Я бывал на концертах великолепного скрипача Давида Ойстраха, питомца знаменитой одесской школы скрипачей. В отличие от Рихтера, он не страдал излишней скромностью, и на вопрос журналиста, кого он считает первым скрипачом мира, ясно дал понять, что это он и есть. На следующий вопрос: «А вторым? - он, поморщившись, ответил: - Ну, вторых много». Из одесской школы вышли

многие замечательные скрипачи середины века, например, Иегуди Менухин. Большинство из них были учениками великолепного педагога, но малообразованного человека, одесского еврея Столярского. В начале 1930-ых годов музыкальной школе, где он преподавал, было присвоено его имя, и он имел обыкновение говорить: «Школа имени мине». П.С. Столярский известен также тем, что, будучи приглашен на банкет в Кремле, провозгласил тост: «За здоровье товарища Сталина и прочих шишек». Речь его была простой, но выразительной. Он так объяснял своему ученику, как исполнять «Хабанеру» Сарасате: «Представь себе, что твоя мама Розалия Самойловна, сварила свое знаменитое вишневое варенье, и ты сейчас его будешь есть. Вот так надо играть Сарасате – пред-вку-шая!»

Любовь к классической музыке сопровождала меня всю жизнь, как и любовь к чтению.

В связи с моими музыкальными увлечениями не могу не вспомнить следующую историю. Моим соучеником в школе и приятелем был Арнольд Кудинский, подслеповатый, сутуловатый паренек, с типично еврейской внешностью. Он увлекался математикой, по-видимому, был очень талантлив и, окончив школу с золотой медалью, поступил на математический факультет университета, где оказался, что называется, на своем месте. Мы продолжали общаться, и на втором или третьем курсе я сводил его пару раз в филармонию. Симфонический концерт ему понравился, а «Реквием» Верди в исполнении филармонического оркестра и хора консерватории с четырьмя солистами произвел на него потрясающее впечатление. Я слышал реквиемы великих – Гайдна, Моцарта, Брамса, они, пожалуй, были глубже в музыкальном смысле, но ни один из них по зрелищности, театральности не мог сравниться с «Реквиемом» Верди. Арнольд после этого концерта вошел в контакт с университетским хором, который был очень неплох и пользовался популярностью в городе, и стал принимать участие в его работе. Он увлекся хоровым пением до такой степени, что года через три-четыре после окончания университета оказался чем-то вроде художественного руководителя этого хора, забросив математику.

На курсе было человек 20-25 прошедших войну. Но о ней они никогда не вспоминали. К учебе они относились серьезнее многих из нас, что естественно. С двумя из них я особенно сошелся, Ефимом Фальком и Женей Инопиным. Ефим был на 7 лет старше меня. На первых курсах мы частенько вместе готовились к практическим занятиям и экзаменам дома у одного из нас. Помню, однажды я как-то неудачно пошутил над ним. Он, обычно спокойный и выдержанный, покраснел, надулся и резко сказал: «Мальчишка! Я

тебя в Сталинграде защищал!» И через минуту сам же рассмеялся. Тем не менее я извинился. В отличие от меня, Ефим поэзией не увлекался, но шуточные стихи легко сочинял. На курсе был славный и добродушный малый Юра Шапиро. Ефим переработал чуть не всего лермонтовского «Демона», сделавши героем поэмы Юру. Начиналась она так:

Над горной крепостью Памира
Меж гордых, неприступных скал
Печальный демон Ю.Шапиро
Шурша крылами пролетал.

Помню такой кусок:

Тебя я, вольный сын эфира,
Каков, читатель, мой Шапиро?!
Возьму в межзвездные края
И будешь ты царицей мира,
Нося фамилию Шапиро
Подруга верная моя!

Конец поэмы:

И проклял он весь белый свет
И вот на пагубу Вселенной
Своей стопою окрыленной
Пошел он в Университет.

После специализации мы оказались в различных группах и стали общаться реже. Оказавшись после распределения учителем (об этом ниже), Ефим остался верен этой профессии, она соответствовала его натуре – он был выдержан, скурпулезен, изучив материал, мог методично и последовательно изложить его; в этом отношении наше общение было не только приятно, но и полезно для меня.

Женя Инопин был всего на 3 года старше, и в морскую пехоту попал в 1944-ом году. Комплекция у него была соответствующая (крупная), характер веселый, озорной, и наше общение имело в основном «внеучебный» характер. Женя в качестве специализации выбрал ядерную физику; группа ядерщиков на четвертом курсе была переведена, кажется, в Москву. Знаю, что в семидесятых годах он руководил теоротделом в Физико-техническом институте в Харькове.

У нас были прекрасные педагоги. Курс общей физики нам два года читал Торичан Павлович Кравец. Он прекрасно знал историю

физики. Как правило, излагая какую-то тему, он сопровождал ее экскурсом в глубину веков. Во время лекций проводились демонстрационные опыты, которые выполнял пожилой лаборант, видимо, понимавший Кравца с полуслова. Я еще на первом курсе как-то привязался к Кравцу, он тоже испытывал ко мне приязнь. Я бывал у него дома, и он рассказывал мне фрагменты своей исключительно пестрой биографии. Она настолько интересна, что я не могу удержаться от краткого ее изложения.

В 1898-ом году он с отличием окончил московский университет, начав научную работу еще студентом 3-го курса. С 1899-го по 1922-ой год он преподавал на различных курсах и в университетах Москвы, Харькова, Пятигорска и Ленинграда, причем одновременно вел научную работу в самых разных областях физики. В этот период жизни его особо интересовала природа поглощения света растворами молекулярных соединений. Достаточно упомянуть о том, что фундаментальное понятие силы осциллятора было введено в физику Кравцем. Он исследовал природу окраски растворов коллоидных соединений, полученные им результаты пригодились ему много позже, когда он занялся скрытым фотографическим изображением. Темой его магистерской диссертации, защищенной в 1913-ом году, было, цитирую Кравца, «сближение учения об аномальной дисперсии с электронной теорией, из которой оно взяло свое начало и от которой оно на некоторое время как бы оторвалось».

После революции Кравец одно время заведовал кронштадтской метеостанцией. В 1922-ом году был назначен членом коллегии Научно-технического отдела Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и членом Комиссии по истории знаний АН СССР (позднее он был заместителем председателя Комиссии по истории физико-математических наук АН С.И.Вавилова). В том же году Кравец был арестован за поддержку обращения работников высшей школы и Академии Наук в правительство по поводу политики властей в отношении науки и образования (так называемая «профессорская забастовка») и после пятимесячного заключения, приговорен к административной ссылке на три года в Сибирь. При этом он продолжал научную и преподавательскую работу, заведовал сейсмологической станцией в районе Байкала. Он занимался вопросом колебания уровня озер. Используя данные, полученные Иркутской обсерваторией, и результаты собственных наблюдений, он изучил амплитуду колебаний уровня воды, вызываемых ветром. После ссылки он исследовал колебания уровня воды на Балтике и связал их с наводнениями в Ленинграде. В иркутский период жизни

Кравец написал статью «О геологических последствиях перемещения полярной оси», его вообще живо интересовали проблемы геологии и геофизики.

Отбыв ссылку, Кравец вернулся в Ленинград, где начал работать одновременно в Физико-математическом институте АН СССР и в Государственном оптическом институте (ГОИ), руководя лабораторией научной фотографии. Он исследовал природу скрытого фотографического изображения. Существовавшая в ГОИ сильная школа научной фотографии, которую я еще застал, когда стал работать там, это ученики Т.П. Кравца (кстати, одним из ярких представителей этой школы была тетя Юры Бланка Ида Рувимовна Протас). Его пригласил в ГОИ основатель этого института Дмитрий Сергеевич Рождественский, который высоко ценил Кравца.

С 1938-го года Кравец заведовал кафедрой общей физики и научно-исследовательской лабораторией Ленинградского университета и был консультантом лаборатории научной фотографии ГОИ. При эвакуации университета в начале Великой Отечественной войны он был оставлен в Ленинграде в качестве уполномоченного по физическому факультету университета и не только заботился о сохранении имущества, но старался помогать оставшимся в блокадном Ленинграде сотрудникам. В июле 1942-го года, ослабевшим от голода, он был эвакуирован в Йошкар-Олу, где продолжил работу в ГОИ, а по возвращении в Ленинград после войны стал снова преподавать в университете.

Под его редакцией и отчасти в его переводах вышли на русском языке книги П. Друде "Оптика", Г. Лоренца "Теория электронов", М. Абрагама - Р. Беккера "Теория электричества", Р.Б. Райдала "Химия поверхностных явлений", труды М. Фарадея по электричеству. Он издал труды Э.Х. Ленца и написал к ним комментарий, принимал активное участие в издании собраний сочинений Д.И. Менделеева и М.В. Ломоносова.

И это поверхностное, далеко не полное изложение его интересов и активности. Каков масштаб личности!

Разумеется, он рассказывал мне отдельные эпизоды, но он, человек, которому перевалило за семьдесят, с его научным и человеческим опытом, общался со мной, восемнадцатилетним щенком, на равных. Он поил меня чаем, угощал. Сейчас я понимаю, что старику бывало одиноко после смерти жены, и он был рад моему обществу, тем более, что я с искренним интересом слушал его увлекательные истории. Конечно, мне следовало уделять ему больше внимания, навещать и по окончании его курса, но молодость эгоистична и слепа. Только через много лет осознаешь, с каким человеком ты имел

счастье общаться. Кравец скончался в 1955-ом году.

Могу с уверенностью сказать, что я по-настоящему заинтересовался физикой благодаря лекциям Торичана Павловича Кравца и разговорам с ним.

Был и специальный предмет – история физики. Его преподавал Карл Карлович Баумагардт, дореволюционный профессор, его лекции были основательны, хотя и скучноваты по сравнению с блестящими Торичановыми отвлечениями в прошлое.

Курс высшей математики читал академик Владимир Иванович Крылов, один из крупнейших математиков страны, какие-то главы (кажется, высшую алгебру) – доцент Хоршиладзе.

Курс теоретической физики вначале вел блестящий физик-теоретик, очень плохо видящий Лев Эммануилович Гуревич. Что-то в нем, действительно, напоминало льва – седая грива волос, чувство собственного достоинства, гневливый и требовательный характер. Лектор он был замечательный. Но писать на доске ему было тяжело, и он, к нашему великому сожалению, ушел руководить теоротделом знаменитого Физико-технического института (ФТИ) – Физтеха. Целое поколение прекрасных теоретиков Физтеха, В.И. Перель, Г. Бир, да всех не перечесть – это ученики Льва Эммануиловича. После него курс стал читать доцент А.Г. Власов, толстый с ленцой человек, не слишком утруждавший себя. Частенько, доведя какой-то длинный вывод до середины, он вызывал к доске кого-то из студентов теоргруппы поспособнее: «Ну, ты, Грибов, к примеру, иди сюда, закончи вывод этой формулы». Что тот и делал. Власова я застал в ГОИ, он был там начальником теоротдела, за немногими исключениями довольно слабого.

Многие, в том числе и я, слушали факультативный курс астрофизики. Его читал маленький, не просто некрасивый – уродливый человечек с грузинской фамилией, вылетевшей из памяти. Он увлекательно и эмоционально излагал тогдашние представления о Вселенной. Помню, как он, рассказывая об экспериментальной проверке каких-то теоретических выкладок, связанных с определением расстояний в космосе, всплеснул ручками и буквально завопил: «Сошлось до двадцати порядков величины! Потрясающее совпадение!»

Я в качестве основной специализации выбрал оптику, как и Бланк и Дубинская из нашей компании. Курс оптики читал Сергей Эдуардович Фриш (его отец, сенатор, изображен на картине И.Е. Репина «Заседание Государственного Совета»); приемная дочь Сергея Эдуардовича училась на нашем курсе. Как и Кравец, он не просто излагал фактический материал или теоретические представления, но подробно освещал историю вопроса, что давало нам представление о механизме самого процесса открытий и изобретений.

Фото 16. Т.П. Кравец.

Фото 17. С.Э. Фриш с женой.

Фото 18. На лыжной прогулке. Слева направо: Вова Грибов, Наташа Ильинская, Юра Бланк, Лиля Дубинская и я.

Ярким воспоминанием является его эскапада во время борьбы с космополитизмом, ведшейся параллельно с антиеврейской кампанией и вполне коррелированной с ней. В Большой физической аудитории, имевшей форму амфитеатра, происходило собрание сотрудников физического факультета, посвященное борьбе с этой язвой, разъедавшей научное сообщество. Аудитория была забита преподавателями факультета и студентами. Докладчиком был некий писатель Львов, специализировавшийся на разоблачении космополитов; он известен тем, что был пойман на краже книг из библиотеки Академии Наук. Разумеется, в числе тех, кто пытается навести тень на плетень чистой отечественной (вообще российской) науки был назван Эйнштейн со своей лжетеорией относительности, цинично ставящий под сомнение любое жизнеутверждающее учение. Сергей Эдуардович – подтянутый, всегда безупречно одетый, корректный человек с вытянутым, типично остзейским лицом сидел, как и большинство профессоров, в первом ряду. При произнесении этого имени с упомянутым комментарием, он вскочил с места, одним прыжком перемахнул почти метровый барьер, отделявший аудиторию от площадки перед доской с огромным столом, на котором производились демонстрационные опыты и перед которым разглагольствовал Львов, и, потрясая у него под носом поднятой рукой, каким-то высоким фальцетом прокричал: «Эйнштейна трогать не позволим!» Аудитория реагировала сочувственным гулом, и последующие попытки Львова продолжить свою бредятину прерывались возмущенными выкриками, свистом, топаньем ногами – разоблачение космополитов явно не удалось. Должен сказать, что к чести физиков среди них не нашлось ни одного сколько-нибудь крупного ученого, который бы согласился принять участие в этой кампании, и пришлось оставить их в покое, да и опасно было трогать – бомбу-то делали они. В отличие от биологов, где такие люди как Т.Д. Лысенко, И.И. Презент, да и не они одни, отбросили биологию и генетику на десятки лет назад. Я не говорю об областях науки, где еще проще было развернуться – истории, филологии а также об изобразительных искусствах.

Сергей Эдуардович сыграл важную роль в моей последующей судьбе (об этом дальше).

Все это омрачало жизнь, но юность беззаботна. Мы радовались в общем безоблачной после страшных лет войны жизни, интересной учебе, были окружены хорошими в массе своей людьми. Глухое, подспудное сползание страны в средневековье мы ощущали каким-то «боковым» чувством, но не воспринимали трагически, пока это

не касалось нас лично. Мы с удовольствием ходили на майские и ноябрьские демонстрации. Даже комсомольские собрания с разоблачениями тех или иных, как правило, достаточно невинных проступков не оставляли тягостного следа. Запомнилось, как на одном из собраний разбирали студента старших курсов, соблазнившего девицу, которая написала заявление в партком, что он обещал, а потом отказался жениться. Слава Лущик двумя курсами старше (он будет упомянут далее), в то время большой комсомольский активист, после того, как этот довольно циничный малый заявил, что доносительница не была невинной девушкой, с азартом спросил: «А как ты это узнал?» На что тот отвечал: «Чисто экспериментальным путем!»

Запомнилось, как на одном из косомольских собраний перед седьмым ноября райкомовский лектор произнес: «Товарищи, 800-летие Москвы не случайно совпало с годовщиной Великого Октября!» (по-видимому, Юрий Долгорукий знал что и когда делать).

Во время зимних каникул мы своей компанией ездили в какой-нибудь дом отдыха кататься на лыжах. Один раз прогулка кончилась драматически – Лиля Дубинская сломала ногу. Летом многие с нашего курса организовывали стройотряды и работали в Ленинградской области. Работа на свежем воздухе и в своей среде приносила удовлетворение, к тому же они подзарабатывали, что было для многих весьма существенно. Я жил в семье и в общем-то не нуждался, хотя первое пальто мне сшили, когда я был на четвертом курсе – до того я ходил в перешитой шинели, а первый костюм после окончания университета. В этих выездах я не участвовал. Два раза за время учебы мужской состав курса ездил на месячные тренировочные курсы в военные лагеря (мы посещали военную кафедру, где нас обучали радиолокации). Своя студенческая среда скрашивала и это достаточно бессмысленное времяпровождение.

Подходило время распределения, которое должно было определить наше будущее, и настроение у нашей компании, да и на курсе вообще было тревожное. Мой руководитель дипломного проекта Юрий Максимович Каган был довольно молодым человеком, у нас были прекрасные отношения. Как и я, он любил музыку, хорошо знал литературу, а также, унаследовав небольшую, но ценную коллекцию картин, был ценителем и знатоком изобразительного искусства. Все это нас сближало, я часто бывал у него дома. Он ясно понимал, что могло меня ожидать, и по своей инициативе пошел к заведующему кафедрой С.Э. Фришу, который его высоко ценил, и тот отправился на крупный оптический завод – ГОМЗ

(Государственный оптико-механический завод, ныне ЛОМО) и просил посодействовать моему трудоустройству своего старого знакомца Ивана Алексеевича Шошина, главного инженера Центрального конструкторского бюро (ЦКБ) при заводе (о нем дальше). Шошин переговорил с директором завода Панфиловым (о нем тоже дальше), и я получил распределение на этот завод. Благодаря ходатайству заведующего кафедрой теоретической физики профессора Ю.В. Новожилова, который участвовал в работе ЮНЕСКО (учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) и вообще был влиятельным человеком, Вову Грибова, самого талантливого выпускника этой кафедры, распределили на ленинградский завод «Линотип», но завод был «закрытым», и его туда не взяли. Он устроился в какую-то городскую школу. Леню Альтшулера, как инвалида (у него одна – оперированная – нога была значительно короче другой), оставили в Ленинграде, его направили в школу. Школа от него отказалась, и он нашел работу в каком-то конструкторском бюро (КБ). Сима Элиашберг попал на ленинградский завод «Красный Химик». Все остальные выпускники-евреи были распределены учителями в областные школы, причем единицы – в Ленинградской области, большинство было направлено в Северо-Западные области, но были назначения и в отдаленные города Сибири. Некоторых направили в техникумы, тоже не поблизости. «Чистый» контингент получил распределение в научно-исследовательские институты Ленинграда и Москвы, кое-кто остался в аспирантуре при факультете. Как в романе К. Симонова «Живые и мертвые», о котором я упоминал в первой главе, немецкая танковая колонна разрезает отступающую группу советских войск на две части, и почти все, оказавшиеся сзади этой колонны, погибают, так и тут, мы, бывшие пять лет одним коллективом, в котором национальность, несмотря на набиравший силу антисемитизм, не играла роли, оказались грубо разделенными по национальному признаку. Непросто было перенести такой шок. Картина обширного предбанника - комнаты, в которой заседала распределительная комиссия, и куда нас вызывали по одному, являла невеселое зрелище. Счастливцам – будущим научным работникам – было стыдно глядеть в глаза друзьям-изгоям, на глазах некоторых из них были слезы. Но в массе своей они держались достойно. Лично я испытывал большую неловкость, оказавшись благодаря С.Э. Фришу в относительно благоприятных обстоятельствах.

Мы вступали в настоящую взрослую жизнь в гнетущей обстановке 1952-го года. Очередной виток параноидального винта

сталинских репрессий начался в 1949-ом году; его предвестником была проводившаяся с 1947-го года компания по борьбе с «безродным космополитизмом». «Дело Еврейского Антифашисткого комитета», «Ленинградское дело», «Дело адмиралов», «Дело врачей»; подозрительность, страх, неуверенность в завтрашнем дне – вот господствующие чувства людей, помнивших довоенные годы или знавших о них. Мрачную атмосферу тех лет для таких как я передает стихотворение Бориса Слуцкого «В январе 53-го».

Я кипел тяжело и смрадно,
Словно черный асфальт в котле.
Было стыдно. Было срамно.
Было тошно ходить по земле.
Было тошно ездить в трамвае.
Все казалось, билет отрывая.
Или сдачу передавая,
Или просто проход давая,
И плечами задевая,
Все глядят с молчаливой злобой
И твоих оправданий ждут.

Оправдайся – пойди, попробуй,
Где тот суд и кто этот суд,
Что и наши послушает доводы,
Где и наши заслуги зачтут.

Все казалось: готовятся проводы
И на тачке сейчас повезут.

Нет, дописывать мне не хочется.
Это все ненужно и зря.
Ведь судьба – толковая летчица –
Всех нас вырулила из января.

Чтобы не заканчивать описание светлой студенческой поры этой невеселой картиной, расскажу о забавном случае, приключившемся со мной незадолго до выпуска. Я картавлю, и внятное произнесение моей фамилии всегда меня затрудняло. Мне это надоело, и я каким-то образом сумел официально заменить в моем паспорте букву «и» на букву «ы», и стать не Рискиным, а Рыскиным, что произносить мне значительно легче.

Но приближался выпуск, и, дабы избежать разночтения паспорта с дипломом, я пошел к факультетскому секретарю Милице Петровне и, рассказав эту историю, спросил, как мне получить диплом, в котором будет указана новая фамилия. Милица Петровна была буквально матушкой для всех студентов, вникала во все их проблемы, принимала близко к сердцу любые злоключения, естественно, пользовалась всеобщей любовью, и мы бежали к ней по любому поводу. Она сказала, что одна буква – это пустяк, не нужны никакие формальности, она просто выпишет диплом на правильную фамилию, и никто не обратит на это внимания. Я поблагодарил и ушел. По-видимому, вскоре после меня появился некий Петров (не с нашего курса) и долго морочил ей голову какими-то своими проблемами, в которые хотел ее вовлечь, так что у нее в голове все смешалось. Некоторое время спустя ко мне подошел кто-то из сокурсников и сказал, что Милица Петровна в панике и всем приходящим к ней нашим однокурсникам говорит: «Кошмар какой – оказывается, что Рискин вовсе не Рискин, а Иванов! И что я теперь должна делать?!» Пришлось пойти к ней еще раз и вернуть ситуацию «на круги своя».

Глава 3
Государственный оптико-механический завод

В сентябре 1952-го года началась моя заводская жизнь, продлившаяся четыре с половиной года. В профессиональном отношении она мало что мне дала, но полученный в ней жизненный опыт был во многом ценен. Я работал в лаборатории спектральных приборов. Как и в других подразделениях ЦКБ, там было немалое число моих единоплеменников, недавних выпускников высших учебных заведений. Директор завода Панфилов, бывший балтийский матрос, бог весть когда и какое получивший образование, был человеком властным, грубоватым, при случае пускал матерком. Вероятно, он мало разбирался в сути огромной номенклатуры выпускавшейся заводом продукции, но картину в целом понимал, особенно в планово-экономическом ее аспекте. Он имел большой авторитет не только у большинства работяг, для которых он был своим человеком, но и в коридорах Смольного, партийной цитадели Ленинграда. Благодаря этому, он, будучи неглупым человеком, брал получивших образование евреев на работу, чего большинство директоров институтов и предприятий в то время да и впоследствии не делало или делало только в случае крайней необходимости.

Задачей лаборатории была разработка и усовершенствование спектральных приборов, их юстировка, т.е. приведение в рабочее состояние после изготовления всех деталей и их сборки, а также контроль готовой продукции. За каждым сотрудником или группой сотрудников были закреплены приборы определенного типа. Значительную часть времени мы проводили в цехах, выпускавших эти приборы. Там я впервые тесно соприкоснулся с рабочим классом. Это напрочь выбило из меня определенный снобизм, взгляд свысока, свойственный получившим образование людям (подчеркну, что я говорю о том времени, той стране и тех людях), и выработало уважение к любому труду. Во-вторых, я увидел, что рабочий люд весьма далек от представленной в тогдашней литературе идиллической картины беззаветных и бескорыстных тружеников. Заработок представлял основной интерес даже для реально интересующейся своим делом и заботящейся о своей репутации высшей касты рабочих, сборщиков и юстировщиков приборов, а среди них были настоящие асы. Бригадиров и мастеров в первую очередь занимало выполнение плана, но они находились под определенным давлением низов. Руководство цеха кроме плана не интересовало ничего, выполнение плана в той системе экономики – святое. По роду работы мне приходилось взаимодействовать со всеми упомянутыми категориями, и я

имел возможность понять мотивации их поведения.

В 1952-ом году было принято постановление о строительстве нового комплекса зданий Московского университета на Воробьевых горах, оно предусматривало оснащение этих зданий всем необходимым оборудованием, в том числе спектральными приборами. В рамках программы по изготовлению этих приборов я курировал выпуск трех огромных спектроскопов, в каждом из которых были три большие призмы из натурального кварца с общей базой около метра. Качество прибора, т.е. возможность получения четкой картины спектра, зависело в основном от качества призм. Кварц имеет определенные дефекты своей кристаллической структуры, и задача заключалась в том, чтобы нужным образом обработать призмы, т.е. придать их поверхностям такую форму, которая компенсировала бы эти дефекты и минимизировала их влияние. Возможно было также компенсировать дефекты одной призмы дефектами других, то и другое можно было сделать только эмпирически. При высоких требованиях, которым должны были удовлетворять приборы, это была задача неимоверной сложности и требовала огромного труда.

Дело было в декабре месяце, и случилось так, что выполнение годового плана завода определялось выпуском этих трех приборов. Я провел в цеху практически безвылазно две недели, в течение которых меня два раза отвозили домой часа на четыре, потом привозили на завод, иногда я мог урвать часок-другой сна на топчане в комнате мастеров. Нервировали визиты начальства - дело шло о выполнении не только годового плана, но и решения партии и правительства. Давившему на меня начальнику планового отдела завода Брусиловскому в ответ на его понукания я возразил французской поговоркой: «Самая красивая девушка может дать только то, что она имеет». На что он, не задумываясь, ответил: «А русская женщина может дать в два раза больше!» Убедительно.

Дважды являлся Панфилов со свитой. Первый раз он обрушился на моего доброго знакомца, расчетчика спектральных приборов Лобачева, который ни слухом не духом не был повинен в тяжелой ситуации – он не мог учесть в своем расчете прибора дефектов призм и был тут совершенно не при чем. Панфилов бросил ему: «Зачем ты мне на заводе нужен? Я лучше корову куплю, она хоть молоко будет давать». Во время войны Лобачев был год в плену, он избежал лагеря, но жил с этим клеймом. Он, промолчал, виновато опустив голову. Отвратительная была сцена. Во второй визит Панфилов спросил меня: «Ну, что там у тебя?» Я занимался доводкой последнего прибора, два предыдущих мы худо-бедно довели до пристойного состояния. Объясняю, что тонкая структура спектральных линий ртутной

лампы не разрешается, как должна бы быть, и что я пытаюсь сделать для минимизации аберраций (искажений). Не дослушав, говорит: «А ну, пусти». И садится за микроскоп, в который я рассматривал спектр. Минут десять рассматривал картинку (не думаю, что он что-нибудь в ней понимал) и, вставши, произнес: «Пойдет».

План был выполнен со всеми вытекающими последствиями – хорошие премии для начальства, переходящее знамя, грамоты и т.д. Что-то перепало и работягам. Впоследствии бригады заводских работников ездили в Москву на монтаж и установку приборов в зданиях физического и химического факультетов. Несколько раз выезжал с этими бригадами и я. Новые здания МГУ отличались аляповатой роскошью экстерьера, небрежностью внутренней отделки и огромным количеством недоделок.

Мне приходилось участвовать в работе таких бригад и в других городах России, где устанавливались выпускаемые нами спектральные приборы. Я побывал в Магнитогорске, Ростове, Краснодаре. В Магнитогорске я имел возможность видеть величественную картину работающих домен, наблюдать фантастический процесс изготовления проволоки, когда рабочий ухватывает огромными щипцами катящийся по роликам брусок раскаленного металла и пробегает с ним, вытягивая до нужного размера. Ясно, что сегодня этот процесс автоматизирован.

Забавная история произошла в Ростове. Меня и механика-юстировщика поселили в номере, где кроме нас уже было шесть-восемь постояльцев. Накануне в газетах было помещено извещение о снятии со своих постов Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Так вот, посреди ночи одному из сожителей пришла в голову мысль, что в стране образовался вакуум власти и кроме него его некому заполнить. Не могу судить, было ли это результатом воздействия вчерашних винных паров, или душевного заболевания, но, так или иначе, он начал метаться по комнате, вопрошая проснувшуюся аудиторию, каким образом он может/должен управлять страной. В частности, он подсел на кровать к моему механику и стал допытываться об этом у него. Не помню, что тот ему отвечал, как вообще удалось его утихомирить (кажется, без санитаров все же не обошлось), но на работу пришлось идти с тяжелой головой.

Я еще застал на заводе последнего немецкого ученого из фирмы Шотта, расположенной в советской зоне оккупации в Иене, доктора Кюне. После войны почти все оборудование этой фирмы и часть исследовательских кадров были вывезены в СССР, многое из этого досталось ГОМЗу. Надо сказать, что фирма Шотта имела форму

народного предприятия, причем не в переносном, а в буквальном смысле слова. Ее акции принадлежали всем работникам, и часть прибыли фирмы шла на обучение их детей, например в Иенском университете, с последующим трудоустройством в фирме (если они этого желали). Почти социализм, а, может быть, именно он.

Оборудование, поступившее на завод, распихали по цехам, а ученые, обладая большим опытом и высокой квалификацией, трудились в ЦКБ, немало поспособствовав послевоенному прогрессу оптического приборостроения. Через несколько лет их стали отпускать в Германию, как и ученых-атомщиков, работавших в Сухуми. Уже при мне уехал и Кюне. Он был классным специалистом и почти легендарной фигурой. Среди многочисленных баек о нем была следующая. Во время проведения какого-то опыта он вскочил и, тряся рукой, завопил: «О гомза, гомза!» Оказалось, что у ртутной лампы отечественного производства, которую он держал в руке, произошло замыкание на корпус, и он не мог отшвырнуть ее из-за спазма.

И.А. Шошин.

Надо сказать, что наши репарации имели следствием оснащение советских заводов в значительной мере устаревшим оборудованием, а ГДР начала создавать промышленность «с чистого листа», и это сыграло определенную роль в том, что ее продукция отличалась довольно высоким качеством.

Нельзя сказать, чтобы я не пытался как-то использовать полученный в университете багаж знаний. Уж не помню, какую проблему, связанную с изготовлением кристаллических кварцевых призм для приборов, я пытался решить, и решил-таки, потратив несколько месяцев на написание необходимых уравнений. Пошел с этим к Шошину, о котором упомянуто выше.

Иван Алексеевич Шошин был фигурой в высшей степени примечательной. В 1918-ом году для решения задачи производства оптического стекла для армейских и флотских прицелов в Петрограде был организован Государственный оптический институт (ГОИ; подробно о ГОИ будет рассказано далее). Во главе него поставили академика Дмитрия Сергеевича Рождественского, который был крупным ученым, можно сказать, одним из второстепенных

создателей квантовой физики. Рождественский понимал значение оптики для вооруженных сил, а также осознавал необходимость сохранения имеющихся кадров физиков в раздрае и голоде первых лет постреволюционной России. В числе набранного им небольшого поначалу контингента были молодые ученые и студенты старших курсов Московского и Петербургского университетов, в том числе упомяну фамилии Теренина, Фриша, Гросса, Шошина. Они были многообещающими сотрудниками нового института. А.Н. Теренин (будущий академик) проработал в ГОИ всю жизнь, С.Э. Фриш и Е.Ф. Гросс (член-корреспонденты) позднее ушли в университет, а Шошина Рождественский спустя некоторое время направил на организацию промышленного производства оптических приборов (будущий ГОМЗ). Шошин со временем стал лидером оптического приборостроения. Будучи по призванию человеком науки, он избегал начальственных постов (возможно, были и другие причины такой его позиции, но мне они неизвестны). К тому времени, о котором я веду речь, он формально занимал скромный пост главного инженера ЦКБ, а де-факто руководил идеологически большинством направлений приборостроения на заводе. Он обладал огромными знаниями и опытом в самых разных областях оптики. Казалось, о ней он знал все. Вместе с тем, я думаю, он не мог не сравнивать свое положение со статусом своих бывших коллег и должен был испытывать скрытую ревность (неточное слово, но не подберу лучшего) по отношению к ним. Полагаю, что именно в этом был корень, скажу так, отсутствия у него особой благожелательности к приходящей на завод научной молодежи и стремления максимально использовать ее потенциал. Он был симпатичным, тактичным человеком, спокойным, никогда не повышающим голоса, объективным и справедливым при возникновении конфликтных ситуаций. Шошин в два счета доказал мне, что давшуюся мне с таким трудом задачу можно решить более простым способом. На этом мои попытки совместить свою производственную деятельность с наукой и кончились.

Немалую долю времени мы, работники ЦКБ, проводили на полях. Причем речь шла не об отдельных выездах на пригородные участки, нас посылали на две недели, на месяц в достаточно отдаленные подшефные колхозы, однажды, чем-то провинившись, я провел тем два месяца. Рабочие в этой сельскохозяйственной эпопее участия не принимали.

Запомнился день 5-го марта 1953-го года, когда было объявлено о смерти Сталина. Огромное количество людей (на заводе работало много тысяч) вышли на большие заводские площадки между зданиями, их объединяла общая в их восприятии беда. Было море слез, а мною владела одна мысль – как бы среди этой убитой горем

толпы не вырвалось наружу мое скрытое ликование. Это всенародное горевание по поводу смерти палача не кажется ли вам «из той же оперы», что и популярность нынешнего главы России? Люди-то, в массе, те же, если не хуже… Полагаю, что хуже.

Я работал с «элитными» бригадами, занимавшимися окончательной сборкой и юстировкой приборов. С работягами у меня постепенно сложились хорошие отношения, я по их мнению не «выпендривался», работал честно, охотно объяснял свои действия и не стеснялся спрашивать о том, что мне было неясно. Из молодых я сошелся ближе всех с Витей Жирновым, он был всего на год старше меня. Не помню почему, но несколько лет до поступления на завод он провел вне дома, хотя у него была мать и две сестры, и он поддерживал с ними отношения. Он имел незаконченное образование и в вечернюю школу при заводе, поступил уже при мне. Много позднее, лет через двадцать-двадцать пять, он стал учиться на заочном факультете какого-то ростовского технического вуза и закончил его. Жил Витя в небольшом заводском общежитии, примыкавшем к заводу. Это был живой, активный парень, очень любознательный, интересующийся тем, что он делал. Я охотно объяснял ему, что мог. Он уже пару лет занимался альпинизмом и как-то во время нашей беседы зимой 1953-го года, оглядев мою фигуру, сказал: «А ты ничего, поджарый, почему бы тебе не поехать в горы?»

И в 1953-ем году я первый раз отправился в горы, хотя в университете был далек от спорта. Так начался для меня новый отрезок жизни, который длился сорок лет. С Витей же меня связала многолетняя дружба, продолжавшаяся вплоть до его смерти, случившейся более пятнадцати лет тому назад. В те годы альпинизм отчасти компенсировал мое несколько угнетенное состояние.

Должен сказать, что государственная антиеврейская кампания, проводившаяся с 1949 года, вызвала всплеск бытового антисемитизма, который начал поднимать голову еще по окончании войны, несмотря на то, что эта нация (наряду с цыганами) подверглась наибольшему преследованию со стороны фашизма. Кампания со смертью Сталина была прекращена, но антисемитизм остался. Государственный – в не слишком завуалированном, но несколько смягченном виде, бытовой тоже утратил агрессивную форму, но по сути-то никуда не делся. Я в общем не ощущал его ни в университете, ни на заводе, но общая обстановка в стране была в этом отношении настолько тягостной для чувствительного человека, каковым я был, что это наложило на меня определенный отпечаток. Ощущение, что я не совсем такой как все, сидело во мне многие годы. Это не бросалось в глаза, но Витя Жирнов, хорошо меня знавший, однажды по пьяному делу сказал мне об этом.

Глава 4
Горы

Поездке в горы предшествовали общефизические тренировки в заводской секции альпинизма (при заводе был стадион и спортивный комплекс с залом) и майский выезд на «скалы». Скалы эти, метров сорока высотой, нависают над берегом одного из многочисленных озер Карельского перешейка, немного севернее Приозерска. Добираться туда надо было от следующей за Приозерском станции примерно двадцать-двадцать пять километров. Место это до сих пор остается Меккой альпинистов и скалолазов. С альпинистами спортивного клуба «Труд», принадлежащего профсоюзу работников оборонной промышленности (в соответствующее министерство входили ГОМЗ и ГОИ), я в майские праздники ездил на скалы. В межсезонье небольшой компанией друзей-альпинистов мы по выходным часто путешествовали по Карельскому перешейку. В «Труде» я повстречался с секретарем альпинистской секции Лерой Калакуцкой, позднее ставшей моей женой.

История нашего бракосочетания заслуживает отдельного описания. Когда мы решили пожениться, это оказалось непросто. Во Дворец бракосочетания нужно было записываться за три месяца до вожделенной процедуры, а в районных загсах оформляли людей, имевших предшествующий брачный опыт. Можно было бы спокойно прожить эти три месяца в грехе, мои родители отнеслись бы к этому нормально, тем более, что они и сами долгое время вели семейную жизнь без официального оформления. Но Лерин отец, убежденный член коммунистической партии, воспринял бы это неправильно, а обижать никого из родных не хотелось. Едем в такси из очередного загса и раздумываем, что делать. В этот момент меня осенило – надо ехать к Кершу.

Семен Михайлович Керш, пожилой человек, был многолетним секретарем альпинистской секции «Труда». Сам он этим спортом никогда не занимался, но любил его и всю связанную с ним молодую братию. Помогал во всех мыслимых (и немыслимых) передрягах, имел фантастический круг знакомств в бесконечных ведомствах той поры (сейчас количество этих ведомств в разы, если не на порядок больше). Вдруг поможет и в этом деле? Едем к Кершу. «Да, - говорит, - знаю заместителя заведующего Дворца, очень милая женщина. Я ей сейчас позвоню». Звонит и объясняет, что у него тут двое ведущих членов альпинистской команды «Труда», и им надо срочно ехать на соревнования, нельзя ли помочь? Мы мчимся, нас любезно встречает очень симпатичная дама: «Завтра в двенадцать часов вас устроит?»

Благодарим и летим домой, чтобы срочно найти свидетелей и подготовится к процедуре.

Значок альпиниста я получил в Домбае, расположенном недалеко от села Теберда в Кабардино-Балкарии. Затем была поездка в Цейский лагерь в Северной Осетии. После окончания смены наша небольшая ленинградская компания предприняла туристский поход через перевал в Балкарию.

Мусульмане-балкарцы были выселены во время войны, в отличие от христиан-кабардинцев (вообще депортация коснулась именно мусульманских народностей), и мы шли через безлюдную, десять лет как покинутую, а когда-то густо заселенную территорию. Жутковатое впечатление производили пустые аулы с добротными каменными домами, неподвластными времени, и большими приусадебными фруктовыми садами с гнущимися под весом плодов деревьями. Какая-то аналогия мертвого города «Хара-Хото» (хорошо сохранившиеся развалины средневекового тангутского города в пустынях Внутренней Монголии, Китай).

Там я впервые увидел сель – медленно текущий с гор поток грязи шириной метров пятьдесят, он ломал деревья как спички, вместе с ним плыли здоровенные камни. На наше счастье, мы были «по ту сторону» селя, иначе пришлось бы ждать, пока он застынет. Представить себе, что такой (или больший) сель накрывает селение, а если такое происходит ночью...

Видел я и медведя – он, как и я, наслаждался малиной метрах в десяти-пятнадцати. Но он не стал со мной связываться, а я быстренько ретировался, благо малинников попадалось много.

После этого я еще несколько раз побывал в «Красной Звезде», а также в «Шхельде» (ущелье Адыл-су) и «Накре» (Сванетия).

Один год в «Красной Звезде» командиром нашего отряда был Игорь Ерохин, одиозная фигура альпинизма тех лет. Альпинизм был его профессией и делом жизни. Он практиковал и посильно внедрял скоростной альпинизм – скоростное прохождение сложных участков, утверждая, что именно это – основа безопасности. Ерохин создал команду, с которой совершал сложнейшие по тем временам восхождения в своем стиле. Человек он был резкий, за словом в карман не лез и, несмотря на наличие всех альпинистких регалий и неоднократные победы на первенствах Союза, а может быть в том числе и из-за этого, имел многочисленных недоброжелателей в высших альпинистских кругах. Нас, третьеразрядников, он приучал делать восхождения быстро и довольствоваться малым. Помню его присказку при подходе к ночевке: «Сейчас наедимся до отвала манной кашей со сгущеннкой и спать», никаких разносолов

на выходе он не признавал. Общение с ним дало нам определенную ориентацию в системе альпинистских жизненных ценностей. В 1958 году, руководя экспедицией МГУ-МВТУ на пик Победы, он скрыл тот факт, что на вершину поднялись не все спортсмены, и с ним разделались «по полной» - лишили звания мастера спорта (как и ряд других участников этого восхождения), понизили инструкторскую квалификацию, запретили одно, второе, третье. В 1960-ом году Ерохин погиб при зимнем стенном восхождении на Южный Домбай-Ульген. В числе его новаций было прохождение сложных участков «паровозиком» - когда связки двигаются не отдельно друг от друга, а вся группа связана в одно целое (метод спорный, но иногда приходится им пользоваться). Так, паровозиком его группа и улетела вниз при срыве одного из участников, крючья вылетели, да он ими и не злоупотреблял.

Инструктором нашего отделения был «забойщик» ерохинской команды Адик Белопухов, исключительно сильный скалолаз, человек, в отличие от Ерохина, молчаливый, «в себе», но очень симпатичный. Он не участвовал в том восхождении, но судьба жестоко обошлась с ним – в 1966-ом году во время пробежки его сбил самосвал. У него был, помимо всего прочего, полный разрыв спинного мозга, и он был лишен возможности ходить. Будучи волевым, целеустремленным человеком, он защитил докторскую диссертацию и стал самым молодым доктором технических наук в стране, участвовал в экспедициях, был тренером, написал книгу «Я – спинальник». В 1991-ом году он предпринял фантастическую попытку восхождения на Эльбрус ползком (естественно, в сопровождении команды), но ее пришлось прервать из-за разразившейся непогоды. Умер Адик в 1992-ом году. Какой пример человеческого мужества!

Во время тренировочного цикла в «Шхельде» в 1956-ом году инструктором нашего ленинградского отделения был знаменитый альпинист сван Миша Хергиани («тигр скал», как звали его в альпинистских кругах). В лагере был и его напарник, не менее знаменитый Иосиф Хергиани, значительно старше его. Год спустя они в двойке прошли проблемный, очень опасный маршрут по северо-западной стене Донгузоруна. Горы были их родной стихией. Миша погиб при восхождении в Альпах в 1969-ом году.

В 1960-ом году я впервые попал в свою моголетнюю любовь – Безенги. Безенгийское ущелье тоже относится к Балкарии, жители которой к тому времени вернулись домой – кто выжил... Я симпатизировал им не только из-за перенесенных ими страданий

и унижений, но и из-за мягкого, открытого характера большинства из них. Причиненного зла они не то, чтобы не помнили, но оно не сказывалось на отношении к русским, а вот чеченцы и, в значительной мере, ингуши ничего не забыли, полагаю, они помнят и Шамиля. Да и трудно забыть целое селение, загнанное в храм и сожженное вместе с ним. Осуждать их не следует, но и дело иметь не рекомендуется. Это еще Солженицын заметил – он пишет, что чеченцы были единственными, кого уголовники в лагерях боялись задевать. Балкарцы не такие.

Впрочем, я пишу о давно прошедших временах. Когда я в 1999-ом году последний раз возвращался из Безенги, с празднования сорокалетия основания лагеря, то везший меня на своей машине в Нальчик заместитель начальника лагеря показывал мне револьвер, и на мой вопрос, зачем ему оружие, ответил: «Пошаливают, знаете ли». В мое время не пошаливали.

В Безенгийском ущелье расположены шесть из восьми пятитысячников Кавказа, остальные два – Казбек и Эльбрус. Верховья ущелья раздваиваются. Направо, относительно низовья – Безенгийский ледник, протяженностью примерно восемнадцать километров (таким он был в 1960-ом, сейчас он заметно короче – льды отступают). В верхней части ледника высится величественная Безенгийская Стена с двумя пятитысячниками Джангитау и Шхара, а через перевал – описывающий полукруг гребень с пятитысячниками Мижирги и Коштантау. В отходящем от этого полукруга коротком гребне доминирует массив двуглавой красавицы Дыхтау – пятый пятитысячник района. В этом гребне расположен шестой пятитысячник пик Пушкина. В сущности это не вершина, а небольшой пичок в гребне, но ему решили присвоить это святое для русской культуры имя. Напротив Стены, через ледник, расположены «Австрийские ночевки» - обычное место для базового лагеря при восхождениях на Стену, названные так в честь группы австрийских альпинистов, которые еще в конце 19-го века совершали восхождения на нее. По «ту» сторону Стены – Сванетия. С Австрийских ночевок совершаются также восхождения и на часть вершин упомянутого полукруга, в частности на Западную Мижирги, а также вершины короткого гребня, прежде всего, Дыхтау.

Я побывал на всех безенгийских пятитысячниках по разным маршрутам в общей сложности 10 раз.

Налево от развилки уходит ущелье, заканчивающееся коротким ледником и огромным величественным ледопадом. Всего ледопад Кундюм-Мижирги имеет четыре ступени. Первая сравнительно

Фото 19. Мы с Лерой во Дворце бракосочетаний.
Свидетели – Юра Юшин (справа) и Лев Кадыков. 1965-ый год.

Фото 20. Верхняя часть Безенгийского ледника и Безенгийская Стена. Справа налево: Гестола (пирамида), Катын-Тау (маленькая пирамида справа от ровного гребня, Джангитау, и замыкающая Стену слева Шхара. На панораме не видна вершина, замыкающая Стену справа – Ляльвер.

Фото 21. Шхара. Я побывал на ней трижды, два раза по северо-восточному гребню (слева) и один раз по центральному контрфорсу северной стены.

Фото 22. Хижина на Австрийских ночевках (Джанги-Кош).

Фото 23. Хижина Джанги-кош на фоне северо-восточного гребня Шхары.
На приступке бреется инструктор Жора Аношин.

Фото 24. На подходе к Австрийским ночевкам.
Дань памяти чешской двойке, разбившейся при восхождении на Джангитау.

Фото 25. Четыре ступени ледопада Кундюм-Мижирги. 3-ья и 4-ая ступени - в серелине снежного плато. Панорама гор справа-налево: гребень Крумкола, Крумкольский провал, пик Тихонова, величественный Коштантау, снежный Купол, двукрылая Птица, Кундюм-Мижирги. Острый пик в нижней части гребня, смотрящего на нас – пик Панорамный. На осыпях под его склонами между 3-ей и 4-ой ступенями ночевка 3900.

Фото 26. На второй ступени ледопада Кундюм-Мижирги.

полога, на ней и на повороте подводящего к ней ледника обычно проводились ледовые занятия. Она непосредственно переходит во вторую ступень, которая сильно разорвана, но ее характер зависит от сезона. В иные годы она проходится сравнительно просто, иногда же ее преодоление сложно и опасно: приходится спускаться в глубокие трещины, идти под ледовыми глыбами (сераками), которые могут в любой момент обрушиться. Проходят ее, одевши кошки (это металлические конструкции с острыми шипами, «зубьями», которые закрепляются ремешками на подошвах ботинок), в связках, с применением ледовых крючьев. Протяженность второй ступени – несколько сот метров. В конце она выполаживается и выводит на обширное снежное плато. В начале этого плато, слева по ходу вверх, на осыпях – ночевка 3900. Третья и четвертая ступени ледопада расположены в середине плато. Я провел на 3900 в общей сложности месяца два-три, считая совершавшиеся с нее восхождения.

Сколько воспоминаний связано с ночевкой 3900! Однажды в начале сезона мы, сидя на ночевке, наблюдали впечатляющее зрелище: по плато к палаткам продвигается группа, вид которой напоминал картину Репина «Бурлаки на Волге», а звуковое сопровождение – пуск Володарского моста через Неву (чуть дальше я поясню эту аналогию). Впереди движется Маша (Муся) Федорова, волоча через плечо сорокометровую веревку, ко второму концу которой на небольших расстояниях друг от друга привязаны трое мужиков, которые едва тащатся по снегу, временами валясь на него. При этом Муся поносит их, не выбирая выражений. Дело было в том, что она до этого пробыла смену в другом лагере и была акклиматизирована. Для ее же партнеров это был первый в этом сезоне выход, и их «прихватила» горняшка (горная болезнь). Один из них – ленинградец Эрик Антипенко, который особенно тяжело переносил процесс акклиматизации, вернувшись с этого выхода и оклемавшись, под ночь заявился к Мусе в палатку, рассчитывая на романтическое свидание (ее сожительницы в эту ночь были на выходах), но был изгнан ею, опять-таки с употреблением непарламентских выражений и упоминанием анабазиса через плато; об этом афронте он с возмущением поведал нам за завтраком.

Аналогию же с Володарским мостом я привел вот почему. Заключительную стадию его монтажа в 1936-ом году наблюдали толпы ленинградцев на обих берегах Невы. Все секции моста, кроме центральной, уже были установлены, последняя секция должна быть доставлена к месту установки самоходной баржей, которая еще не была готова к отплытию (чинили некстати

вышедший из строя двигатель) и стояла у причала, прикрепленная канатом к крепежному столбику на набережной. Внезапно канат порвался и баржа с секцией начала медленно отходить от берега, двигаясь по течению в направлении моста. Ситуация была аварийная – неуправляемая секция должна была врезаться в уже установленную его часть и разнести ее (можно себе представить, каковы были бы в те годы последствия этой аварии для всех сколько-нибудь причастных к ней). Присутствующие замерли от ужаса, в том числе, стоящий на корме баржи боцман. Около него лежал моток другого каната, оба конца которого были закреплены на барже, и, пока она еще не отплыла далеко, он мог накинуть петлю каната на столбик и остановить ее. Но боцман оцепенел, как и все остальные. Единствнным нашедшимся в этой ситуации оказался семидесятитрехлетний академик Алексей Николаевич Крылов, выдающийся кораблестроитель и математик, в свое время окончивший Морское училище и прослуживший (до революции) на флоте 25 лет. Крылов был членом комиссии по приемке моста. Выхватив у ее председателя мегафон, он проревел так, что, вероятно, было слышно на другом берегу Невы: «Боцман...четырехэтажный морской мат...кидай конец!» И услышавший родную флотскую речь, боцман встрепенулся, схватил канат и метнул петлю на столбик, задержав баржу.

Но вернемся на третью ступень. Несколько отрядов собрались на ночевке, кто-то вернулся с восхождения, у кого-то день отдыха. Середина дня, солнце сияет, на небе ни облачка, ветра нет. Слышимость потрясающая. Доносятся переговоры руководимой инструктором Люсей Самодуровой группы, работающей на гребне Коштантау (по прямой не меньше километра). Слышны непарламентские люсины рекомендации участникам. Все взоры обращаются на ее мужа, командира отряда Артема Варжапетяна. Он слегка смущенно поясняет: «Голос родной, слова не те».

Запомнился случай, когда я оказался на третьей ступени один с группой из четырех участников, которых я должен был сводить на Кундюм-Мижирги по маршруту 4А категории трудности, это у них было первое четверочное восхождение. (Альпинистские маршруты характеризуются пятью категориями сложности от 1 до 5 в порядке ее возрастания, каждая категория подразделяется на А – попроще и Б – посложнее; позднее была введена высшая – шестая категория.) Двоих я помню – Дубовиков и Ведерников, фамилии двух других запамятовал. На ключевом участке маршрута один из этих двоих начал вести себя странно, заговаривался, нес какую-то

околесицу, не понимал, что ему говорили. Как-то мы его провели через этот сложный участок перед самой вершиной, а с нее вниз вел простой снежный спуск; прекращать восхождение и спускать его с того места, где мы окончательно поняли, что он не в себе, было сложнее. Его тепло одели, уложили на снег и, страхуя, стали спускать вниз. Под руки провели по плато и во второй половине дня пришли на ночевку. Он был совершенно не адекватен, но не агрессивен. Никаких других признаков болезни не было. Я не понимал, что с ним. Ночью внезапно осознал, что с ним произошло: воспаление легких – затруднение снабжения организма кислородом в разряженной атмосфере – кислородная недостаточность мозга – нарушение психики! Обнаружил в аптечке пенициллин, разбудил участников, сделал ему укол в ягодицу, через 2 часа повторил. Утром связался с лагерем, многолетний лагерный врач, Оля Соустина, подтвердила, что я поступил правильно, правда, колоть было лучше в предплечье, но это не столь существенно. Дождались группы спасателей с носилками (без них его спуск по второй ступени в тот год был проблематичен) и к концу дня благополучно донесли его до лагеря; с потерей высоты он стал приходить в себя.

Альпинистский лагерь «Безенги», расположенный на развилке ущелий, был открыт в 1959-ом году. Он состоял из одноэтажного барака, в котором помещалась кухня, столовая и складское помещение; небольшого административного домика и и городка из четырехместных палаток, в которых жили инструктора и участники. В качестве туалетов использовались стоящие в некотором отдалении ямы, окруженные сложенной из камней стенкой высотой метра полтора. Постепенно лагерь обустраивался, появились два двухэтажных дома. На первом этаже в четырехместных комнатах жили участники, на втором этаже в двухместных комнатах размещались инструктора; в одном из домов на втором этаже была радиорубка, во втором на первом этаже – столовая. Ранее бывшее под столовой помещение переоборудовали в клуб; над этим зданием был надстроен второй этаж. Были организованы более пристойные туалеты. Процесс расширения-благоустройства шел непрерывно. Первые годы автомобильная дорога кончалась за 4-5 километров от лагеря. В этом месте была построена перевалочная база. От нее до лагеря шли пешком, а грузы доставлялись с помощью ишаков. Позднее дорогу провели до лагеря. Качество кормежки первые годы бывало так себе, хотя на набор продуктов, выдаваемых на выходы, жаловаться не приходилось. Особенно запомнился по этой части год, когда поваром был некий Николай Николаевич, по-видимому,

большой ворюга, но человек исключительно обходительный. Помню, один раз, отпробовав во время обеда суп (сладкие щи), инструктора дружно взвыли. Высунувшийся из раздаточного окна Николай Николаевич озабоченно спросил: «Что мальчики, что-то не так? Может добавить чего?» На что Толя Левин выпалил: «Да, добавь все то, что ты украл за эту смену и вывез на ишаках в Нальчик!» С тех пор как столовая переместилась в новое здание, питание стало нормальным.

Начальником учебной части в 1959-1960-ом году был Рэм Андреев, с 1961-го по 1965-ый – Виктор Жирнов, в 1966-ом – Климов, в 1967-1968 – Илья Мартынов (я могу быть неточен в годах), в 1969-ом году начучем стал москвич Игорь Кудинов, который занимал эту должность в течение 20 лет. С ним в лагерь пришли члены его спортивной команды инструктора Толя Левин и Юра Саратов. С 1963-го года в течение 20 лет бессменным начальником лагеря был Ачах Кубадиевич Рахаев, бывший майор-фронтовик, приехавший в 1944-ом году в краткий отпуск домой в Нальчик (столица Кабардино-Балкарии) и отправленный с соплеменниками в Среднюю Азию, где он и жил до 1956-го года, когда они были возвращены в родные места.

Помню, как мой приятель, еще довоенный альпинист Левушка Рубинштейн (автор неплохой книжки «Альпинист в седле с пистолетом в кармане»), заехавший в лагерь просто так, поглядеть на родные места, рассказывал при Рахаеве, что он впервые попал в Безенги в 1946-ом году с группой таких же как он, только что демобилизованных, альпинистов. «У нас было оружие, тут иногда местные банды бродили». У Ачах Кубадиевича окаменело лицо, но он промолчал.

Прямо таки сросшейся с лагерем фигурой был кладовщик Тасим из селения Безенги, расположенного километрах в семи-восьми ниже по ущелью. Для старых (по стажу работы) инструкторов он был родным человеком, особенно после того, как кто-то из них сводил его на восхождение на пик Тихонова, предвершину Ляльвера, реализовав, можно сказать, мечту его жизни – побывать на Стене.

Однажды при мне он упомянул, что не мог в Нальчике купить вязальную машину, на которой его жена изготовляла шерстяные изделия для семьи и на продажу. Приехавши домой, я отыскал такую машину, купил ее (она была не столь дорога, а я тогда уже прилично зарабатывал) и отправил ему. Он был совершенно потрясен этим поступком. Одним прекрасным вечером, когда мы вышли на скальные занятия и стали бивуаком часах в двух-трех ходу выше лагеря, на морене показался Тасим с узелком, в котором оказалась жареная печень свежезарезанной козы, и вручил его мне с

очередными изъявлениями благодарности. Инструктора прекрасно поужинали.

Когда в лагерь провели электричество, в штате появился электрик – Солтан; как и Тасим, он был жителем селения Безенги. Солтан был пьяницей. Тасим был тоже не дурак выпить, но знал меру, Солтан же был просто сам не свой до этого дела. Частенько он появлялся в комнате кого-либо из инструкторов и, переминаясь у порога, застенчиво произносил: «Что-то у Тасима голова болит. У Вас не найдется?» Если было, ему наливали.

В лагерь приезжали в первые годы сто-сто двадцать спортсменов не ниже 3-го разряда, позднее их число доходило до двухсот и более человек. Из них формировали отряды, как правило, по двадцать пять человек. Отряд состоял из пяти отделений, возглавляемых инструкторами, а им руководил более опытный инструктор. Отряд проводил цикл учебно-тренировочных занятий на скалах и льду, поблизости от лагеря, этот цикл занимал порядка недели. Затем он совершал восхождения отдельными отделениями в районе лагеря или уходил, взяв запас еды и снаряжения, на Третью ступень или Австрийские ночевки и совершал там несколько восхождений (или одно сложное). Лагерь работал в две смены по двадцать четыре дня с кратким перерывом между ними. В перерыв инструктора совершали собственные восхождения, иногда это делалось и во время смены, если их число позволяло высвободить нужное количество. Эти восхождения совершались группами из двух-шести спортсменов.

Подобная полуармейская система, включавшая утреннее построение и зачитку распоряжение начальника лагеря о распорядке дня, единая для всех лагерей Советского Союза (их число доходило до пятнадцати-двадцати), противоречила самому вольному духу этого вида спорта и, в значительной степени, сдерживала рост талантливых спортсменов, но она обеспечивала их систематическую подготовку и сравнительную безопасность восхождений. Инструкторов готовили в школе инструкторов, находившейся при одном из лагерей, курс обучения длился тридцать дней и был достаточно серьезным.

Начальником спасательной службы лагеря, начспасом, с 1969-го года по настоящее время (!) является Ю.С. Саратов - нечастый случай активного долголетия в нашем виде спорта. Лучше него топографию этого района не знал никто. Это была его ходячая энциклопедия. Человек он был предельно ответственный, въедливый, характер имел желчный. Любил спиртное, но никто пьяным его не видел. Меня он недолюбливал. Прогуливая вечером любимца ризеншнауцера и завидев меня, частенько, придерживая пса, командовал: «Ату его». Я более или менее понимал его характер и относился к этим

Фото 27. Лагерь «Безенги», как он выглядит сейчас.
Вверх уходит левое от развилки ущелье. Ледник, начинавшийся в шестидесятые годы в середине ущелья, на значительном протяжении растаял. Маленький снежный треугольник в верхней части фотографии – часть ледопада, ведущего к «ночевкам 3900». Едва различимая вершина в верхней части – Коштантау.

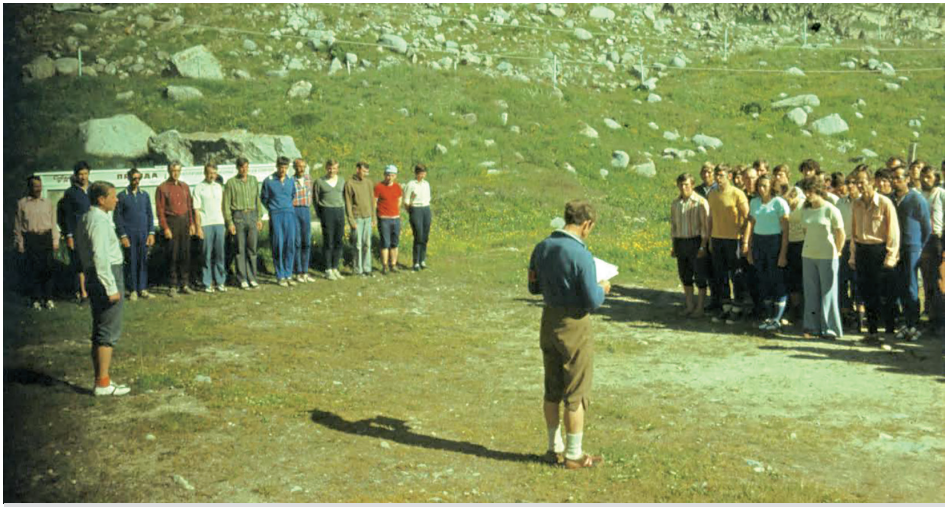

Фото 28. Утреннее построение. Дежурный инструктор зачитывает приказ.
Слева стоит начспас Ю. Саратов. Трое слева в ряду инструкторов:
И. Куркалов, Г. Аношин и я. 1970-е годы.

Фото 29. Инструктора на линейке. В первом ряду справа-налево:
Ия Попова («мадам Целовахина»), Луиза Пропп, ?, Борис Кизевальтер,
Толя Левин, Юра Саратов, Ваня Куркалов, Олег Катков.
Спиной к нам слева дежурный - Володя Масленников и Игорь Кудинов.

Фото 30. Все путем. Сидят справа-налево: Ачах Рахаев, Юра Саратов,
Оля Соустина, Галя Саввон, стоят Жора Аношин (слева) и Игорь Кудинов.

Фото 31. Файф-о-клок по безенгийски. Слева-направо: Тасим Анаев, Игорь Кудинов, Леня Васерман, Андрей Тимофеев, Ачах Рахаев.

Фото 32. Лагерный радист Юра Волков собрал компанию и «травит». Справа-налево: Валя Якубович, ?, Юра Волков, Юра Голуб, Люся Курочкина.

Фото 33. Скальные занятия. За участниками наблюдают инструктора Ваня Куркалов (слева) и Артур Бабинин.

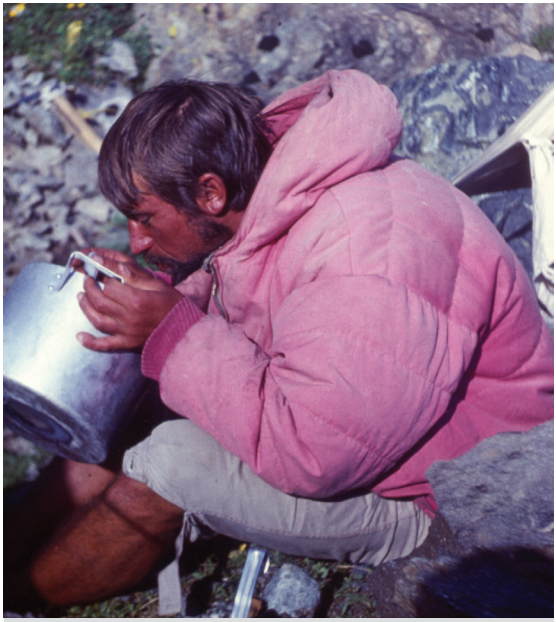

Фото 34. Завтрак инструктора (Женя Калашников).

выходкам спокойно. Нашему рабочему взаимодействию это не мешало. В его распоряжении было два-три инструктора, одним из них неизменно был Ваня Куркалов из Риги (о нашем совместном с ним восхождении будет расказано дальше).

Если на восхождении происходил несчастный случай, то, когда это становилось известным в лагере, главным действующим лицом становился начспас. Его задачей было сформировать спасотряд из находившихся поблизости групп альпинистов и организовать спасработы с учетом реальной ситуации, одновременно продумав поддержку сформированной таким образом передовой группы при дальнейших операциях по транспортировке жертвы несчастного случая. Проведение такой операции требовало тщательного планирования, которое должно было быть сделано в кратчайшие сроки. Саратов был мозговым центром этой деятельности и руководил ею с ювелирной точностью. Если поблизости от пострадавшего никаких групп не было, передовой спасотряд формировался непосредственно в лагере, в него входили имеющиеся в лагере инструктора и наиболее квалифицированные участники, возглавлял его кто-то из саратовских инструкторов. Иногда приходилось выходить ночью с фонариками.

Такой выход пришлось предпринять, когда на «3900» был травмирован член немецкой группы, совершавшей восхождение на Третьей ступени. Спасотряд вышел в двенадцать ночи и в три часа был под первой ступенью ледопада. Здесь между его членами возникло разногласие – подождать два часа до рассвета или начать преодолевать ледопад при свете фонарей, а надо сказать, что его прохождение и при дневном свете было совсем не простым делом. В ходе дискуссии Саня Колчин (он появится позднее в этой главе) произнес вошедшую в анналы Безенги фразу: «Ну, рассветет или не рассветет это еще неизвестно, а идти надо». Не помню, как разрешилась эта проблема, но немца благополучно доставили в лагерь. Когда он слегка пришел в себя (у него было тяжелое сотрясение мозга), его спросили, не хочет ли он поесть, мало надеясь на положительный ответ, но он попросил...щи, блюдо, которое у зарубежных альпинистов пользовались большой популярностью. Щи ему, конечно, сварили.

При всем этом, спасработы должны были быть организованы так, чтобы минимально мешать проведению учебного процесса и запланированных восхождений. Позднее, когда в лагере появились портативные рации, которые каждая группа могла взять, по крайней мере, на сложное или проводимое в удаленном районе восхождение, и когда стало возможным организовать вылет вертолета центральной

спасательной службы из Нальчика (если погода позволяла), проведение спасработ сильно облегчилось, но в первые годы работы лагеря их организация была делом сложным. Несколько дальше приведена история спасработ, инициированных автором этого текста.

Я окончил школу инструкторов в 1961-ом году и после стажировки стал работать в Безенги, проводя там одну смену. Обычно, я работал с трудовским сбором. Сбор составлял отряд, которым руководил мой друг и спутник почти всей альпинистской жизни Андрей Тимофеев. Он был племянником известного биолога и генетика Тимофеева-Ресовского, близкого соратника великого Николая Ивановича Вавилова, брата президента Академии Наук Сергея Ивановича Вавилова.

В 1940-ом году Николай Вавилов был арестован. Он, человек, создавший уникальную коллекцию сельскохозяйственных культур, высокоурожайных в климатических условиях России, скончался в 1942-ом году в тюрьме от голода.

Тимофеев-Ресовский в это время находился в командировке в Германии. Там он и остался, ведя вплоть до весны 1945-го года, продуктивную работу в области генетики. При приближении советских войск он отказался переезжать в Западную Германию и сохранил до их прихода коллектив руководимого им отдела и оборудование. Несмотря на это, он был осужден как изменник родины на десять лет лагерей. Однако в 1947-ом году, в связи с работами по созданию атомной бомбы, он как специалист по радиационной генетике был переведен в одну из «шарашек», где получил возможность работать и руководить коллективом сидевших там же коллег. В 1951-ом году его освободили. Он был членом многих зарубежных академий, ЮНЕСКО объявило 2000-ый год годом Тимофеева-Ресовского. Андрей навещал его в Москве и рассказывал мне о нем.

Начальником школы инструкторов, во время моего пребывания в ней, был знаменитый Виталий Михайлович Абалаков, бывший в те годы одним из лидеров альпинизма в нашей стране. Руководимая им команда 12 раз была чемпионом СССР (но более сильным спортсменом был его брат Евгений, он же был скорее талантливым организатором, хотя его спортивные достижения несомненны). Абалаков был не то чтобы высокомерен, но как бы наполнен сознанием своей значимости. Впрочем, грех судить человека его судьбы – два года в сталинской тюрьме, выбитые зубы, потеря многих пальцев рук и ног при обморожении на Хан-Тенгри. Он автор многих предметов альпинистского снаряжения, хотя «абалаковский рюкзак» и ботинки с триконями оставили у меня тягостное впечатление. Инструктором нашего отделения

был упоминавшийся выше Артем Варжапетян. По окончании школы я и мой ленинградский дружок Женя Петров – мы были в одном отделении – улетали из Минвод в Москву на одном рейсе с Абалаковым (а оттуда поездом до дома). Перед отъездом сидели в аэропортовском ресторане за одним столом с Виталием Михайловичем. Женя, большой любитель выпить, сбегал в буфет и вернулся с бутылкой сухого вина. Налил нам двоим, поглядел на Абалакова, слегка наклонив бутылку, тот сделал презрительно-отклоняющий жест с каменным выражением лица. Только выпили, объявляют посадку. Абалаков брезгливо бросил: «Допивайте вашу водку и пошли» (он прекрасно видел, что Женя приволок «Цинандали»). Женя, преданный друг и обаятельный человек, был наследственным алкоголиком – его отец, талантливый инженер, страдал запоями. В одну из сред, день, когда альпинисты «Труда» собирались в помещении секции в Дворце Профсоюзов на площади Труда, Женя предложил мне пойти посидеть и потолковать у него. Я отказался – надо было вечером позаниматься, к тому же пить мне не хотелось, а посиделки с Женей без этого не обходились. В этот вечер он напился, лег в ванну и не то утонул в ней, не то умер от сердечного приступа, не помню; дома никого не было. До сих пор гложет, что не пошел с ним.

В 1968 году, получив звание старшего инструктора, я стал работать в качестве командира отряда.

Первые годы к занятию альпинизмом меня привлекала определенная романтика, в том числе яркие впечатления от дороги к горам. Мы добирались до предгорий в первые годы поездом, нередко на третьей полке, привязавшись для безопасности к вентилляционной трубе, значительно позже – самолетом, и далее автобусом и машиной. При поездках в «Безенги» автобус привозил нас в Нальчик. Мы забрасывали рюкзаки на лагерную базу и отправлялись в ресторан в конце центральной улицы. Небольшой ресторан располагался в полуподвальном помещении. Мы садились за длинный стол, заказывали шашлыки и сухое вино. Оркестр, завидев нашу компанию, немедленно начинал играть «Я помню тот Ванинский порт и вид пароходов угрюмый...». По-видимому, какая-то альпинистская компания спела эту песню за столом, и любая группа альпинистов ассоциировалась у них с этим лагерным творчеством. Интересны были окружавшие меня люди, участники и инструктора, среди последних я застал еще представителей довоенного круга альпинистов, это были, что называется, штучные люди.

Один из таких людей оказался попутчиком в купе «Красной стрелы», когда я возвращался из командировки в Москву. Мы

только что отъехали, я лежал на верхней полке, пассажиры внизу вели какую-то беседу. Я особо не вслушивался, но когда один из собеседников, весьма пожилой человек, упомянул, что хороший нарзанный источник есть около альплагеря «Адыр-су» в Баксанском ущелье, я свесился с полки и сказал, что да, неплохой, но значительно лучший нарзан есть в боковом ущелье, которое отходит вверх от Баксанского в полукилометре от лагеря. Мы делали восхождение в этом ущелье, и источник там, действительно, великолепный – более вкусного нарзана мне пить не доводилось. Пожилой пассажир вежливо спросил, кто я. Я представился, он сказал, что слышал мою фамилию, в свою очередь, назвал свою и заметил, что ходил в горы, начиная чуть ли не с середины 1930-ых годов. Мы стали беседовать о горах, и в ходе разговора он начал перебирать одну за другой вершины центральной части Главного Кавказского хребта от Эльбруса до Казбека, наиболее интересный для альпинистов участок протяженностью примерно триста километров. При этом он кратко характеризовал маршруты восхождений на каждую гору, ее особенности с альпинистской точки зрения, перечислял перевалы. Ну, примерно треть называемых им вершин знал и я, на части из них побывал, но чтоб такое! Грешный человек, примерно на половине этого аудиопутешествия по Кавказу я уснул. Утром он выпил чаю, подхватил увесистый чемодан, отклонив мое предложение поднести его, попрощался и бодро зашагал по перрону Московского вокзала. Было ему, как он сказал, семьдесят восемь лет.

Конечно, самое сильное впечатление производили сами горы, их величественная панорама. Среди гор ощущаешь масштаб планеты, ее величие и свою ничтожность. Возникает смутное чувство, что окружающая тебя действительность не просто результат космических и геологических процессов, что во всем этом есть какой-то замысел, предназначение. Разумеется, доставляет удовлетворение и само преодоления сложностей восхождения, победа над собственной немощью. Однако с годами, особенно когда я начал работать в качестве инструктора, все более интересным для меня становилось взаимодействие со спутниками в экстремальных условиях, их поведение и психология.

По своим физическим данным я не очень-то был приспособлен для занятий этим видом спорта, хотя достаточно интенсивно тренировался в межсезонье, в частности, занимался лыжами, хотя не продвинулся в этом спорте дальше второго разряда. Однако на пике своей спортивной карьеры я проходил первым ключевые участки восхождений пятой Б категории сложности.

Оглядываясь назад, могу сказать, что спортсменом я был неплохим, но рядовым, хотя и стал мастером спорта в 1966-ом году, а

инструктором – определенно хорошим. Через мои руки прошли сотни участников, и я не только помог им повысить свою спортивную квалификацию, но и сохранил добрые, дружественные отношения с большинством из них. Одни из них стали спортсменами мирового масштаба (напрмер, Игорь Потанкин, покоритель пятерых Стен Мира, труднейших стенных маршрутов на разичных материках планеты, участник 11-ти первенств СССР-России по альпинизму), другие – крупными общественными деятелями в этом виде спорта (Сергей Шибаев, главный редактор журнала «Экс. Путешествия. Приключения. Экстрем», и ежегодного альманаха «Безенги», автор двух книг «Аварии в альпинизме», Саша Дубовиков, директор альпклуба «Штурм»), третьи совершали восхождения все увеличивающейся сложности до преклонных лет (Сережа Калужский). Да и просто, человек, проведший хотя бы несколько лет в горах, ощутивший их красоту и величие, вдохнувший невыразимый словами дух братства, характерный для людей, действующих в условиях, когда твоя жизнь зависит от действий партнера (и наоборот), такой человек не может не стать лучше. А исключения – они на то, чтобы подтвердить правило.

Альпинистский и инструкторский опыт пригодился мне, когда я начал занимать руководящие должности в науке. В молодости я часто был нетерпим к людям, иногда резок и язвителен, легко уязвим (обидчив), в общем, имел характер, что называется, «не подарок». Многолетняя работа с самыми разными людьми научила находить общий язык с человеком, непохожим на меня.

Говоря об участниках, расскажу об одном примечательном случае. В одном из руководимых мною отрядов третьеразрядников был человек примерно моего возраста (не припомню имя и буду называть его Юрой), лет сорока, такой крепыш с квадратной грудью и руками, которыми он брался за скалу и отрывал ее кусок, в общем, силач. Работал он на скалах и льду основательно, но очень медленно, не было в нем той подвижности, которая нужна горовосходителю. Он имел собственную прекрасную экипировку, был славным, расположенным к окружающим человеком, готовым оказать услугу каждому. После окончания тренировочного цикла, я сказал ему: «Юра, ты хороший малый, но альпинизмом заниматься тебе не надо, не твое это дело. В лагере есть группа отстраненных от восхождений участников, они совершают интересные туристские маршруты, я направляю тебя туда». Он поблагодарил меня за откровенность, и мы расстались. В конце смены он подошел ко мне и сказал, что все же устроился в другой отряд и выполнил нормы второго разряда. Я поздравил его, но повторил свой совет. Он попросил дать ему мой домашний адрес – может быть, ему захочется мне написать (он жил

где-то в Ярославле или Вологде и работал мастером на комбинате спортивного оборудования), что я и сделал.

Поздней осенью того же года я получил посылку с новыми подметками от альпинистских ботинок фирмы «Вибрам», имевшими специальную рифленую поверхность. Такие ботинки я выменял у одного из австрийских альпинистов, совершавшего восхождения в нашем лагере. (Традиционно мы носили ботинки с железной окантовкой триконями, менее удобные на скальных маршрутах, нежели вибрамы.) К посылке была приложена записка, в которой он писал, что подметки моих вибрамов сильно изношены, и он посылает мне новые. Я ответил благодарственной открыткой, переставил подметки у мастера и сунул ботинки под кровать. Спустя некоторое время у нас дома появился следователь из Ярославля (Вологды?), и предъявил мне бумагу, в которой сообщалось, что Юра арестован по обвинению в крупном хищении спортивного инвентаря с комбината. При обыске у него найдена моя открытка, и следователю поручено допросить меня: часто ли я получал от Юры партии спортивного снаряжения и каким образом их реализовал. Засмеявшись, я изложил следователю вышеописанную историю и показал ему ботинки - все, что я от Юры «получал». Он сказал, что доверяет мне, но должен записать мои показания в официальной обстановке, и просил завтра зайти в ближнее отделение милиции. Я это сделал, и, по окончании процедуры, следователь заметил: «Скажу Вам откровенно – я имею большой опыт следственной работы и чувствую, что-то в этом деле не так, есть тут нечто подспудное». На том и расстались.

Спустя много лет, когда я уже закончил восхождения, меня уговорили поехать с небольшим клубным сбором в качестве начспаса. Мы жили в палатках в верховьях ущелья Адыр-Су и вечером сидели у костра, беседовали. К нам подошел пожилой человек, сказал, что путешествует по горам и, увидев костер, решил зайти. Освободили ему место, налили чайку, вдруг он спрашивает меня: «Александр Иосифович, Вы меня не узнаете?» Я вгляделся и ахнул: «Юра?!». Он поведал следующую историю. Однажды он раздобыл книгу Солженицина, прочел сам и давал ее почитать друзьям. Кто-то донес, его взяли, и, так как за это достаточно мелкое диссидентство большой срок по тем временам не давали, ему скроили серьезное уголовное дело. И он, получив восемь лет лагерей, отсидел от звонка до звонка в Пермском лагере, одном из мрачнейших заведений такого рода, где содержались как уголовники, так и политические. Благодаря своей комплекции и характеру, он сравнительно благополучно, если это слово здесь уместно, провел годы заключения и, выйдя на пенсию, стал в одиночку ходить по предгорьям и несложным горам. Такая вот история.

Расскажу о некоторых друзьях по спорту (о всех невозможно, им нет числа).

Виктор Жирнов ряд лет был начучем в Безенги. Был он горяч, вспыльчив, прям, справедлив и очень требователен к инструкторам. Я ряд лет проработал с ним и, хотя мы давно дружили, он спрашивал с меня не меньше, если не больше, чем с других. Как-то я, слоняясь в ожидании обеда около столовой, убивал время, рисуя на песке зверюшек для трех-четырехлетней Витиной дочки Оли, довольно избалованного в то время ребенка. Раздался долгожданный гонг, и я в числе других рванулся в столовую. Оля истошно заверещала. Я этого не помню, но Лера вспоминала, что я остановился и, повернувшись к Оле, укоризненно произнес: «Мало того, что твой папочка кричит на меня с утра до вечера, так и ты туда же».

При всем при том, с чувством юмора у него было все в порядке, да без него эффективно руководить нашей инструкторской братией было бы непросто. В коллективе, конечно, бывали разные люди, иногда весьма непростые, но жизнь, полная ответственности и опасности, необходимости принимать самостоятельные решения, требовавшая взаимовыручки, содействовала выработке таких черт характера, как решительность, солидарность с коллегами и независимость. Управлять таким коллективом, численность которого доходила до 20-30 человек было нелегко. У Жирнова это получалось.

Так о чувстве юмора. Была в альпинизме такая руководящая пара – Фердинанд Алоизович Кропф и Любовь Сергеевна Кропф. Не буду касаться богатой событиями биографии Ферла, как его звали в нашей среде. Он был альпинистом и, как многие шуцбундовцы, члены военизированной организации австрийских социал-демократов, эмигрировал в СССР в первой половине тридцатых годов, но, в отличие от большинства своих коллег, не кончил свою жизнь в лагере. Он был не слишком приятным в общении, но в высшей степени заслуженным человеком, в частности, он – организатор горноспасательной службы в Союзе. Но речь не о нем, а о его супруге. Она, вполне русская бабенка (да простят меня представительницы прекрасного пола), тоже была альпинисткой, но невеликой, и, благодаря Ферлу, занимала какой-то пост в Федерации альпинизма. Это позволяло ей ездить с инспекциями по лагерям, высматривая недочеты в работе. Тетка (опять извиняюсь) она была несимпатичная, с подковырками. Недостатки (а куда без них в нашем-то деле) вынюхивала прямо-таки с наслаждением. Мы ее визитам не радовались. При очередном посещении она стала пенять Жирнову: «Виктор Васильевич, у Вас инструктора на линейке стоят вот так», - рисует рукой в воздухе горизонтальную

синусоиду. «Любовь Сергеевна, я их, подлецов, выровняю, так ведь они вот так стоять будут», - рисует вертикальную синусоиду.

И хочу рассказать связанную с Жирновым историю, в которой трагическое и смешное, как и в жизни, вперемешку. Она не короткая, но, по-моему, того стоит. В один из ранних годов в лагерь приехал сбор какого-то крупного московского института, человек двадцать с несколькими инструкторами. Народ на сборе был достаточно квалифицированный, и после занятий и тренировочных восхождений инструктора отпросились у Жирнова на длинный траверс (этим термином называют прохождение нескольких рядом стоящих вершин). Раций в то время и в помине не было, условились, что они будут регулярно в восемь вечера пускать ракеты, зеленая – все в порядке, красная – ЧП. Вечера оказались в тот сезон облачными, никаких ракет видно не было.

Траверс должен был длиться три недели. За этот срок на сборе случилось несчастье – на одном из восхождений сорвалась и разбилась двойка, парень и девушка. О вертолетах центральной спасательной службы в Нальчике в те годы мечтать не приходилось. Дороги до лагеря не было, и вывоз тел погибших представлял непростую проблему. Путь к Австрийским ночевкам сначала проходил по морене, и в том месте, где тропа начинала круто уходить вниз, на ледник, давно была построена хижина (Миссес-кош), около которой захоранивались тела погибших, если на то давали согласие их родственники. Там же временно клались в могилы тела, ожидавшие транспортировки в Нальчик, поскольку на Миссес-Коше было существенно холоднее, нежели в лагере, да и нехорошо было с любой точки зрения держать их в нем. По какой-то непонятной причине похоронная команда отрыла не две, а три могилы. И пустующая производила не слишком ободряющее впечатление на мимо проходящие группы.

Я утром, если позволяло время, доходил быстрым шагом до Миссес-коша и почти бегом спускался в лагерь – для тренировки. Так вот, однажды на обратном пути я встретил «похоронную команду» - это были два моих санкт-петербургских приятеля, Игорь Евдокимов (низенький, лысоватый) и Войко Милованович (высокий, с черной бородой), которые мрачно брели к Миссес-Кошу с лопатами на плечах – чисто два могильщика из «Гамлета»!

Надо сказать место это святое для альпиниста. На трех больших камнях вблизи хижины многочисленные памятные доски с именами погибших в районе Безенги альпинистов с указанием дат жизни и горы, с которой связана их гибель В песне безымянного автора поется:

В Миссес-Коше три камня стоят
А на них имена, имена
Это гордо поставила в ряд
Свой заслон ледяная Стена…

Сколько имен на этих камнях для меня – живые лица, сколько моих друзей среди них!

Итак, прошло больше двух недель, о траверсантах ни слуху, ни духу. Жирнов, начинающий сильно беспокоиться по этому поводу, посылает двойку инструкторов, чтобы они по простому маршруту вышли на гребень, по которому должна в самом конце траверса проходить пропавшая группа, и когда увидят их, срочно сообщили бы об этом в лагерь. Тем временем стали готовить спасотряд, который должен был выходить на их маршрут по истечение контрольного срока. Тоже вопрос – куда выходить, траверс-то длинный, но до выхода спасотряда еще четыре дня, есть время выработать план. На семнадцатый или восемнадцатый день Виктор, перенервничавший до предела, вышел на Миссес-Кош (он был в получасе ходьбы от лагеря) без определенной цели, просто чтобы быть поближе к месту возвращения группы или наблюдателей.

Сцена: Жирнов нервно прогуливается около пустующей могилки, толпа сопровождающих стоит метрах в десяти-пятнадцати.

Тем временем события в группе наблюдателей разворачивались следующим образом. Двойка вышла на гребень, поставила палатку и стала в бинокль обозревать окрестности. У одного из них, Димы Черешкина, внезапно началась ангина. Он денек промучился (на высоте это дело нехорошее), но на 13-ый или 14-ый день наблюдатели разглядели в бинокль группу, двигающуюся по гребню в полном составе. Напарник говорит ему: «Слушай, часов через десять-двенадцать они досюда дойдут. Измотаны они, конечно, до предела, захотят передохнуть перед спуском, да и по леднику будут не больно бодро двигаться. Шел бы ты лучше вниз и сказал, что все в порядке. А я подожду группу». Совет был разумный, и Черешкин побрел вниз. Надо сказать, что восемнадцать километров Безенгийского ледника – это не Невский проспект: рельеф неровный, трещины, кое-где зигзагами ходить надо. Больному ангиной Черешкину этот путь нелегко дался, и к Миссес-Кошу он пришел не в лучшей форме

Сцена: Виктор видит медленно поднимающего по тропе с ледника Черешкина, вид у того убитый, бредет едва-едва. Виктор, не отводя взора от Черешкина, делает двумя руками отмашку назад, что означает приказ свите оставаться на месте, и двигается навстречу ему. Тот как-то жалко улыбается и вялым голосом произносит: «Вот, Витя, я и пришел...» - «А остальные где?!» - «Там остались», - вяло

машет рукой в направлении верховьев ледника. И, после дли-и-и-и-и-и-и-и-и-инной паузы, добавляет: «Спускаются» И, круто повернувшись, Витя зашагал в лагерь.

Взрывной, импульсивный характер Виктора отчасти сглаживала его славная, уравновешенная жена Галя.

Виктор был предельно ответственный человек. В любое дело, которым он занимался, он вкладывал душу, жил им. В бытность его начучем инструктора это понимали и никогда не обижались на его претензии, в какой бы форме они не высказывались.

В конце семидесятых годов он снова оказался в Безенги, переведя туда школу инструкторов, которую он ранее возглавил (он руководил школой в течение одиннадцати лет).

Виктор построил, в том числе своими руками, дом в Коробицино, пригороде Санкт-Петербурга, где есть протяженные, до четырехсот метров склоны, пригодные для занятий горнолыжным спортом; сейчас там полно гостиниц и три спортивные базы. Я был у него, когда дом еще не был до конца достроен. После смерти Вити (в 2003-ем году) Галя часто приезжала в Коробицино вместе с Олей и внуком. В 2014-ом году, когда она была там одна, в доме ночью случился пожар, она сгорела в нем. Скорее всего поджог, лакомый кусочек земли над склоном...

Об Андрее Тимофееве я упоминал выше. Он был, что называется, self made man (родителей его посадили) с чертами, присущими такого рода людям. У него был твердый, решительный характер, он был смел, но весьма осторожен, умел и любил командовать – прирожденный командир отряда. Был очень самолюбив, не выносил малейшей критики в свой адрес, но отходчив и не злопамятен. Меня удовлетворяла работа под его началом. Но была у него некая склонность к показухе, опять-таки понятная для человека его биографии. Однажды наш отряд должен был выходить на Австрийские ночевки в 4.30 утра. Участники отделения меня разбудили в четыре часа, принесли бутерброды, я наскоро перекусил, рюкзак собран с вечера, пошел на линейку. Вообще-то, полагается проверять, все ли снаряжение взято на длительный, 7-10 дней, выход – это дело командиров отделений. Я еше с вечера убедился, что мои ничего не забыли, командиры других отделений поступили так же. Ожидаем выхода, одеты легко, несмотря на холодное утро – по дороге под рюкзаками согреемся. И тут Тимофеев затеял лично инспектировать снаряжение и продукты на выход.

Сцена: Участники предъявляют веревки, затем крючья, затем еще что-то, началась инспекция продуктов. Инструктора отошли в сторону, одели пуховые куртки, сели на рюкзаки – Тимофеев вошел в

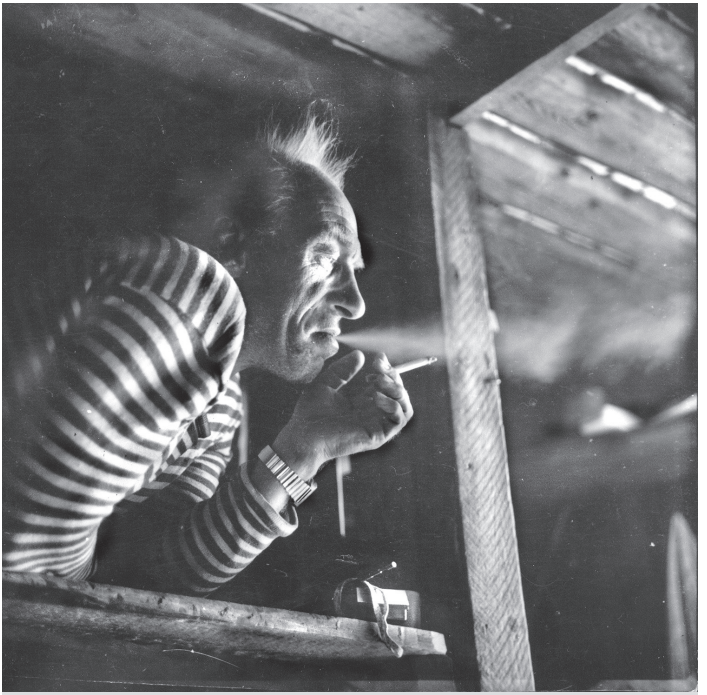

Фото 35. Андрей Тимофеев в хижине на Австрийских ночевках.

Фото 36. Жирнов-начуч (в центре) с группой участниц.

Фото 37. Один из памятных камней около Миссес-Коша.

Фото 38. Тимофеев рассматривает пленку, на которой он снят в забавном виде. Все смеются.

Фото 39. Лекцию по безопасности на Миссес-коше читает Игорь Кудинов.

Фото 40. Витя Жирнов

Фото 41. Три начальника. Слева-направо: Витя Жирнов (начальник школы инструкторов), Ачах Рахаев (начальник лагеря), Игорь Кудинов (начальник учебной части).

раж, история долгая. Инспекция продолжается. В порядке ли рация? Портативных раций еще не было, на отряд выдавали одну, довольно крупную рацию. Вообще-то, радист Юра Волков неисправных раций никогда не выдает, но Тимофеев требует проверить рацию. Приводят заспанного Волкова. Тот забирает рацию и через 10 минут возвращается, уверждая, что все в порядке. Конца краю этой инспекционной вакханалии не видно. И тут кто-то из участников спрашивает: «Андрей Владимирович, а Вы знаете анекдот про Елисеевский магазин?» - «Какой еще анкедот?» - «Да вот: раздается звонок в справочную: «Скажите, пожалуйста, когда открывается Елисеевский магазин?» - «В девять часов утра». - «Спасибо». Через 10 минут тот же голос слега запинаясь, повторяет тот же вопрос. «Гражданин, я же вам сказала – в девять утра». - «Спасибо». Еще через четверть часа тот же, но сильно запинающийся голос повторяет тот же вопрос. «Слушайте, гражданин, Вам что - не терпится выпить и закусить?» - «Вы-выпиить и за-закусить тут нанавалом. Я х-хочу знать, к-когда я м-могу отсюда выйти?!» Общий смех, отряд строится и выходит с опозданием на час. Ну, значит лишний час побредем по жаре, главное - тронулись.

Андрей хорошо играл на гитаре и, не имея особого голоса, очень выразительно пел, буквально играя голосом и лицом, он вообще был артистичен. Его песни военных лет, альпинистские, Городницкого, в палатке или у костра, в окружении восхищенных слушателей, незабываемы.

Уже будучи пожилым человеком, он по одному случаю сильно провинился, и его лишили званий мастера и инструктора. Это было для него ужасным ударом. Я предлагал ему поехать вместе со мной и трудовским сбором «просто так». Он был чрезвычайно популярен в альпинистской среде, и это было бы воспринято совершенно нормально как участниками, так и администрацией, не говоря об инструкторах, которые ему сочувствовали, но он отклонил это предложение - самолюбие не позволило, а жаль.

Несмотря на возраст (скоро ему испольнится восемьдесят семь) и плохое зрение, он трудится на своем дачном участке, душевно бодр.

Многолетняя дружба связывала меня с Юрой Юшиным и Фредом Туником. С Юрой я был шапочно знаком по секции. Когда я в первый раз появился в Безенги в качестве инструктора, в конце смены он предложил мне сходить в двойке на пик Урал в Теплом углу, небольшом уютном ущелье в сравнительной близости от лагеря. Такое камерное место, действительно, не слишком холодное по сравнению с Австрийками или Третьей ступенью. Для меня тогда любое спортивное восхождение было подарком, и я, не раздумывая,

согласился. Маршрут четвертой Б категории не был особо сложен, за исключением ключевого участка – пяти-шестиметровой, вначале почти отвесной стены, а перед ней небольшая площадка, вниз от которой уходила широкая расщелина. По этой расщелине, сорвавшись, можно было улететь к основанию горы.

Юра, как много более опытный, шел первым, я страховал его, стоя на площадке. Он забил крюк, пролез пару метров, забил над собой еще один. Пропустил через висящий на крюке карабин веревку и... сорвался. В результате он улетел в расщелину, но всего на несколько метров – хорошо забитые крюки выдержали, а я грамотно задержал его. Он вылез на площадку, отдохнул, отклонил мое предложение пойти первым (не уверен, что тогда я смог бы это сделать) и со второй попытки преодолел стену. Дальнейшее не представляло особой сложности, и мы, спустившись по пути подъема, отправились домой. Много спустя Юра сказал мне, что он взял меня – малознакомого человека и явно более слабого чем он спортсмена - для того, чтобы, как он выразился, посмотреть, чего я стою. Мои хладнокровные действия в той вполне критической ситуации и отсутствие какой-либо паники, видимо, вполне его удовлетворили, и он решил, что со мной можно иметь дело.

Юра был очень сильным альпинистом, на восхождениях (да и в жизни) был спокоен и сдержан до невозмутимости. Я никогда не видел его в возбужденном состоянии. Он мог уверенно пройти первым маршрут любой сложности. При этом он никогда не тренировался, иногда катался на горных лыжах, но не более того. По профессии Юра был электриком. Серьезного образования он не получил, и это несколько травмировало его, поскольку в альпинистской среде – основной круг его общения – многие имели высшее образование. Из-за этого он был чувствителен к любому проявлению, как ему казалось, невнимания к нему. Пару лет у меня был напряженный период на работе, и я никому из друзей даже не звонил, не говоря о том, чтобы повидаться. Юра обижался, но спустя некоторое время сказал: «Я понял. Ты просто был заморочен». И простил. Он сильно переживал отъезд в Америку Фреда Туника, с которым у него были самые близкие отношения. После Юриной поездки в Штаты, организованной Фредом, они не виделись несколько лет.

С годами он сильно располнел. Задолго до шестидесяти Юра перенес инфаркт, я привозил ему из Америки лекарства. Затем онкология. Его прооперировали, но спустя некоторое время возник рецидив болезни. Его мучили боли. Когда стало невмоготу, он связался со своим врачом, и тот велел ему на следующий день лечь в больницу. В этот день он позвонил мне и сказал: «Приехал бы ты». Я сразу поехал и провел у его постели часа два-три. Оба понимали, что

это наша последняя встреча. Мы вспомнили все случаи нашей совместной жизни в горах, перебрали эпизоды совместных восхождений, друзей, живых и ушедших. Потом он уснул. Я подождал, пока он проснется, поговорил с его женой Наташей. Когда он проснулся, мы простились. Он сказал: «В больницу ты не приезжай, мне будет не до того». Это было в воскресенье, через неделю он скончался.

Расскажу об одном восхождении, на которое мы ходили вместе с Юрой, но сначала – о другом, поскольку они связаны. В 1964-ом году я в составе группы из четырех человек совершал восхождение на вершину Главная Дыхтау с юга (от Австрийских ночевок). В нее, кроме меня, входил мой друг и сотоварищ по школе инструкторов Коля Романенко (он вскоре скончался в результате сердечного приступа, настигшего его на лыжне в Кавголово), Дима Антоновский и еще один участник, имени которого я не помню.

Я шел в связке с Колей. Выйдя на вершинный гребень, мы оказались на небольшой площадке. Дальнейший путь проходил по вершинному гребню, ближайший участок которого представлял тридцатиметровый острый снежный гребешок, обрывавшийся слева и справа крутыми склонами километровой длины. Его прохождение было опасным и требовало предельной сосредоточенности. Коля шел первым. Я должен был страховать его, пропустив веревку через ледоруб, надежно вбитый в утоптанный снег. Плохо перенося высоту и утомленный последним подъемом, я стоял, развесив уши, и отдыхивался. Ледоруб был у меня в руках, смотанная в кольца веревка лежала недалеко от меня. Коля прошел метров пять и... сорвался. Я в каком-то нечеловеческом прыжке достал веревку, пропустив ее через ледоруб, который вбил по головку в снег – все в одном движении – и задержал Колю, который пролетел по склону метров шесть-восемь и, к счастью, не успел набрать скорость. Когда он с нашей помощью вылез, после пережитого мы не в состоянии были продолжать работу. Хотя была еще середина дня, остановились, поставили палатку и продолжили движение только на следующей день. На разборе восхождения в лагере я подвергся жестокой (и справедливой) критике.

Год спустя, в самом конце сезона четверо инструкторов - мы с Юрой, Вадим Зубаков, которого я знал еще по работе на ГОМЗе (он начал заниматься альпинизмом еще раньше Жирнова) и Ваня Куркалов из Риги - совершали восхождение по северо-восточной стене Дыхтау пятой Б категории трудности, так называемый грузинский маршрут (по нему несколько лет до того прошла группа грузинских альпинистов). Этим восхождением Куркалов и я закрывали выполнение норматива мастера спорта. Я, согласно этого норматива,

должен был руководить восхождением. Юшин и Зубаков уже были мастерами. Мы должны были выходить в девять часов. Незадолго до этого, зайдя в комнату Зубакова, я к своему изумлению увидел, что он совершенно пьян - он вообще был любитель этого дела. Выяснилось, что будучи командиром отряда, он с раннего утра провожал свои отделения, выходившие на восхождения, и после каждого выхода выпивал хорошую стопочку, вероятно, чтобы сгладить процедуру расставания. После выхода последней, пятой группы, он пришел в состояние, в котором я его застал. Я высказал ему все, что думал по этому поводу, заставил выпить полчайника чая, уложил спать и перенес выход на двенадцать часов, не ожидая от так начинавшегося восхождения ничего хорошего. К моему удивлению, на подходе он шел нормально, как все, только потел ужасно. Мы подошли под стену, переночевали и начали восхождение. Я прошел первым примерно три четверти стены и преодолел ключевой сорокаметровый ее участок, начинавшийся крутой десятиметровой стеной, которая дальше постепенно выполаживалась.

Мы переночевали, и дальше с утра работал первым Юра. Было очень холодно. Довольно быстро мы вышли на вершинный гребень, и тут я обнаружил, что пальцы ног потеряли чувствительность, была опасность отморозить их. Мы поставили на гребне палатку, и Юра в течение часа растирал мои пальцы шерстяными варежками. Ваня и Вадим «сбегали» за полчаса по простому гребню на вершину, оставили записку и вернулись. Оставление записки в консервной банке в груде камней («туре») было обязательной процедурой. Группа, взошедшая на вершину следующий раз, приносила ее в лагерь и отдавала начспасу, и он фиксировал предыдущее восхождение, как совершенное.

Мы свернули палатку и продолжили движение по гребню. Я снова шел первым. Непогода неистовствовала, шел снег, дул ураганный ветер. Когда нам приходилось идти «на полную веревку», сорокометровая веревка между нами стояла дугой в воздухе. Когда подошли к острому гребешку, который в конце лета был уже не снежный, а ледовый и был еще более опасен, то ненадолго остановились. Приготовившись начать движение по гребешку, я обернулся и увидел, что Юра спокойно стоит, держа свернутую кольцами веревку в руках, а его ледоруб воткнут в снег рядом с ним, т.е. я не застрахован. Примерно прошлогодняя ситуация. Я громко сказал Юре, который был в нескольких метрах от меня: «Юра, наладь страховку, это опасный участок». Поскольку, спасаясь от холода, он опустил на уши шерстяную шапочку, натянул на голову капюшон пуховой куртки,

равно как и капюшон брезентовой штормовки, надетой поверх пуховки, то он естественно ничего не услышал, хотя и догадался, что я что-то сказал. Я снова прокричал те же слова. – «Не слышу». Я взвыл: «Юра, у меня с этого места улетел Коля Романенко (я употребил более сильный глагол), подстрахуй меня!» – «Не слышу». Я буквально взревел: «Наладь страховку!» добавив несколько слов насчет его матушки. – «Не слышу». Я обозлился до такой степени, что, повернувшись, начал двигаться по острому, как нож, ледовому гребню без страховки, аккуратно ставя попеременно ноги в кошках по обе стороны гребня и поддерживая равновесие с помощью ледоруба, втыкаемого в гребень. Я тщательно следил, чтобы в каждый момент движения у меня были бы две точки опоры – нога и ледоруб или две ноги. При этом у меня в голове крутилась идиотская мысль, что, если я сорвусь и мы улетим вниз вместе, то так ему и надо. Пройдя эти убийственные тридцать метров и оказавшись на небольшой площадке, я успокоился и, обернувшись назад, обнаружил, что он за это время успел освободить уши. Он прокричал мне: «Алик, ты что-то мне говорил?» Я рассмеялся и, наладив страховку, махнул ему рукой, давая знать, что он может начать движение.

К вечеру этого дня мы подошли к концу гребня. Смеркалось, предстояло спускаться вниз по крутому ледово-снежному склону, поэтому нам пришлось заночевать здесь. Сил вытоптать площадку для установки палатки не было, да и темнота быстро надвигалась. Мы сели на рюкзаки, укрылись палаткой. Я вытащил свою «ногу» (это укороченный спальный мешок, доходящий только до подмышек; если в пуховке залезть в него, то можно спокойно переночевать, а весит он меньше, чем полный спальный мешок, в который помещаешься с головой) и натянул ее на ноги. Непогода стихла, было сравнительно тепло для таких высот. Небо было чистое, отчетливо были видны огни лагеря. Вдали – зарево над Нальчиком, который был километрах в пятидесяти от нас. Засыпать было опасно, и мы всю ночь разговаривали, будя задремавших. С рассветом начали спуск на южную сторону, у подножья стены остановились, высушили вещи, погрелись, перекусили и продолжили путь домой, куда и пришли к ужину.

В Безенги в середине шестидесятых годов стали появляться группы зарубежных альпинистов. Этот район по сложности восхождений не уступал знаменитым альпийским вершинам (Эйгер, Гран Жорас, Пти-Дрю), но высоты значительно выше, чем в Альпах. Здесь можно было проходить как бы подготовку к высотным восхождениям в Гималаях. Приезжали альпинисты из Польши, Югославии, Англии, Франции, Японии, кого только я здесь не видел! Мне довелось встретить полковника Ханта из Великобритании,

руководителя первовосхождения на Эверест в 1953-ем году и автора прекрасной книги «Восхождение на Эверест», и даже поговорить с ним. Естественно, в лагерь наведывался и представитель ведомства железного Феликса, Саня (фамилию не помню). Он оказался славным парнем, и мы с Юшиным любили поболтать с ним о предметах, далеких от его профессиональных интересов. Между прочим, он мог пробыть в лагере несколько дней, будучи совершенно незаметным, хотя, казалось бы, здесь каждая физиономия на виду. Профессионал.

Один год случилось так, у нас с Юрой одновременно разболелись зубы. Таблетки не помогали. Чрез пару дней у обоих начал развиваться флюс, повысилась температура. Надо ехать в Нальчик, лечить зубы. Мы пошли к Жирнову, отпросились на пару дней. Приезжаем в Нальчик, приходим в центральную зубоврачебную клинику и видим ужасающую картину – толпа людей у окошек записи, очередь на лестнице, шум, ругань, и становится ясно, что нам тут не светит. Понуро выходим на улицу и бредем, раздумывая, что же нам делать. Припоминаю цитату из фельетона известного журналиста тех лет А. Аграновского: «А над входом в светлое, красивое здание московского метрополитена пылают красным светом слова, более уместные при входе в дантовский ад: «Выхода нет». Тот самый случай.

Вдруг мимо нас проезжает мотоцикл с коляской, за рулем – Саня. Увидел нас останавливается: «Вы что тут делаете?» Мы объясняем. – «Так какого черта, у меня жена – зубной врач! А ну, лезьте в коляску». Привозит нас в какую-то больничку, отводит в зубоврачебный кабинет, там две молодые хорошенькие врачихи, одна из них – санина жена. Они нас усаживают в кресла, осматривают: «Надо удалять зуб». Делают укол и ждут, пока наркоз начнет действовать. Временами поглядывают на нас и начинают хохотать. А мы сидим, понурые, до черноты загорелые, обросшие (не до бритья было последние дни). Одного раздуло на правую щеку, другого – на левую.

В приемной терпеливо дожидался нас Саня. Усадил в коляску, повез к себе домой. А мы, еще не придя в себя после наркоза и учиненного над нами членовредительства, почти не евшие трое суток, качаемся от слабости и придерживаем друг друга, чтобы не выпасть. Саня угостил нас деликатесом – жарким из турятины, но мы в нашем состоянии полностью насладиться его вкусом не могли. Вечером пришли на лагерную базу в Нальчике, переночевали. Утром на машине привезли нас в лагерь. Нашу поездку к Сане домой видел какой-то лагерный доброхот, который, вернувшись раньше нас, доложил Жирнову, что видел, как в доску пьяные Юшин с Рыскиным раскатывают по Нальчику на мотоцикле. По возвращении Витя устроил нам выволочку: «У меня инструкторов недобор, работать

некому, я вас отпустил лечиться, а вы...и т.д.».

Мы переписывались, несколько лет спустя после рассказанной истории Саня приезжал в Питер в командировку, мы с Юрой рады были встретить его и приятно провести вечер. Так что могу сказать, что имел хорошего приятеля в КГБ.

Фред был самым светлым человеком, которого я когда-либо знал. Его преданность друзьям была беспредельной, он готов был вникать в любые детали их жизни, помогать им, чем только может. Друзей было море, он был очень общительным человеком. Был хорошим, но не выдающимся альпинистом и прекрасным организатором, естественным лидером, вокруг которого охотно концентрировалось множество людей. Он закончил Кораблестроительный институт (Корабелку) и специализировался на проектировке кораблей для северных морей. В 1980-ом году он с семьей и родителями жены Гали, эмигрировал в Америку. О их жизни в Штатах я расскажу дальше.

В 1964-ом и 1965-ом годах мы, все трое, были инструкторами в Безенги, и нам, естественно, захотелось ходить вместе. Четвертым в нашей компании стал Коля Горевский, славный парень, которого я знал уже пару лет. Позднее мы примерно в одно время женились, и у нас почти одновременно родились дети, у меня сын, у него дочка. Мы часто общались с ним и его женой, Лидой. Коля был простым работягой, как и Юра, электриком. Лида, которую он привез из Москвы, была выпускницей Бауманского института и позднее работала инженером в крупном концерне, занимавшемся космосом. Эта разница образований и положений Колю нимало не тревожила, а Лиду слегка смущала, но семья была – прочнее некуда.

Коля был человеком прямым, веселым, с развитым чувством юмора. Физиономия у него была такая, как после сильной поддачи. Однажды в какой-то горной республике он был в компании альпинистов, которая повздорила с местными и была доставлена в отделение. Начальник милиции, указывая на Колю, говорил: «Вы только посмотрите на него, он же совершенно пьян» - хотя тот был трезв, он вообще употреблял в меру. В общем, с ним было не скучно, и товарищ он был хороший. Позднее он переехал в Подмосковье, и, бывая в командировках в Москве, я часто ночевал у них в Красногорске, в сорока минутах автобусом от окраины Москвы. Коля давно умер. Его жене Лиде я иногда звоню, она живет там же, семья ее старшей дочери Юли – в нескольких остановках от нее, младшая Ася вышла замуж за итальянца. Лида навещала ее. Отец мужа оказался, как и Коля, альпинистом, и они нашли общий язык.

Мы четверо ходили вместе два года, и это были самые приятные восхождения, которые я когда-либо делал. Сложное восхождение в

Фото 42. Тимофеев поет.

Фото 43. Мы с Юрой Юшиным на вершине.

Фото 44. Северо-восточная стена Дыхтау. Наш маршрут проходил по левому канту самого правого гребня, далее по снежной полке налево под скальную стену, по ней выход на снежные поля, преодоление ледопада и подъем по снежному склону на предвершинный гребень.

Фото 45. Мы с Фредом Туником (второй справа) проводим разбор восхождения.

компании хороших друзей – что может быть лучше! Самые ответственные участки обычно проходил Юшин, хотя никто из нас не ленился. Затем наши пути разошлись. Я продолжал ездить в Безенги. Коля работал в разных лагерях, в том числе один раз в Безенги. Вокруг Фреда сложилась компания альпинистов, включая Юру, которую он вывозил то в одно, то в другое место. Спортивная жизнь свела нас еще раз в 1969-ом году, когда мы, четверо, и некоторые из наших друзей-альпинистов, упомяну талантливого корабела-математика Митю Хейсина, строителя Беню Гутмана, автора реприз и конферансье Игоря Виноградского, вместе с трудовским сбором поехали в горы Памиро-Алая, в Киргизии. Отработав со сбором три недели, мы сделали вчетвером траверс, продолжавшийся четыре дня. Это первопрохождение было не очень сложным, но мы снова шли вместе, и это было громадное удовольствие для каждого из нас.

После этого мы, сильно поредевшей компанией (многие, в том числе мои друзья, уехали домой) отправились на Тянь-Шань. Незабываема поездка через Среднюю Азию из Киргизии в Казахстан до Алма-Аты и далее до погранзаставы, машина которой довезла нас до советско-китайской границы. Здесь мы совершили восхождение на пик Мраморная Стена высотой 6400 метров, по ту сторону его лежал Китай. Это было технически несложное, но высотное восхождение. Когда идут «на высоту», то делают это не быстро, с рядом ночевок для акклиматизации. Мы имели на маршруте три ночевки, последняя примерно на шести тысячах метров. Пришли на нее рано, часа в три, времени было навалом, и мы для активной акклиматизации стали строить вокруг наших палаток снежную стену из фирновых блоков (фирн – это плотно слежавшийся, многолетний снег). В ходе строительства между его участниками возникли разногласия, все были слегка раздражены – высота сказывалась – и в ходе дискуссии Беня закричал: «У меня высшее строительное образование!». Очень оно было ему тут нужно! Я, как уже упоминал, не очень хорошо переносил высоту, и на вершине упустил свой рюкзак в Китай (правда, в нем мало что было).

Коля Горевский

На обратном пути мы на исходном бивуаке несколько часов ожидали погранзаставскую машину, которая, по предвари-

тельно договоренности, должны была за нами приехать, пока Митя Хейсин не произнес хитовую фразу: «Сидеть в центре Азии и ждать машину глупо», и мы отправились на заставу пешим ходом. До нее было километров пятнадцать, особенно утомительны они были для меня, поскольку свои пожитки я нес в подобии рюкзака, организованного из того, что было под рукой. Но, оборачиваясь, мы видели в верховьях ущелья величественную пирамиду красивой вершины Хан-Тенгри, и, ей богу, этот вид все компенсировал. На следующий год Митя Хейсин организовал экспедицию на Хан-Тенгри, которая закончилась трагически – смертью врача экспедиции, Вадима Грифа, но ни я, ни мои друзья в ней участия не принимали.

Памятным осталось наше восхождение на Шхару по центральному контрфорсу Северной стены. Собственно, мы намеревались делать траверс Шхара-Джангитау, но когда поднялись на вершину, ураганный ветер со снегом, просто валил с ног. Лежавший на спине Коля (стоять во весь рост было почти невозможно) махал ледорубом и кричал: «Вперед на Джанги!» Но куда там! Можно было приспуститься по Северо-восточному гребню, там метров сто-сто пятьдесят ниже вершины была трещина, подобие ледовой пещеры. Там можно было переждать непогоду, но мы решили не искушать судьбу и, спустившись по этому гребню, к концу дня были на Австрийских ночевках. Утром я проснулся и услышал какие-то стуки. Подумал, что это туры – они иногда спускались на Австрийку и искали остатки пищи на бивуаках. Выглянул из палатки и увидел большую группу альпинистов, идущих по морене снизу – это был спасотряд. Оказалось, на спуске с Западной Мижирги разбился Валера Станкевич, с которым я познакомился, работая на ГОМЗе; он на год раньше меня стал альпинистом и был перспективным спортсменом. Наша группа участвовала в транспортировке тела Валеры на Миссес-Кош.

Руководителем злосчастного восхождения был Юра Шевченко, по профессии врач, исключительно сильный альпинист с непростым характером. Он напоминал мне Адика Белопухова работоспособностью, талантом скалолаза, да и внешне было определенное сходство (но Адик был помягче). На спуске с Западной Мижирги приходится закладывать сорокаметровый дюльфер по отвесной стене (так называется спуск по двойной веревке, пропущенной через карабин, висящий на крюке, веревки обвиты вокруг туловища, и спортсмен перебирает их руками, ногами упираясь в скалу; когда спустится вся группа веревку продергивают через карабин). Станкевич, который спускался последним и должен был продергивать веревку, замешкался с этим, и Шевченко сказал ему что-то иронично-насмешливое.

Фото 46. Пик Мраморная стена. Наш маршрут проходил по снежно-ледовым склонам слева от крутой стены с мраморными прожилками в центре.

Фото 47. Пик Хан-Тенгри.

Человек горячй (казак!), Станкевич, стараясь продернуть веревку, резко пошел вбок по наклонной плите у основания отвеса и сорвался. При этом старый репшнур, которым Валера был прекреплен к веревке (это короткий конец меньшей толщины, нежели основная веревка), порвался и Валера улетел по кулуару на сотни метров. Шевченко тяжело переживал случившееся, и когда мы пришли на Миссес-Кош, он не пошел со всеми в лагерь, а остался ночевать в хижине один со своими невеселыми думами. Федерация лишила его звания инструктора и понизила до 2-го разряда (кажется, он был тогда кандидатом в мастера спорта). В течение двух лет после этого он приезжал в лагерь и, вместе с еще одним участником того восхождения Толей Носовым, делал сложнейшие пятерочные восхождения и первопрохождения. Восемь лет спустя он погиб – малоопытный солдат-водитель опрокинул машину, первозившую команду спортивного клуба Советской Армии, куда Юра перешел из «Труда», на Юго-Западный Памир. Большая часть спортсменов, в том числе и он, разбилась насмерть. Весть о смерти Юры Шевченко переживали все знавшие его. Он был ярко выраженным эгоцентриком, близких друзей у него среди нас не было, но его отношение к спорту (не хочется по отношению к нему употреблять штамп «фанатизм») и достижения вызывали глубокое уважение. Я видел, как при известии о его гибели заплакал инструктор и трудовской спортивный деятель Леня Поссесор, вообще-то довольно циничный малый.

Упоминане об отвесной скале на Западной Мижирги напомнило мне английскую классификацию крутизны горных склонов: 50 градусов - круто, 60 градусов - очень круто, 70 градусов - отвесно, 80 градусов - мой дорогой сэр, *абсолютно* отвесно, 90 градусов - нависает.

В этот год нам с друзьями пришлось участвовать в «медицинском» мероприятии. В группе разрядников, совершавших восхождение на третьей ступени, был травмирован один из них. Его спустили вниз и на первой ступени одним из несших носилки был инструктор Анект Пепин, старожил Безенги и высококвалифицированный альпинист, достигший высот в ряде других видов спорта, конькобежном в частности. Когда носильщики проходили внизу снежного кулуара, сверху прилетел камень, от которого Анект не мог увернуться. Камень рассек ему ногу до кости, но он удержал носилки. Так что к ночи в лагерь доставили двоих пострадавших. Оля Соустина ночью должна была оперировать Анекта и попросила нас четверых помочь ей. Мы должны были по двое держать простыню перед его лицом,

дабы он не видел ее манипуляций над его ногой (естественно они производились под местным наркозом, общий в условиях лагеря был невозможен). Первыми держали простыню мы с Колей. Оля обмыла рану, обколола ее обезболивающими и, взявшись за край разрыва ткани, откинула ее наверх так, что обнажилась кость (а бедренные мышцы у Анекта, как у всех конькобежцев, были – будь здоров!). Я почувствовал удивительную легкость в ногах и голове. Оля, не отрывая глаз от раны и не глядя на меня, произнесла: «Алик, отдай простыню Фреду и выйди вон». Я передал свой конец завесы Фреду и опираясь двумя руками на стенку двинулся к выходу. Меня стошнило, присел на крыльцо; ночной холод привел меня в чувство. Пошел назад, навстречу мне по стенке пробирается Коля. И так далее. Утром за завтраком Оля говорила: «Мальчики, я на вас просто удивляюсь. Ну, бывают гнойные, запущенные ситуации, но тут-то такая чистая, хорошая рана...» Мы попросили ее прервать этот медицинский экскурс пока у нас не пропал апетит.

С моим многолетним другом и соседом, Борисом Кашевником, я совершил лишь одно пятерочное Б восхождение под его руководством. Его старший сын, Саша, тоже стал альпинистом, он погиб двадцать лет тому назад при спуске с вершины Джангитау после прохождения экстремально сложного маршрута. Я тогда поехал в горы уже не будучи действующим альпинистом. Саша пригласил меня быть наблюдателем, когда намеривался участвовать во всероссийском первенстве по альпинизму, проводившемся в Безенги. С руководимой им группой я вновь попал в родные места, где не был почти десять лет. На Австрийских ночевках ночью я провожал их двойку, когда они уходили на подход под вершину. Это было последнее из трех шестерочных восхождений, которые претенденты на призовые места должны были совершить за десять дней (безумное условие в прямом и переносном смысле). Он сказал: «Спасибо, Александр Иосифович» - это были последние слова, которые я от него слышал. Через день он сорвался в самом конце спуска, в ста метрах от ледника, и двойка разбилась. Это было 9 августа. Каждый год в этот день Борис с женой Ларисой и несколько альпинистов приезжают на Кавголовское кладбище, где он похоронен. Покуда мы не уехали из России, ездил и я, сейчас звоню Борису в этот день.

В горах я подружился с интересным человеком Юрой Дорошевским. Он ездил в горы как врач (он был хорошим детским хирургом) и любил их страстно. Как альпинист, он был дилетант, хотя однажды мы прошли с ним в группе альпинистов сложную пятерочную стену. Общителен он был беспредельно, но его неровный

характер и постоянная возбужденность мешали ему в установлении контактов. Он интересовался всем на свете и имел обширные и основательные познания в литературе, истории, философии, религии. Дальнейшая его судьба необычна даже для нынешних экзотических времен. Имея прямой, правдолюбивый характер, к тому же несколько неуравновешенную психику, он сильно не ладил со своим начальством. В 1991-ом году поехал в Австрию, где уже находилась семья его дочери, и остался там навсегда. Какое-то время он подрабатывал гидом на горно-туристских маршрутах, параллельно учась на гуманитарно-языковом факультете университета в Зальцбурге, принял католичество (до этого был прилежным православным). Потом стал послушником в богатом зальцбургском монастыре, а позднее и его монахом.

В 1993-ем году, будучи в тех местах на конференции, я созвонился с ним, и его тамошняя дама сердца (это еще до послушания) привезла его повидаться со мной. Они предложили мне на выбор – поехать в близь расположенный Зальцбург - культурную столицу Австрии или осмотреть окрестности. Я выбрал последнее.

Мы провели дивный день около очаровательного городка Гмунден, где проходила конференция. Этот город и прилежащие места были любимым местом отдыха последнего императора Австро-Венгерской империи Франца-Иосифа II. Мы побродили по горным тропам, полюбовались озерами, закусили в ресторане при нас выловленной форелью, осмотрели окраины Гмундена с коттеджами, около каждого уютный садик, клумбы с цветами и фруктовые деревья. В одном из них я увидел две полуметровые раскрашенные фигурки гномиков с лопатками и вскричал: «Эх, танк тэ тридцать четыре бы сюда!» Слава богу, дама по-русски не понимала. Мы побывали в храме монастыря, постройки не то 12-го, не то 13-го века, с колоннами, украшенными скульптурами рыбаков, с наполненными рыбой сетями. Эти скульптуры обвивали колонны и наряду с цветными витражами придавали храму какой-то радостный вид. Около храма маленькое кладбище, в котором захоронения всех настоятелей монастыря. Вообще в Австрии, как они мне говорили, какой-то особый вариант католичества, лишенный мрачноватой нотки, присущей традиционному католицизму. Недавно Папа Иоанн Павел Второй посещал Австрию и местные католики проявили какие-то разногласия с ним по вопросам веры. Оба моих собеседника, ревностные католики, были согласны с общеавстрийской позицией в этой дискуссии. Я, будучи поклонником этого великого человека, им возражал. Оценив комизм ситуации, я спросил: «Don't you find it is rediculous that I, an atheist, support the Pope before you?» («Не кажется ли вам смешным,

что я, атеист, защищаю пред вами Папу?»). Они рассмеялись.

Больше всего меня трогает сочетание величия Папы Иоанна Павла П с его простотой и человечностью. Из историй о нем мне особо нравятся две. Одну рассказывал по TV журналист Генрих Боровик. Он в первые годы перестройки умудрился организовать и возглавить журналистскую поездку к Папе Римскому в рамках придуманного им же форума. Боровик с некоторым трепетом ожидал начала свидания, не понимая, в каком ключе должен состояться разговор. Но когда их пригласили, Папа первым делом задал вопрос (он, кажется, мог изъясняться на ста четырех языках!): «Ну, какие новости в Москве?» И стал расспрашивать о культурной жизни столицы, о новых театральных постановках, причем проявлял знание текущей ситуации, режиссеров и прочее. Разговор пошел совершенно неформальный. Несколько раз заглядывал какой-то кардинал, напоминая, что дожидается приема делегация южноамериканских кардиналов, но Папа отмахивался от него рукой, разговор явно был интересен для него. В конце концов, кардинал просто взмолился – надо кончать, неудобно. Папа предложил сфотографироваться – это предусмотрено процедурой встречи, в соседней комнате дожидался фотограф. Когда они позировали, совершенно очарованный Боровик чисто автоматически взял стоящего рядом Папу под руку. Тот ему сказал: «Вы знаете, есть много фотографий, где мне целуют руку, есть фото, где я пожимаю руку. Но чтобы вот так, под ручку, фотографироваться – это в первый раз».

Вторая история о том, как римского папу в самолетной поездке сопровождал пул итальянских журналистов. Один из них, зная, что Иоанн Павел П является ценителем коньяков, предложил выпить элитного коньяка, который у него был с собой. Папа вызвал к себе первого пилота и спросил, на какой высоте мы находимся. Тот ответил: «Восемь тысяч метров». Папа, покачал головой: «Нельзя, высоко. ЕМУ не понравится».

А чего стоят последние годы жизни Папы, когда он, страдая тяжелейшим паркинксонизмом, почти обездвиженный, упорно отказывался покинуть свой пост, считая, что должен явить людям пример долготерпения и смирения перед волей Божьей, какова бы она ни была. Заслуживает ли человечество такого примера – это другой вопрос...

Это было наше последнее свидание с Дорошевским. По слухам, он жив - здоров, хотя, говорят, его характер делает его жизнь и там не вполне безоблачной.

Я сохраняю дружбу со спутницей прежней его жизни – Татьяной Константиновной Немиловой. Она главный детский хирург Санкт-Петербурга, имеет международное признание. Таня лечила

моих детей и детей наших друзей, никогда не отказывая в помощи ближним. Удивительной души человек.

Расскажу еще об одном нестандартном человеке, встреченным мной в альпинизме – Вале Якубовиче. Он несколько лет работал инструктором в Безенги. Валя был филологом, профессорствовал в Пятигорском пединституте. Человек он был интеллигентный, много чего знал, был очень общителен, но что-то подспудное в нем ощущалось. Инструктора звали его за глаза «наш профессор». С женой он развелся давно, жил холостяком. Ходили неопределенные слухи о его предшествующей альпинистской карьере, фигурировали какие-то несчастные случаи, происходившие не то по его вине, не то с ним. Я к этим бабьим сплетням не прислушивался, мне он был симпатичен и по-человечески интересен, Идучи руководителем группы инструкторов на восхождение на Восточную Мижирги пятой Б категории сложности, я взял его в группу. Валины странности начались к концу третьего дня. Мы подходили к ключевому участку маршрута и стали выравнивать небольшую наклонную полочку, чтобы поставить палатку. И тут Валя возроптал, что на это мы потратим много сил и времени. Он утверждал, что видит тридцатью метрами выше площадку большего размера, где легче будет устроиться. Все равно, топтаться вчетвером на данной площадке было невозможно, подготавливать ее могли только двое, так что мы с Якубовичем были свободны. Я точно знал из описания маршрута и консультаций, что там склон, действительно, выравнивается, но начинается ключевой участок – обледенелая стенка метров пять, подход к которой чрезвычайно сложен и простреливается камнями, но решил – пускай убедится лично, заодно протопчет дорогу на завтра, и стал, страхуя, его выпускать.

Так все и оказалось. Он спустился, мы тем временем поставили палатку, переночевали и утром пошли по его следам вверх. Я прошел ключевой участок, при этом сверху прилетело несколько увесистых булыганов, слава богу, никого из нас не задевших. Один из участников пролез по не очень сложной стеночке, и мы очутились на предвершинном некрутом снежном склоне. До вершинного гребня, где можно было поставить палатку, оставалось не более ста метров. Но этот склон был покрыт высокогорным мелкодисперсным снегом, почти порошком, который был нам чуть ли не по пояс. По нему приходилось просто плыть, очень медленно и тратя огромные усилия. Страховка была не нужна – склон пологий, с него не улетишь, но день близился к концу, и ситуация была не ахти. Я сказал: «Идем вверх». И тут Валя возроптал второй раз. Он стал убеждать нас идти к скальному гребешку, метрах в ста слева от нас, который тянулся

Фото 48. Юра Дорошевский

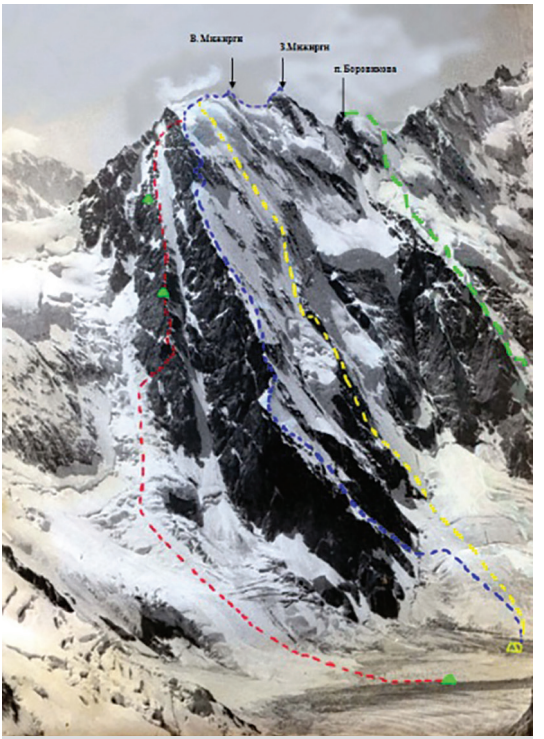

Фото 49. Восточная Мижирги.
Наш маршрут показан синим пунктиром.

до вершинного гребня. Там, он убежден, можно забивать скальные крючья, организовать страховку, и это будет безопаснее. Весь мой опыт говорил, что этого делать нельзя: около скал наверняка гладкий (натечный) лед, в который не вонзаются кошки. Но Валя продолжал твердить свое. Эта бессмысленная, точнее, вредная дискуссия длилась минут пять, потом я повторил жестче: «Идем вверх!» Тут он закричал: «Якубович без страховки не ходит!» - и начал двумя руками по-собачьи лихорадочно копать траншею до более глубокого плотного снега (фирна), в который можно было до половины загнать ледоруб – под слоем фирна был лед. Потом достал кастрюлю, и стал копать ею, дело пошло веселее. Откуда у него взялись силы на эту работу, понять невозможно, но он прорыл метров пятьдесят, а дальше был уже нормальный снег. По прорытой им траншее двигаться было много проще, и мы, временами страхуясь, благополучно дошли к вечеру до гребня.

Мне нравились восхождения на Восточную Мижирги. Все маршруты на нее имеют пятую Б категорию сложности. Еще в первые годы посещения Безенги я прошел эту гору под руководством Бори Кошевника; этот маршрут на фотографии показан красным пунктиром. Я ходил на нее и с противоположной стороны вместе с Андреем Тимофеевым, он был руководителем. С нами шли двое сильных участников. Подход под вершину с этой стороны занимает два дня. Надо дойти до Австрийских ночевок, там переночевать, а на следующий день пройти два перевала для того, чтобы оказаться на обширном снежном плато, окаймленном склонами вершин полукруга, в котором доминируют Мижирги и Коштантау. Дойдя до второго перевала, мы решили переночевать здесь, и, когда ставили палатку, наткнулись на так называемую «заброску» - продукты, которые альпинистские группы иногда оставляют на подходах к длинному восхождению для того, чтобы не тащить на своих плечах все, что понадобится. Иногда заброску сделаешь, а на гору почему-либо сходить не удается, так и лежит бесхозный склад продуктов пока кто-нибудь, на него случайно не наткнется. Судя по консервным банкам, заброска пролежала не меньше десятка лет, но вскрыли банку тушенки – нормально.

Только поставили палатку, по рации передают распоряжение Кудинова всем группам вернуться в лагерь в связи с приближающимся грозовым фронтом. А также сообщить по рации о месте нахождения и о том, что указание слышали. Стали думать, что делать. Мы сюда два дня перлись. У нас куча продуктов (заброска была «от души»). Вернемся назад – сезон кончается, нам уже на серьезный маршрут не выйти. Решили валять дурака: сымитировать плохую

связь, утром перейти на плато под вершиной и пытаться пересидеть непогоду и выйти на гору. Так и поступили. Утром спустились на снежное плато и поставили палатку, оградив ее блоками из фирна, так что получилось нечто вроде стенок высотой с палатку, закрывавших ее со всех сторон. Только к полудню кончили трудиться, началась настоящая буря со снегопадом и ураганным ветром. Мы залезли в палатку, разожгли примус, наелись «от живота» и легли спать. Непогода продолжалась почти сутки, но мы были хорошо укрыты, еды – вдосталь. На следующий день с трудом выбрались, скорее, откопались из своего убежища и увидели над головой ясное небо, ветра нет – живем! Протоптали тропу к стене, еще раз переночевали, и рано утром третьего дня начали восхождение, которое благополучно и совершили. Подозревал Кудинов наше лукавство, или нет, но победителей не судят. Восхождение было технически сложнее тех маршрутов, что я проходил с той стороны, и доставило большое удовольствие.

Несмотря на выходки Якубовича на Восточной Мижирги, я еще раз взял его и двух молодых инструкторов на восхождение по сложной стене в ущелье, соседнем с Теплым углом. На ночевке под стеной он утром заворочался в палатке и сказал, что ночью раздавил выпавшие из футляра очки и не может идти (он был сильно подслеповат и носил очки с большими диоптриями). Мы пошли вниз. Я отнесся к этому философски – горой меньше, горой больше, молодые молчали, но явно были взбешены, для них каждая гора была подарком. Только тогда я до конца разобрался в Якубовиче – его страстно тянули к себе горы, но он... боялся. Отсюда все его нелепые выходки. Я прекрасно понимал его состояние – в первые годы занятий этим спортом оно бывало и у меня. Лишь через восемь-десять лет я приучил себя оставаться спокойным и уравновешенным на опасном участке маршрута. Страх, разумеется, никуда не ушел, он просто стал управляемым. У некоторых людей, например, Юшина, Жирнова, это подавляющее волю чувство, вероятно, отсутствовало изначально, хотя опасности гор они прекрасно понимали.

После того, как Якубович исчез из Безенги, я много лет ничего не слышал о нем. Мне рассказывали, что, когда он почти потерял зрение, он пошел в горы, лег в спальный мешок в палатке, перестал есть и умер от истощения и холода. Ужасная смерть необычного человека.

Нечто подобное последнему случаю – решение повернуть назад перед сложным маршрутом я дважды наблюдал у своего хорошего приятеля, Мити Хейсина. Но тот был другим человеком – откровенен, привлекателен, прекрасный организатор, хорошо знал горы и подстерегающие альпиниста опасности. Люди тянулись к нему. Он был, как

и Фред, прирожденным лидером. Митя вообще был талантливым человеком, сильным математиком, работавшим в сфере проектирования и расчета строения судов, был известным специалистом в этой области.

Фред пытался устроить его в Штатах, пригласил, оплатил проезд, договорился о его докладе в государственной судостроительной компании, в которой сам работал, но почему-то эта поездка не имела последствий. В дальнейшем, Митя был начучем в одном из среднеазиатских лагерей, не сомневаюсь – хорошим. Он довольно рано умер от сердечного приступа. У него всегда было высокое давление, и он не очень-то следил за ним.

Между прочим, мне довелось сыграть определенную роль в его личной жизни. По дороге к Мраморной стене мы остановились переночевать на территории алма-атинского аэродрома. Спать не хотелось – выспались в машине, и мы с ним полночи бродили около аэровокзала. Он спрашивал совета, стоит ли ему второй раз жениться, его смущала разница не лет, а образований и положений с девушкой, о которой шла речь. Я хорошо знал Раису Козлову, она была приятельницей Леры, энергичная, очень неглупая, с развитым чувством юмора, и убеждал его, что все это ерунда: «Раиса будет тебе хорошей женой». В конце концов, он сказал: «Ладно, женюсь» - так и сделал. И был вполне счастлив. К Фреду приезжал и его сын, но это совсем другая история.

Сколько ярких личностей мне довелось узнать в горах! Чего стоит один Митин приятель, много моложе его, Саня Мясников по прозвищу «Слон». Он был больше двух метров ростом, а его нос, действительно, напоминал хобот молодого слоненка. Был он так себе альпинист, но горы любил и спортсменом был высочайшего класса. Он первым в стране преодолел двухметровую высоту при прыжках в высоту через барьер, был многократным призером соревнований по водным лыжам, не раз – их победителем.

Присутствовавший на таких соревнованиях под Москвой Валя Хейсин (Митин брат, тоже альпинист) рассказывал, что, когда никому дотоле неизвестный Саня стал чемпионом Союза, корреспонденты спортивных газет заволновались – кто такой Мясников, откуда он взялся? Показали на Валю, как на человека, знающего победителя. Кинулись к Вале, а тот говорит: «Это Александр Мясников, кандидат наук, старший научный сотрудник ленинградского такого-то (не помню – какого) института». Корреспонденты изумились: «Ну, не может быть!» «А Саня стоит, покачиваясь, таким викингом, - рассказывал Валя, - мускулы налитые, глаза голубые, прозрачные и в них, окромя воли к победе, ни-че-го нет».

Фото 50. Митя Хейсин.

Фото 51. Саня Мясников (Слон), 2000-ые годы

Характер у него был очень общительный. Я ранее описал тип туалета, который был в Безенги первую пару лет. Заседая в нем по утрам, Слон, бывало, напутствовал уходящие на восхождение группы, проходившие по тропе поблизости; забавное было зрелище.

Все любили Слона за всегда веселый нрав, добродушие, своеобразный юмор. Его хитовые выражения входили в золотой фонд альпинистских баек. На Австрийских ночевках группа, перед выходом на восхождение на одну из вершин Стены, перекладывает рюкзаки. Саня вытаскивает из своего рюкзака здоровенный батон твердокопченой колбасы, который он выпросил у Тасима и произносит: «А да-давайте я за-замету эту ма-маленькую к-колбаску» - он слегка заикался, и это придавало его речи особую выразительность.

Однажды под проливным дождем наш отряд возвращался с восхождений на Третьей ступени. Примерно в часе ходьбы от лагеря мы встретили на морене закутанного в плащ Слона, который вел руководимую им группу вверх. «Ну и куда ты прешься? - спросили мы его - Посмотри на небо». - «Вы думаете не надо? - радостно воскликнул Саня - Тогда мы пойдем в лагерь». И, вытащив из своего рюкзака чекушку, предложил инструкторам выпить по глотку за встречу. Мы отказались. Он выдул ее сам и побежал вниз впереди нас.

На разборе восхождения группы, в составе которой был Саня, одна участница, увлекшись своим рассказом, стала называть его прозвищем: «А Слон стоит перед стеночкой и раздумывает», «А Слон говорит...» На разборе присутствовал уполномоченный. Была такая бессмысленная должность уполномоченного Федерации, который должен был ездить по лагерям одного района и надзирать, над их работой. На нее назначались заслуженные альпинисты, отходившие свое. Попадались люди толковые, реально помогавшие советом, но в данном случае это был бесцветный человек, несколько туповатый, с замедленной реакцией, и по его виду было ясно, что он находится в состоянии крайнего недоумения – откуда на восхождении взялся слон и почему с ним разговаривают... Ему растолковали.

Кстати, об этом уполномоченном. Пытаясь выяснить недочеты в работе инструкторского коллектива, он действовал следующим образом. Оказавшись наедине со мной в помещении, где мы совершали утренний туалет, он огорашивал меня вопросом: «Скажите, что Вы думаете о Левине?» Через какое-то время Толя Левин рассказывал, что встретил его около, пардон, туалета и тот расспрашивал его, что он думает о Рыскине. Не знаю, какую информацию он извлекал из подобных распросов и что он с ней делал. Нас эти распросы изрядно забавляли.

Позднее Слон стал доктором наук. Он скончался в 2014-ом году

от легочного заболевания, очень много курил.

Одним из самых ярких альпинистов, с которым я совершил несколько сложных восхождений, и которого я знал с первых лет занятий спортом и до самой его кончины, был Игорь Виноградский, о котором я упоминал выше. Он был всегда бодр и в хорошем расположении духа, эмоционален, остроумен, обладал быстрой реакцией и имел неисчерпаемый запас баек, связанных так или иначе с его профессиональной деятельностью. Одна из них касалась его посещения Архангельска, который в середине 1950-ых годов находился в довольно запущенном виде.

За соседним с Игорем столиком в ресторане сидела, как он выразился, сильно еврейская молодая компания (они, оказалось, были музыкантами московского ансамбля скрипачей) и возмущалась состоянием города: «Деревянные мостовые, непролазная грязь, обшарпанные дома – черт-те что. Городу триста лет, советской власти сорок...» - «А вы представляете, - обратился к ним Игорь, - что было бы, если наоборот?!»

Игорь был большим ценителем и любителем женского пола. Его жена, Рита (в нашем кругу ее звали Ритуля), имела привычку встречать его, когда мы возвращались с гор, причем не в Ленинграде, а в Нальчике или других пунктах поближе к горам. Вид у нее всегда бывал странноватый – какие-то платья, по выражению Мити Хейсина, из крупноячеистой рыболовной сети, была она довольно некрасива. По-видимому, целью ее приезда была доставка Игоря домой. У него был слегка смущенный вид, впрочем, хорошее настроение редко покидало его. Если Ритуля не появлялась, то он в сопровождении какой-нибудь хорошенькой девицы отправлялся в Сухуми или другое злачное место.

Как-то мы с Лерой возвращаясь из Кавголово, поджидали на остановке автобус. Мимо проехала машина, которую вел Игорь. Увидев нас, он остановился. «Вы в Питер?» - «Да». - «Так садитесь, я вас подвезу. Только подождите чуток, я соберу грибы». - «Какие грибы здесь, у дороги?! Что ты можешь тут найти, кроме мусора и бутылок?» - «Вы только подождите немного». И, махнув нам рукой, он нырнул с корзиной в хилый придорожный лесок. Мы сидим в машине, с интересом ждем развития событий. Через пятнадцать минут появляется Игорь с корзиной, полной каких-то поганок. «И ты это будешь есть?!» - «Да вы не беспокойтесь». Он положил корзину в багажник и сел за руль. Развивать тему было бы неделикатно, и так все было ясно – корзина предназначалась Ритуле как демонстрация времяпровождения. Что грибы несъедобные, так он в этом деле не сечет. А уж на что это время было потрачено...

Чувство юмора он умудрился сохранять, буквально, на смертном одре. У него была онкология, уже после нескольких операций и

мучительных процедур врач сказал, что ему надо будет удалять и желчный пузырь. «Доктор, я же юморист-сатирик, это мой профессиональный орган!» - пошутил он.

Посмертно, друзья, в том числе Кашевники, Борис и Лариса, издали его рассказы о восхождениях и людях гор и сборник очень неплохих стихов на ту же тему. Светлая ему память!

Митя Хейсин и сам был нестандартной личностью, и группировались вокруг него такие же, что, впрочем, естественно. Одним из них был Алик Гутман, почему-то иначе, как Беня, его никто не называл. Я ходил с ним немного, сложных восхождений мы с ним не делали. Он, строитель по профессии, с началом перестройки занялся каким-то мелким бизнесом, ездил иногда в Финляндию, имел при себе пистолет на всякий случай. В общем, был фигурой, типичной для тех полукриминальных лет. Налет цинизма у него всегда был; мы с ним особо близки не были, но и никаких конфронтаций не имели. При всем том, он не просто любил рисовать, но относился к этому серьезно до трогательности и картины писал неплохие.

А инструктор Юра Пулинец, славный малый, рассудительный, с замедленной реакцией, типичным украинским говорком, чудак до мозга костей! Большой ребенок, в сущности. В палатке на лагерной базе в Нальчике (позже там был построен дом, но палатки остались – для размещения участников) сидит группа инструкторов, ожидающих, машину в лагерь. Пулинец проверяет, не забыл ли он что-то из документов, перечисляя вслух содержимое обширного бумажника: «Паспорт, удостоверение инструктора, удостоверение члена спасотряда, альпинистская книжка (туда заносятся совершенные восхождения), свидетельство о браке...» - «Слушай, а это-то тебе зачем?!» - «А на всякий случай». Общий хохот.

И Гутман, и Пулинец давно умерли.

Среди памятных досок на одном из камней вблизи Миссес-Коша есть одна, посвященная Сане Соколову. Мы с ним несколько лет работали в одной лаборатории. Нас там было двое альпинистов и, несмотря на разницу лет (я был десятью годами старше) и то, что я был уже инструктором и мастером спорта, а он – просто альпинистом высокого (первого) разряда, общее увлечение роднило нас. На работе было не до посторонних разговоров, но мы иногда улучали возможность потолковать в свободное время. Однажды Саня захотел показать мне шхеры Ладожского озера, которые он изучил вдоль и поперек. На островках этих шхер были вполне приличные скалы, которые пользовались популярностью у альпинистов и горных туристов. Добраться туда, имея лодку, было проще, чем до скал, описанных в начале этой главы. Саня достал лодку, и мы, приехав

Фото 52. Игорь Виноградский (первый справа) и
Алик Гутман (Беня, третий справа) на выставке картин Гутмана.

Фото 53. Тренеры школы инструкторов на утреннем построении,
1974-ый год. Пулинец – седьмой слева.

в пятницу вечером в Приозерск, поехали на один из островов. Когда высадились, уже была ночь, разожгли костер, Саня поджарил бифштексы, открыли пару бутылок вина. Спать не хотелось. На соседнем острове гуляла какая-то туристская компания, от их костров и фейерверков было светло. Мы просидели у тлеющего костра до рассвета, неспешно толкуя о жизни, лабораторных делах, о горах – он собирался побывать в Безенги, а я там был уже старожилом, так что много чего мог поведать ему. Саня был открытым, прямым человеком, с четкой точкой зрения на все, с чем ему приходилось соприкасаться. Наш откровенный разговор этой ночью запомнился мне.

К сожалению, в 1972-ом году Саня и еще один участник сложного восхождения на Гестолу по северной стене, Коронный, не то сорвались сами на ледовом склоне буквально в полусотне метров от вершины, не то кого-то из них сбило прилетевшим сверху куском льда (наверху, под вершиной была еще четверка восходителей, которые могли подрубать ступени) – это так и осталось невыясненным, так же как и то, почему эта двойка не была застрахована ледовым крюком, как-то полагается делать на ледовых восхождениях.

Мастер спорта инструктор Витя Егоров, преданный своему спорту до такой степени, что когда он отдыхал в лагере после восхождения, то не занимался чтением, или сбором грибов, или каким-либо иным «бесполезным» занятием. Он ловил первого попавшегося знакомого или незнакомого участника и учил его вязать альпинистские узлы, либо вел его на близлежащие скалы на противоположной лагерю стороне речки, которая текла из ледника, ведущего к Третьей ступени (так называемая «Скальная лаборатория»), и учил правильно проходить скальный маршрут. Я много раз был свидетелем таких сцен. Каждая минута его жизни была посвящена альпинизму. Вот что вспоминает о нем бывший председатель альпсекции Политеха Ю.Карпов: «Виктор Павлович мог организовать интересную тренировку в любой обстановке, при любой погоде. Лестница в спортклубе, заборы в Сосновке, стены домов – все превращалось им в объекты для тренировки, на всем оказывалось возможным выполнение разнообразных упражнений. Я вспоминаю случай когда Виктора Павловича обманули с выделением зала для тренировок, а пришло более 50-ти человек, все в спортивной форме для зала. В.П. посмотрел на эту толпу и побежал в трусах и тапочках на стадион. Была зима, минус 10 градусов с ветром, только что намело сугробы. Виктор Павлович организовал на стадионе бег по целине и занятия на скамейках стадиона, забитых снегом. Это была одна из самых интересных тренировок, которые я помню». Какими дилетантами в альпинизме даже лучшие из нас казались по сравнению с Витей

Егоровым! В 1967-ом году Виктор погиб при восхождении на высочайшую вершину страны, пик Коммунизма (7495 метров). Группа попала в лавину, он получил несколько несмертельных переломов, но в ходе длительных транспортировочных работ заболел пневмонией, которая на больших высотах быстро осложняется сердечной недостаточностью.

Инструктор Эдик Часов, прямо-таки одержимый стремлением совершать предельно сложные восхождения и делавший их, несмотря на очень плохое зрение, «человек в себе», закрытый, очень немногословный, но доброжелательный и не лишенный чувства юмора. Сидим на бивуаке около палаток, Часов по рации связывается с лагерем. Участники приготовили обед, зовут: «Эдуард Израйлевич, идите есть». - «Спасибо, я на связи». Помолчал. «И вообще во время связи кушать не хочется». Он погиб в автомобильной катострофе в 1998-ом году (кажется, уснул за рулем).

Сколько теней толпятся в моей голове,
Взывая: «Вспомни и обо мне!»

Два сезона в Безенги особо памятны мне. В 1970-ом году я повел четырех участников на первое пятерочное восхождение. Путь к восточной вершине Дых-тау лежал по скалам, окаймлявшим широкий ледово-снежный кулуар протяженностью около километра. Я поочередно выпускал вперед то одного, то другого, дабы дать им возможность научиться работать первыми на сложном маршруте. За день мы от подножья горы (начала кулуара) добрались до площадки под вершиной. До нее оставалось метров пятьдесят, мы поставили палатку и заночевали, предполагая завтра взойти на вершину и спуститься вниз. Рано утром выпили чая (есть не хотелось, позавтракаем, когда вернемся на бивуак) и полезли. Нечистый попутал меня продолжить процесс обучения. И я, вместо того, чтобы пройти этот последний, ответственный участок самому, выпустил вперед одного из участников, который меньше других работал на маршруте. Я выдавал ему веревку, ниже, на другой полочке стоял еще один участник. Итогом моей педагогической деятельности стало то, что шедший первым спустил на меня камешек размером с голову маленького ребенка. Слава богу, это был не прямой удар, который сломал бы мне шею, а косой, проделавший в каске след глубиной несколько миллиметров. Надо сказать, что за некоторое время до того мы с Юшиным выменяли у немцев на отечественные карабины, которые были лучше западных, две альпинистские каски. Юра неделю просидел в лагере, ожидая возвращения с восхождения немецкой группы, чтобы получить их. (советских альпинистских касок тогда не было, нам выдавали строительные, бывшие в наших

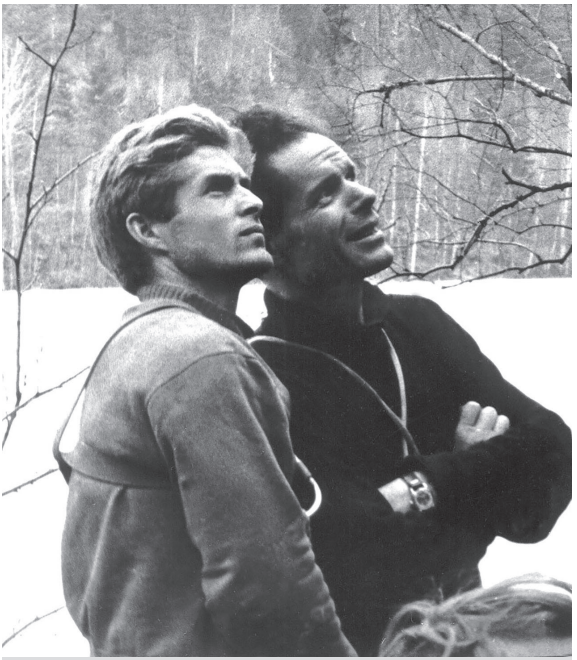

Фото 54. Тренеры альпсекции Политеха В.Г.Старицкий (справа) и В.П.Егоров присматривают место для тренировки

Фото 55. Красавица Дыхтау с юга. Наш маршрут на Восточную вершину (правая) пролегал по скалам вдоль правого края снежного кулуара между Восточной и Главной вершинами.

условиях чистой фикцией). В этой каске я и шел, и она меня спасла – я отделался ушибом мозга, как диагносцировал уже в Ленинграде мой приятель – главный армейский нейрохирург Виталий Хилько, двумя выбитыми зубами и шрамами на роже. Разумеется, я потерял сознание, равно как и стоящий подо мной участник, которого камешек долбанул после меня. Но он отключился буквально на доли секунды (возможно, помогла и орошавшая его моя кровушка) и смог удержать меня от падения. Меня как-то дотащили до палатки. Придя в сознание часа через два, я отправил двоих участников вниз сообщить о происшедшем, к вечеру они могли быть в лагере. Портативных раций, которые можно было бы брать на восхождение, тогда еще не было. Так я встретил свой сороковой день рождения.

На следующий день, рано утром, внизу были слышны голоса, явно шел спасотряд. Но к полудню вновь установилась полная тишина. Утром третьего дня мы услышали шум вертолета, затем он затих, и до конца дня ничего не произошло. К концу этого дня я ясно понял, что спасением утопающих должны заниматься они сами, и сказал ребятам: «Завтра пойдем вниз». И на четвертый день рано утром мы пошли, я - первый, двое страховали меня, потом они спускались ко мне (я пытался их страховать, но, конечно, не удержал бы их в случае срыва) и так далее. Часов через восемь мы были уже в нижней части кулуара. Здесь нас встретило несколько спасателей во главе с моим другом Жорой Аношиным. Он сейчас живет с женой Олей Соустиной во Владикавказе, столице Северной Осетии, он осетин.
Дело пошло лучше, и к вечеру мы спустились почти к Австрийским ночевкам и, немного не доходя до них, заночевали. Там был еще народ, в том числе Туник и Юшин, а на леднике вблизи Австрийских ночевок лежал на боку вертолет.

Выяснилось, что мои посланцы, действительно, к вечеру добрались до лагеря, и ночью спасотряд из шести инструкторов во главе с Тимофеевым вышел наверх. С фонариками они прошли ледник и поднялись к основанию кулуара, переночевали и рано утром пошли вверх. В самом начале маршрута молодой инструктор Игорь Дудченко поскользнулся на ледовом склоне, и, скользя по нему вниз, ударил кошками в лицо одного из двойки инструкторов, стоявших ниже и приготовившихся к движению. Шли по этому некрутому ледовому склону без страховки. Двойка сорвалась от удара Дудченко, пролетела метров сто по склону и, долетев до скал, разбилась. Дудченко, доскользил до большого камня, тот его остановил. Он остался жив, но получил тяжелую травму.

Сообщили в лагерь. Там вызвали из Нальчика вертолет, послали наверх людей. В вертолет погрузили тела погибших, травмированного

Фото 56. Упавший вертолет на леднике.

Дудченко с сопровождающим, кто-то еще сел. Вертолет взлетел, но не мог набрать высоту из-за перегрузки. Зацепился колесами за ледовый бугор и упал. Никто не пострадал, но масштаб бедствий зашкаливал. Когда Кудинову по рации сообщили о падении вертолета, у него прихватило сердце.

Утром пятого дня мы вышли на ледник, Юра встал передо мной и сказал: «Иди за мной след в след». И мы пошли эти восемнадцать километров. Затем был подъем на морену и, наконец, я попал к врачу. Оля Соустина сказала: «Пойди, помойся в душе, потом я тебя зашью». «А может, сначала зашьешь?» - спросил я. «Нет, потом тебе мыться не захочется». Действительно, Туник вымыл меня (сам я был не в состоянии что-либо делать), Оля наложила два шва, меня под руки довели до комнаты, где ждала меня Лера (что она вынесла за эти дни – знает Господь), я лег в кровать и неделю не вставал с нее. Затем вертолетом меня переправили в Минводы, самолетом мы добрались до Москвы (в Ленинград в ближайшие два дня рейсов не было), переночевали у Горевских и полетели домой.

Я получил травму головы на пустой желудок, и непосредственно после нее, пролежал три дня в холоде. По-видимому, это избавило меня от серьезных последствий, и я отделался нарушением сна, которое с годами превратилось в настоящую бессонницу.

Второй памятный сезон пришелся на 1976-ой год. Тимофеев, который должен был ехать со сбором, в последний момент не смог договориться об отпуске на работе, и мне пришлось одному везти девятнадцать человек в лагерь; обычно мы это делали вдвоем. Приехали за неделю до второй смены (иногда так делали), оформились и вышли на ледово-скальные занятия к ледопаду в левом ущелье. Провели скальные занятия в Теплом углу, перебрались на первую ступень, поставили бивуак и основательно позанимались на снегу и льду; мы с Тимофеевым всегда уделяли этой части тренировочного цикла особое внимание – скалолазанием наши трудовские участники занимались и дома. Совершили тренировочное восхождение на пик Панорамный, на следующий день продолжили совершенствование ледовой техники. К двенадцати часам кончили – снизу гонец. Шесть инструкторов в пересменок совершали восхождение с Австрийских ночевок и разбились. Надо поднести их на ледник, чтобы их забрал вертолет, но в лагере никого нет, кроме нас – одна смена кончилась, другая еще не началась. Пошли в лагерь (это часа два ходу), наскоро пообедали, нагрузились носилками и другими необходимыми для спасработ причиндалами (еда, спальные мешки, свое снаряжение) и пошли наверх. К ночи на полусогнутых ногах добрались до Австрийских ночевок. Там уже была построена большая хижина,

ставшая именоваться Джанги-Кош. После рассказанного выше происшествия, перевернувшийся вертолет разобрали и вывозили с помощью вертолета же, который несколько раз прилетал за фрагментами и каждый раз привозил строительный материал. В результате удалось построить вместительную хижину. В ней переночевали, а утром пошли к разбившейся группе.

Как на грех, ряд инструкторов не смог приехать на вторую смену, шестерых уже не было, и я оказался единственным инструктором в своем сборе. Я решил уйти с ним в ущелье Думала, где я буду подальше от глаз начальства. Это ущелье расположено вниз, по течению от лагеря. Надо ехать до колхозной фермы километров пять, перейти через реку Безенги по мосту на противоположный берег, подняться метров двести по крутому склону и далее идти вдоль речки, впадающей в Безенги, затем по хилому мостику пересечь эту речку (на ней как раз под мостиком есть небольшой островок, на него с мостика можно перебраться) и по морене двигаться до ночевок. Весь путь от фермы до них – 15-20 километров. Прямо напротив ночевок – гребень вершин, на которые ведут маршруты от двойки до пятерки А. Переходишь простой ледник метров сто шириной и оказываешься под маршрутом. Все маршруты на виду, наблюдать удобно, что в данной ситуации, когда я один нструктор на 19 человек, весьма кстати.

Лагерная машина довезла нас до фермы, было условлено что через 10 дней она вернется за нами к 16.00. Мы благополучно добрались до ночевок, поставили лагерь и на следующий день начали восхождения. Я сначала сидел на ночевке и наблюдал в бинокль за группами на маршрутах, потом с несколькими наиболее сильными участниками совершил пятерочное А восхождение и четверку Б. Прошло восемь дней, план выхода был выполнен, надо было трогаться домой. С утра стояла ясная погода. Выход я назначил на восемь часов утра. Часов в семь ко мне подошли двое участников, сказали, что они уже собрались, и нельзя ли им выйти пораньше, чтобы спокойным темпом дойти до фермы. Что же, дорога известная, погода хорошая, их двое, я разрешил им выход. Потом подошло еше трое с такой же просьбой, я опять согласился. Короче, я отпустил таким образом девять человек, и во главе группы из десяти оставшихся в восемь утра покинул ночевку. Как это бывает в горах, через пол-часа после выхода погода начала резко портиться и еще через пол-часа начался настоящий ураган. Низвергающиеся сверху потоки воды, пронизывающий ветер, видимость метров десять – ужас. Мне было не до того, чтобы разыскивать вышедших ранее, этих десятерых довести бы до фермы. Единственное, что я увидел в каком-то разрыве окутывавшей нас

пелены дождя была фигура Коли Чекрыгина, который решительным шагом шел по островку в сторону от мостика, т.е. шел в никуда. Но опять все заволокло, Коля исчез из видимости, да я и не мог ничего сделать: непогода неистовствала так, что он меня бы не услышал.

Дошли до фермы к пяти часам, там уже стоит машина. Я велел участникам переодеться в сухое (если есть) и ехать в лагерь. Я же остаюсь на ферме и буду собирать остатки отряда, а машина пусть приедет завтра к двенадцати часам. Непогода начала стихать, но дождь продолжался. Ясно, что сегодня я сделать ничего не могу, надо ждать завтрашнего утра. С фермы в селение уходила пара балкарцев, которые там работали, они мне дали кружку айрана (местная разновидность кефира) и ломоть хлеба, я поужинал и лег на сено в углу. Не спал, мысли в голове бродили нехорошие. Еще затемно, часа в три поднялся и с фонариком отправился вверх. Перешел мост, поднялся по склону к началу тропы. Начало светать, но понятно, что до того, как будет хорошая видимость, поиски бесполезны. Вернулся на ферму, стал ждать. В восемь утра снова вышел поднялся на тропу, прошел метров пятьсот и увидел всю группу, девять человек. Они сообщили, что им удалось собраться, отыскали нишу в скалах и там решили переждать непогоду. Я их особо не расспрашивал, нашлись и ладно. Пришли на ферму, дождались машины и поехали домой.

По возвращении мне Кудинов додал еще шестерых участников, т.е. сформировал полноценный отряд, в котором инструктором был я один. Стал планировать следующий выход. Я решил с трудовским сбором пойти на 3900 и оттуда совершать восхождения, а приданную группу пустить по маршруту четыре Б на пик Панорамный. Этот маршрут делается с первой ступени ледопада, а спуск с вершины как раз к ночевке 3900, так что к концу выхода отряд должен был собраться на этой ночевке и вернуться в лагерь. Они уже прошли тренировку на скалах и льду и совершили тренировочное восхождения во время нашего думалинского выезда. Все же я провел с ними дополнительные скальные занятия, просто чтобы познакомиться с ними и посмотреть, чего они стоят.

Зря я, конечно, разъединил отряд, надо было держать всех под присмотром, раз уж я один.

Хотя погода продолжала не баловать, мы совершили почти все запланированные восхождения на 3900, но в намеченный срок группа, которая должна была прийти через пик Панорамный, не появилась, а я получил радиограмму с приказанием немедленно вернуться в лагерь. Я уже чувствовал, что дело плохо. Мы немедленно снялись с бивуака и направились в лагерь, но темнота застала нас на середине ледопада. Мы поставили палатки в безопасном месте, всю ночь я

не сомкнул глаз, слушая ночную жизнь гор – вздыхания ледопада (подвижки ледовых масс) и удары сорвавшихся со склонов камней. С рассветом двинулись в лагерь. У входа в него меня встретил кто-то из инструкторов и рассказал о происшедшем. В самом начале подъема группы на пик Панорамный, когда еще они шли без страховки, один из участников подскользнулся, покатился вниз по склону и разбился насмерть. Я вошел в дом, мой многолетний друг – лагерный радист Юра Волков встретил меня в коридоре, отвел к себе в радиорубку и налил полный стакан водки – «Выпей, полегчает». Я опрокинул стакан в себя, действительно, отпустило. Пошел в свою комнату, переоделся и стал писать объяснение.

Несколько ранее, у ленинградского инструктора, очень уважаемого мной Сани Колчина, произошел несчастный случай, кончившийся смертью двух человек. Девять трупов за сезон – такого в Безенги еще не было! Приехала комиссия из Федерации, опросили всех, кого надо, составили протокол.

Настроение у меня к концу смены было подавленное. Сказывалась непомерная нагрузка этого сезона, жаль было погибшего парня, угнетало чувство собственной вины; конечно, я был поставлен в тяжелое положение, но тем более надо было быть осмотрительнее. Да и от Федерации при всем том, что случилось в этом году, ничего хорошего ждать не приходилось. Свой брат-инструктор понимал мое состояние – в нем мог оказаться любой из них, а некоторые и побывали. Даже Саратов, встретившись со мной, сочувственно промолвил: «Куда податься бедному еврею...» Спасибо Кудинову. У меня на сборе была участница, которой нужно было руководство восхождением 3А категории для того, чтобы закрыть выполнение норм первого разряда. Игорь в последние дни смены выпустил человек восемь со мной в качестве наблюдателя для совершения восхождения на Каргашильском хребте по ту сторону Безенгийского ледника. Вообще-то он не должен был этого делать, я был «подследственный» (в спортивном смысле), но разрешил мое участие. Выход был простым, но он отчасти снял стресс.

В 1975-ом году я впервые встретил своеобразную парочку инструкторов. Они приезжали в лагерь начиная с 1969-го года, но мы работали в разные смены, к тому же я за это время дважды не был в горах, один год выезжал на Тянь-Шань, в общем мы не пересекались. Целовахин – молодой человек, закрытый, высокомерный, с явными комплексами, и его супруга лет на пятнадцать старше, уведшая его от первой жены. Старший инструктор, бойкая, всезнающая, старающаяся со всеми установить дружеские отношения, что далеко не всегда у нее получалось. Мы ее звали мадам Целовахина. После

отъезда комиссии подсаживается она за мой столик в столовой и заводит следующий разговор. После такого сезона Кудинова, считай, нет, надо подумать о новом начуче. Этот не подходит потому-то, тот потому-то и т.д. Как-то в итоге получается, что кроме нее некому поднять упавшее знамя. Может быть, Игорь Кудинов был не идеал начуча, но мадам Целовахина – это гаси свет! Я спрашиваю: «А Тимофеев?» У нее глаза забегали, действительно – старожил, ничем не запятнан (те два трупа на него не вешали, сорвались, бывает… такой спорт), опытен, авторитетен. «Да, – говорит, – Тимофеев – это проблема». Так и сказанула, что стесняться – я для нее фигура, снятая с доски, но поговорить со мной не лишнее, я в инструкторской среде личность популярная. На том и кончили. Приехал я домой, написал откровенно Кудинову и Рахаеву. Игорь, видимо, нажал на все кнопки в Федерации. Отделались пустяками: Кудинову – выговор, Колчину и мне – запрет на работу командирами отрядов в течение двух лет. Ну, это мы переживем.

Больше эта парочка в лагере не появлялась.

Должен сказать, что это был единственный случай гибели участника за мою почти тридцатилетнюю инструкторскую карьеру.

Я провел в Безенги в общей сложности пятнадцать сезонов, из них тринадцать в качестве инструктора.

При мне дважды в лагере возникал «национальный вопрос». Один раз когда в конце шестидесятых годов в лагерь приехала группа московских альпинистов во главе с Владимиром Шатаевым, спортивным деятелем, видным человеком в Федерации альпинизма. Он позволил себе какую-то ремарку с антисемитским душком и вынужден был объяснять инструкторам, что его «не так поняли». Он и до этого пришелся не очень-то ко двору в коллективе, а после этого инцендента с ним мало кто общался кроме как по делу. В группе москвичей была и его жена Эльвира, которая стала инициатором «женского альпинизма». После успешных восхождений на Ушбу и пик Евгении Корженевской возглавляемая ей группа из восьми спортсменок в 1974-ом году погибла во время спуска с пика Ленина при ужасающей непогоде. На этом женский альпинизм в СССР закончился. Помимо непогоды свою роль сыграла и паника, возникшая в группе в этой тяжелейшей ситуации. Но было бы неправильно связывать ее с чисто женским составом – при аналогичных обстоятельствах на пике Победы в 1955-ом году погибла мужская команда, состоявшая из шестнадцати сильных спортсменов; чудом спасся один Урал Усенов.

В лагерь часто приезжали сборы, как правило, они быстро

вливались в коллектив. Шатаевский сбор был исключением – эти держались особняком.

Второй случай заключался в том, что приехавшая в лагерь группа львовян повесила над одной из палаток, в которых они жили, украинский флаг. Рахаев потребовал его убрать, те встали на дыбы. Нескольким авторитетным инструкторам удалось после долгих разговоров убедить ребят, что выходка эта нелепа – спорт интернационален, и не вывешиваают же присутствующие в лагере иностранные группы флаги своих стран. Этот довод подействовал, и они неохотно, но согласились флаг снять.

В 1977-ом году, прервав безенгийскую эпопею, мы, группа в составе шестнадцати ленинградцев отправилась на Памир, чтобы совершать высотные восхождения в Горно-Бадахшанской области Таджикистана. От Душанбе мы добирались туда двумя машинами – было много снаряжения, и – обязательный ритуал – перед отъездом заехали к одному из шоферов, посидеть, поесть плов, выпить чая. Плов был великолепный, выпили зеленого чая, разговорились. У шофера, нашего хозяина, было десять человек детей, у второго шофера, помоложе было пять (пока). Мы сложились всем коллективом, набралось семь или восемь.

Мы ехали два дня, причем второй день – вдоль берега реки Пяндж, по ту сторону реки лежал Афганистан. Именно в этих местах проникали после установления советской власти банды басмачей из Афганистана. Это были те же таджики, бежавшие от чуждой им новой власти; их поддерживала немалая часть оставшихся по эту сторону Пянжда соотечественников. Справиться с этим движением удалось только к середине тридцатых годов, но отдельные эксцессы продолжались до начала сороковых.

На первом же тренировочном выходе меня прихватила язва желудка. Я был вынужден покинуть товарищей и вернуться в домой. Так что альпинизма в тот год не получилось, но впечатлений от поездки я получил немало. Прежде всего – от арыков. Среди каменистых склонов гор по обе стороны реки редко, но попадаются покрытые слоем почвы долины, по склонам которых стекают в Пяндж небольшие горные речки. Вдоль них на протяжении нескольких сот метров вверх вырыты зигзагообразные канавы – арыки, в которые ответвляется часть потока воды. «Плечо» такого зигзага зависит от ширины почвенного склона, но это десятки метров, иногда больше. Вот на этой орошаемой площади и можно что-то посадить. Эта картина прямо дышит историей – сколько поколений прокладывало эти арыки вверх против течения для того, чтобы использовать весь склон! В горах вода – это жизнь.

Эта картина одинакова по обе стороны реки, но на афганской стороне внизу стоят два-три-четыре дома, сколько человек и может прокормить этот склон. На противоположном берегу у основания примерно такого же орошаемого склона – большой колхоз со школой, медпунктом или больницей, с магазином. В нем по крайней мере десятки домов, а иногда много больше.

Мы проезжали мимо центрального городка афганской стороны – в основном, одно- и двухэтажные дома, где-то в центре видны несколько трехэтажных (видимо, административных) зданий. В столице Горного Бадахшана Хороге – десятки четырехэтажных домов. В этом месте долина расширяется, и он лежит на некотором расстоянии от Пянджа, мы мимо не проезжали, и я попал туда, когда уезжал. Об этом дальше.

Населенная долина в Горно-Бадахшане лежит на высоте примерно 2500 метров, чуть меньше, чуть больше. Единственная дорога, по которой ходят машины, проходит с обеих сторон через перевалы, которые открыты для движения два-два с половиной месяца в году, в остальное время они завалены снегом. И вот эти в месяцы через перевалы непрерывно текут два потока машин, которые завозят продовольствие и все необходимое для того, чтобы содержать остальное время года всю эту прорву народа. При этом Таджикистан в целом был дотационным районом Союза, кроме хлопка, он практически ничего коммерчески выгодного поставлять не мог, да и основным производителем хлопка был Узбекистан (именно с ним было связано знаменитое «хлопковое дело», которым занимались Гдлян и Иванов в период перестройки).

После войны, когда бессмысленность всей этой сталинской уравниловки на огромной территории СССР вне зависимости от реальных географических условий, быта, нравов и т.д. стала очевидной, дважды предпринимались попытки переселить население этой области в основной Таджикистан, но они не удались по чисто медицинской причине. У жителей этого высокогорного района содержание гемоглобина в крови было существенно выше, нежели у жителей равнины, они просто не могли на ней адаптироваться – смертность была ужасающая. Сделать с этим ничего было нельзя, и их пришлось вернуть в родные места. Коровы в тех местах величиной со среднерусскую козу, сливы, в изобилии растущие на деревьях, с большую виноградину. В общем, жизнь на высоте откладывает на все свой отпечаток.

С советской стороны – автомобильная дорога, с афганской – узкая тропа, прорубленная в скалах, на ней нечастые путники с ослами, нагруженными мешками. Все это живо вспомнилось мне в 1979-ом

году, когда нам позарез понадобилось вмешаться в гражданскую войну в Афганистане.

Обратная дорога не обошлась без приключений. Спустившись рано утром из ущелья, в котором был наш базовый лагерь, к Пянджу (там была погранзастава), я на машине пограничников в тот же день попал в Хорог. Там я пообедал в ресторане супом с тушенкой, макаронами с тушенкой, кажется, и компот был с привкусом тушенки, и отправился в аэропорт, где увидел толпу таджиков, намеревающихся добраться до Душанбе. Тут я узнал, что регулярных рейсов нет, и когда прилетит самолет неизвестно. Билетов, естественно, не продают, да и что с них толку. Ситуация становилась драматический, язва чувствовалась все сильнее. На мое счастье, внезапно прилетел военный самолет, доставивший генерала со свитой, инспектировать пограничную зону, а обратно он увозил офицеров-пограничников в отпуск. Когда их уже посадили, я, поняв, что это мой последний шанс выбраться отсюда, с воплем: «Пустите русского человека!» прорвался через толпу таджиков, понуро стоящих около самолета, надеясь на чудо, подошел к летчикам, стоящим около трапа, и объяснил свою ситуацию. Меня посадили. Я вскоре оказался в Душанбе, откуда через два часа улетал самолет в Ленинград. На следующее утро я был дома.

Кстати о генеральской инспекции. Граница, которую нам показывали в кинофильмах и о которой писали в книжках (вспаханная полоса, колючая проволока и прочее), тянулась вдоль Пянджа по обе стороны от развилки на Хорог километров на десять в обе стороны (вероятно, генералы дальше не ездили), а после – только вышки с прожекторами через несколько сотен метров.

Сезон в тех местах закончился драматически. Кроме нашей группы, в том же ущелье совершала восхождения еще одна сильная группа ленинградцев. Ее руководитель, председатель городской федерации альпинизма Гурий Чуновкин получил тяжелую травму ноги, находясь на сложном маршруте и на большой высоте, так что спасработы были трудными, и в них были вовлечены все находившиеся в ущелье альпинисты.

В 1980-ые годы я впервые попал в Фанские горы – это предместья Памира. От лагеря «Артуч» идешь вверх по крутой тропе и выходишь на плато, на котором расположены Куликолонские озера, голубые или зеленые в зависимости от погоды, окруженные реликтовыми арчовыми рощами на склонах гор – красота немыслимая. Через крутой перевал – Алаудинское ущелье тоже с озерами. В этом ущельи расположены наиболее интересные альпинистские маршруты. Иногда мы базировались на Куликолонских озерах и совершали

отдельные выходы через перевал, иногда же машина окружным путем доставляла нас с запасом продовольствия и снаряжения на три недели в низовья Алаудиннского ущелья, а дальше мы челноками переносили груз в лагерь около большого Алаудинскского озера. По окончании выхода машина доставляла нас в лагерь.

Маршруты в основном скальные, найти место для занятий на ледовых или снежных занятий – проблема. Один раз мы вывезли в Фаны трудовской сбор под руководством Андрея Тимофеева; после его отстранения я несколько лет возил сбор через год в Фаны и Безенги, что давало участникам возможность совершенствовать как скальную, так и снежно-ледовую технику.

Не буду подробно останавливаться на эпопее Фанских гор, расскажу о двух эпизодах. Один – наше с Андреем восхождение на вершину Мария в Куликолонском ущелье по маршруту 5А категории трудности. С нами было двое участников, один из них упоминавшийся Игорь Потанькин, хороший скалолаз. Мы переночевали под маршрутом и с утра работали на сложной скальной стене, которую обрабатывал Игорь. К середине дня преодолели две трети стены и пришли на ночевку, где уже была другая группа нашего сбора, шедшая на Марию по троечному маршруту. Погода портилась, и когда мы часа в четыре поднялись и увидели признаки наступающей непогоды, я засомневался, стоит ли толпой в 10 человек переться на вершину в такую погоду. Но Тимофеев решительно сказал: «Ерунда, надо идти», и мы тронулись. Действительно, постепенно развиднелось, маршрут был довольно простой, лишь в одном месте пришлось навешивать перила. Часа в четыре пополудня мы снова были на ночевке. Спуск в ущелье по троечному маршруту был длинный, а там до лагеря еще километра четыре-пять, можно было до сумерек и не успеть. Тем не менее мы пошли и, когда оказались на последнем осыпном склоне (до низу было еще сотни метров), мы с Андреем отпустили молодежь, чтобы она побыстрее добежала до лагеря. А мы по-стариковски как-нибудь добредем до него. Надо сказать, что у меня была сильно потерта нога, а у Андрея растянуто сухожилие. Когда мы спустились в ущелье уже наступили сумерки, и мы, два стапера за 50, хромая побрели с фонариками по едва заметной тропе в легколесьи, охая и подбодряя друг друга. Где-то метров за семьсот от лагеря нас встретили вышедшие навстречу участники, принесли суп и чай в теромосах, отобрали рюкзаки, помогли перебраться через речку.

Второй эпизод связан с землетрясенем, эпицентр которого находился в сотне километров от Фан, и амлитуда его была 3-4 балла. Ранним утром я, поднявшись раньше всех, сидел в одних трусах

на арчовом бревне у берега озера и наслаждался видом, покоем, теплом. Метрах в двадцати передо мной высовывались из воды два здоровых камня, расстояние между ними было метров десять. Вдруг бревно затряслось. Будучи уверен, что это кто-то из участников позволяет себе шутить над командиром отряда, я, не оборачиваясь, прикрикнул: «Эй, вы там, а ну прекратите эти дурацкие шутки!» В этот момент я увидел что камни в воде медленно сдвинулись друг к другу на несколько метров. а потом так же неторопливо вернулись на свои места. Только тут я понял, что пережил землетрясение.

Не дай бог во время такого катаклизма оказаться на горе. Группа альпинистов московского «Труда», совершавшая в 1963-ем году восхождение на Восточный Домбай 5Б категории трудности и находившаяся на ночевке в непосредственной близости от вершины, попала под скальный обвал – следствие землетрясения. В результате обвала данный маршрут просто перестал существовать, он был снесен. Один из спортсменов был убит, а трое получили сильнейшие травмы. История спасения пострадавших составляет славную страницу советского альпинизма.

В Фанах я совершил свое последнее пятерочное восхождение (на Бодхану) в 1989-ом году, было мне при этом 59 лет. Более чем скромное достижение по сравнению с восхождением восьмидесятилетнего Юичиро Миура на Эверест в 2013-ом году в сопровождении сына. Но то японец, а они особые люди. Например, до 1974-го года офицер Хироо Онода с тремя подчиненными вел на Филиппинах партизанскую борьбу (!), считая, что Япония продолжает воевать; скрываясь в джунглях, он нападал на филиппинских военных и полицейских, совершал диверсии против американской базы, расположенной на острове, перебил и ранил кучу народа. Сдался он только получив письменный приказ своего бывшего командира, давно покинувшего службу. И такой «оригинал» был не один, так что японским правительством была создана специальная комиссия по спасению соотечественников, оставшихся за рубежом и продолжавших воевать.

У Козьмы Пруткова имеется высказывание: «Три вещи, единожды начавши, трудно кончить – вкушать хорошую пищу, беседовать с возвратившимся из далекого путешествия другом и чесать, где чешется». Для меня есть четвертая – вспоминать о горах и обо всем, что с ними связано. Они занимали месяц моего отпуска, но составляли значимую часть моей жизни. Но вернусь к работе.

Глава 5
Аспирантура

Мои сокурсники-соплеменники начали постепенно возвращаться в Ленинград и устраиваться на работу; некоторые остались учителями, но тоже перебрались поближе к альма-матер. Начал пытаться вернуться в науку и я. Мной владела дурацкая идея, что неловко обращаться к кому-то с просьбой о работе до того, как тебе отказали в предыдущем обращении. Идиотизм, конечно, и я потерял на нем немало времени. Много куда стучался с нулевым результатом; врачей выпустили но... Наконец, отец, видевший эти бесплодные усилия, стал искать свои связи, и в 1956 году меня согласилась взять в аспирантуру М.В. Савостьянова из лаборатории академика А.Н. Теренина в ГОИ, естественно, мой прием был согласован с отделом кадров. Поступление на работу в качестве сотрудника – постоянного работника вообще было малореальным делом, а для института, относящегося к оборонному ведомству, каковым был ГОИ – просто невозможным, и аспирантура была для меня единственным способом трудоустройства в нем.

Я познакомился с Савостьяновой и Терениным. Это были пожилые люди (Теренину было шестьдесят, Савостьянова была тех же лет, возможно, постарше), то, что они мне говорили о предстоящей работе с органическими красителями, не слишком меня привлекало. Да и вся обстановка в лаборатории Теренина показалась мне чрезмерно спокойной, на заводе я привык к более активной среде. Поэтому я стал ходить по разным лабораториям отдела спектроскопии, в который мне хотелось попасть, и куда (и только туда) я получил, как будущий аспирант, временный пропуск. Так я попал в лабораторию спектроскопии конденсированного состояния. Ее до своей смерти в 1951-ом году возглавлял С.И. Вавилов, а в то время ее начальником был Б.Я. Свешников, не очень выразительный человек. Там я встретил трех ярких людей примерно одного возраста – лет сорока, которые впоследствии сыграли немалую роль в моей научной жизни - П.П. Феофилова, Н.А. Толстого и А.М. Бонч-Бруевича. Сейчас я расскажу об одном из них, согласившимся взять меня в аспирантуру – Никите Алексеевиче Толстом (о двух других далее).

Он был сыном писателя Алексея Толстого и жил в двухэтажной квартире в элитном доме на берегу Карповки около Кировского проспекта. Он унаследовал от отца уверенность в себе и своей правоте (несущественно - действительной или мнимой), эгоцентризм, широту натуры, обаяние, артистичность и владение языками

Фото 57. Три человека, которых я увидел в лаборатории Б.Я. Свешникова – А.М. Бонч-Бруевич (первый слева), Н.А. Толстой (второй слева) и П.П. Феофилов (первый справа). Четвертый – Б.С. Непорент (о нем дальше). Здесь они сняты на конференции в Вильнюсе в 1955-ом году.

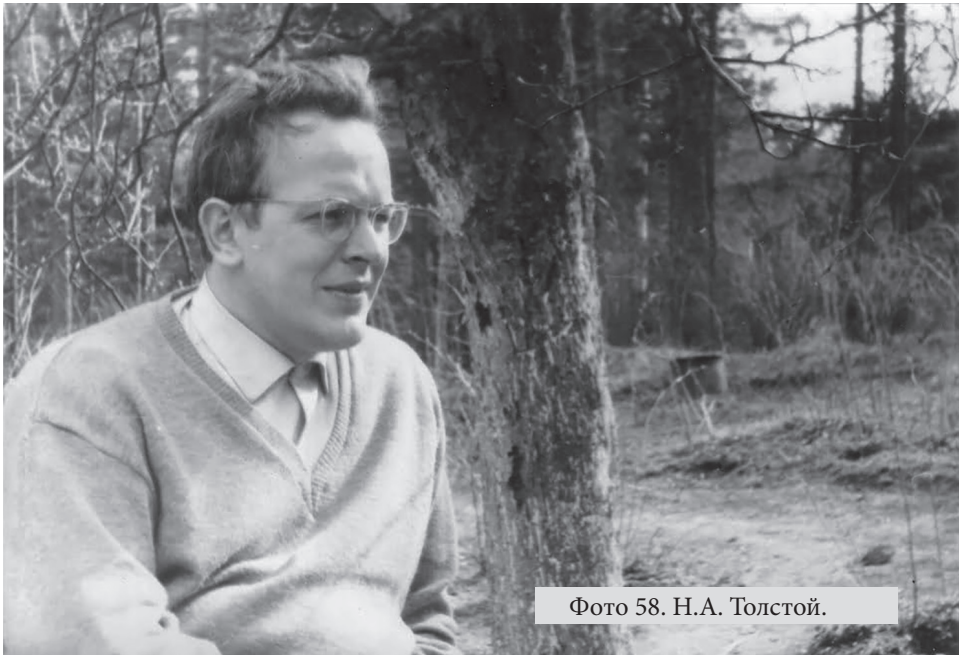

Фото 58. Н.А. Толстой.

(английским, французским, немецким, отчасти итальянским). В целом, он был, безусловно, харизматической личностью. До войны он окончил физический факультет и аспирантуру Ленинградского университета, значительный отрезок времени во время блокады работал в Военно-инженерной академии и с 1945-го года был сотрудником ГОИ. По свойствам характера, он тяготел к лекционной работе и много лет совместительствовал в вузах – ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики), университете, а в то время, о котором идет речь, в ЛТИ. Лектор он был хороший, хотя свойственное ему стремление к выразительности имело следствием определенную гиперболизацию и избыточную литературность. Кто-то рассказывал мне, что проходя мимо Большой физической аудитории, он слышал громкий голос Никиты: «Представьте себе, что вы выиграли в лотерею двадцать тысяч «москвичей»…» Слушать его, во всяком случае, было интересно, запас анекдотов в его репертуаре был, кажется, неисчерпаем и рассказывал он их к месту.

Физику он знал хорошо, был человек с выдумкой и идеями, иногда разумными, иногда фантастическими. Мне он по первому знакомству понравился, то что он рассказывал о работе своей группы, было интересно, и я нацелился идти к нему. М.В. Савостьянова, естественно, была в претензии, но кадрам было безразлично, и с января 1957 я стал аспирантом Н.А. Толстого. Предложенная тема показалась мне достаточно серьезной, метод ее решения – несколько странным, но реальным в исполнении, и я энергично взялся за изучение физики твердого тела (в университете я занимался газовым разрядом) и подготовку экспериментов. В частности, я стал налаживать рост кристаллов, которые надо было исследовать, в ЛТИ, и начал обустраивать эксперимент в ГОИ. Эксперимент состоял в том, чтобы коротко прерывать пучок света выстрелами из духового ружья, зажатого в тиски – затея оригинальная, хотя экзотичная. Но я воспринял это предложение нормально, ружье было приобретено, и, спустя некоторое время, я начал стрелять. Помню, в разгар этой огнестрельной деятельности в нашу комнату вошел А.М. Бонч-Бруевич и раздраженно спросил, оглядев висевшую на стене напротив ружья доску, которая напоминала мишень тира: «Алик, когда кончится эта пальба?! У меня установка вздрагивает». Я поглядел на него и сделал очередной (ненужный) выстрел. Он повернулся и молча вышел. Предъявить претензии Никите он не мог - тот, через несколько месяцев после моего появления в лаборатории уехал на семь месяцев на Всемирную выставку в Брюсселе, на которой был советский павильон. Он должен был демонстрировать свой прибор под названием «тауметр», который предназначался для

изучения кинетики быстропротекающих процессов люминесценции. За этот прибор он, вместе с П.П. Феофиловым, получил в 1949 году Сталинскую премию.

Общая идея, лежащая в основе прибора, принадлежала им, конкретное техническое решение – приятелю Никиты В.Л. Крейцеру из Телевизионного института (его в списке лауреатов не было), советами помогал и Бонч-Бруевич. Прибор был, как и многое другое, исходящее от Никиты, остроумен, эффектен и ко времени, о котором идет речь, бесполезен, поскольку его мог заменить хороший осциллограф с кое-каким прикладом. Справедливости ради, надо сказать, что в момент присуждения премии таких осциллографов в стране, пожалуй, не было. Изготовленный в единственном экземпляре, прибор некоторое время пропутешествовал по выставкам, затем он стоял в нашей комнате. Кажется, с его участием были проведены один или два эксперимента, и его история на этом закончилась.

Лауреатство вообще, оказалось, долгоиграющим бонусом. Както я ехал с Никитой в его машине, и за нарушение его остановил патрульный и попросил предъявить права. Никита вытащил из большого бумажника объемистую пачку документов, и попросил инспектора найти среди них права. Сверху лежал лауреатский диплом, далее еще какие-то важные свидетельства. В общем, когда тот добрался до прав, разговор принял другую тональность. Зная Никиту, уверен, что это был не случай, а система.

Сын А.М. Бонч-Бруевича Витя был женат на младшей дочери Толстого Шурочке. Он рассказал мне следующую историю, связанную с пресловутым дипломом. «Однажды, когда мы с Шурой еще не были женаты, я пришел на Карповку, и мы с ней решили сходить в кино - в Дом Культуры Промкооперации поблизости. Время и фильм были таковы, что билетов в кассе могло и не быть. Расположенный к нам Никита Алексеевич предложил мне взять его лауреатский диплом, сунуть в окошко администратора и попросить два билета, если их нет в кассе. Так оно и оказалось, и я воспользовался его планом. Администраторша была в своем закутке не одна. Сунутый туда диплом буквально произвел эффект неразорвавшейся бомбы! В закутке случилась истерическая паника, видимо, не давшая возможности присутствовавшим там служащим толком прочесть, что в дипломе написано. «Толстиков!! Это сын Толстикова!! Ему нужны 2 билета!!» - послышались из каморки сдавленные звуки, и билеты были нам немедленно выданы» (В.С. Толстиков - первый секретарь Ленинградского обкома КПСС в 1962-1970 гг.).

Помимо научной работы, которая должна была закончиться написанием диссертации, аспиранты должны были сдавать экзамены

по физике и философии; по сути этот был тот же марксизм-ленинизм, который обрыд всем нам еще в ВУЗе. При этом мы должны были посещать семинары, которые проводил странноватый малый средних лет, которому, казалось, были эти занятия так же интересны, как и нам. Из человек пятнадцати-двадцати аспирантов исключение составляла лишь некая Инна Михайловна Белоусова, партийная молодая девица, которая, что называется, душу вкладывала в свои выступления. На очередном семинаре незадолго до экзамена, заговорив о нем, наш ментор огорошил нас вопросом: «Где будем отмечать?» После минутного замешательства кто-то из присутствующих предложил: «Ресторан «Кавказский» подойдет?» – «Годится, – ответствовал этот малый, – а я приглашу в качестве второго члена приемной комиссии своего приятеля, доктора наук, все будет нормально». Экзамен, действительно, был чистой формальностью, доктор наук с физиономией бывалого эпикурейца ни во что не вмешивался, все получили высший бал... кроме Белоусовой, которой комиссия влепила трояк. Расстроенная Инна Михайловна в «Кавказский» не пришла. Эпикуреец после на-славу трапезы и обильного возлияния заснул за столом, а наш преподователь, тоже хорошо поддавший, объяснял нам: «Я почему ей трояк поставил? Выступает, понимаешь, со слезой в голосе, как будто ей больше других надо. Не терплю таких».

К возвращению Никиты я более-менее подготовил экспериментальные данные, но с обоснованием предложенной теории дело шло туго, и мы с ним некоторое время пытались подвести под него какую-то базу. В это время я часто бывал в его доме, иногда разделял трапезу, и познакомился с его семьей. Его жена Наталья Михайловна была милейшей женщиной, живой, веселой, но, казалось, несколько не от мира сего. У них было семеро детей, старшего – Мишу я впоследствии хорошо знал и даже какое-то время работал вместе с ним. Далее шли пять дочерей, две из них Татьяна и Наталья стали писательницами, продолжив семейную традицию. Наталья умерла, о Татьяне я ничего не знаю. Миша сейчас проживает в США.

Наталья Михайловна была дочкой известного переводчика Лозинского. Она была на четверть еврейка, соответственно, их дети на одну восьмую, и Никита сокрушался отсутствием восьмого ребенка, что позволило бы ему утверждать, что он произвел на свет еврея.

Пробыв в Ленинграде какое-то время, он укатил на длительный срок на Гавайские острова, не помню по какому поводу. В период его отсутствия должна была состояться Всесоюзная конференция по люминесценции в Одессе. Мы заявили на нее доклад по работе, но, ознакомившись с программой, я обнаружил, что практически на ту

же тему заявлены еще два доклада: один – известного физика-полупроводникиста С.М. Рывкина из ФТИ и его сотрудника Парицкого, второй – вице-президента Украинской Академи Наук Лашкарева и Шейнкмана, который еще раз появится в моем рассказе. Доклады должны были состояться в первый день работы конференции. Интерпретация сходных экспериментальных результатов всех трех работ оказалась, судя по тезисам, совершенно различной. По приезде в Одессу выяснилось, что Рывкина и Лашкарева на конференции не будет, и докладчиками будем мы – Лева Парицкий, Миша Шейнкман и я. Молодые люди примерно одного возраста (двадцати шести - двадцати восьми лет), мы познакомились, быстро сошлись и, взявши пару бутылок вина, сели в холле гостиницы обсуждать, что нам делать в сложившейся ситуации. Длительное обсуждение к решению проблемы не привело, но в ходе его всем стало совершенно ясно, что правильная интерпретация содержится в работе Парицкого, а то, что собирались докладывать Шейнкман и я – липа. Тем не менее, расстались мы дружески. Когда подошло время делать доклады, то Парицкий и Шейнкман рассказали свои работы так, как если бы состоявшегося накануне разговора вообще не было, а я, изложив как эксперимент, так и его толкование, сказал, что, по-видимому, наша интерпретация результатов опыта ошибочна, и правильной является предложенная в докладе Рывкина-Парицкого. Проблема, о которой шла речь, была не столь уж существенной, и особого внимания эта коллизия не привлекла.

Возвратившись домой, я отчетливо понимал, что диссертацию не напишу, и что мне делать в этой ситуации не больно-то представлял. Вернувшийся к тому времени из своего вояжа Никита, когда я проинформировал его по телефону о происшедших событиях, буквально осатанел, и стал поносить меня. По его словам я проявил бесхарактерность, не защищая своей позиции, выставил его в дурном свете, подвел лабораторию и т.д. Я тоже «завелся», но не стал вступать в бессмысленную дискуссию, поскольку о выяснении истины речь не шла. Наши отношения были радикально нарушены. У меня оставалось несколько месяцев до окончания трехлетнего срока аспирантуры, что делать было непонятно.

Я не нашел ничего умнее, как начать изучать радиодело, которое было моим слабым местом. С помощью лабораторного радиомеханика-фронтовика, выпивохи и бабника, я начал собирать, как ее называл Никита, колхозную радиостанцию. Разумеется. затея была нелепая, но в запале чего не сделаешь. С Никитой я практически не общался, что было ему не очень-то приятно (должен сказать, что когда начальник третирует подчиненного, это крайне

неприятно для последнего, но обратная ситуация много хуже). К тому же, лабораторная общественность начала осуждать Никиту, который дал аспиранту сомнительную тему и практически бросил его на произвол судьбы, а сейчас его же и поносит, не заботясь о его будущей судьбе. Не по-людски это. Некоторые прямо так ему и говорили. Никита был весьма чувствителен к отношению окружающих, поэтому, нацепив свой лауреатский значок, отправился на ГОМЗ и уговорил дирекцию дать мне вольную, а затем устроил меня сотрудником к упомянутому выше В.Л. Крейцеру, который только что перешел из Телевизионного института во ФТИ. Я на три года осел во ФТИ (1960-1963 гг.).

Глава 6
Физико-технический институт

Институт возглавлял академик Б.П. Константинов. Этот физик в молодые годы защитил докторскую диссертацию по теории музыкальных инструментов, четырнадцать лет заведовал лабораторией ФТИ, одновременно преподавал в ряде вузов, сделал ряд выдающихся работ по разделению изотопов для термоядерной промышленности, стал академиком и, когда умер Комар, который возглавлял ФТИ после ухода (или изгнания) выдающегося ученого Абрама Федоровича Иоффе, был назначен директором. Как руководить этим большим и славным заведением с его многообразной тематикой Константинов не представлял. Прочитав в журнале «Наука и жизнь» популярно-фантастическую статью об антивеществе, состоящем из элементарных частиц, имеющих заряд, противоположный частицам, образующим Вселенную, он представил «наверх» антивещество как возможный в будущем источник энергии, возникающей при его аннигиляции (взаимоуничтожения) с веществом, из которого состоит наш мир. Подразумевалось и более конкретное использование этой энергии, понятно какое. Константинов получил «добро» и объявил поиски антивещества головной задачей ФТИ. Разумеется, речь шла о начальных, сугубо поисковых исследованиях, никакой конкретики, человек он был умнейший. Тем не менее, некоторые лаборатории были им серьезно ориентированы на это дело. Между прочим, антивещество существует, и на большом андронном коллайдере в Швейцарии такие частицы обнаружены (правда, их жизнь длится неназываемо малые доли секунды), но в те годы всерьез пытаться его искать, тем более строить на его существовании какие-то космического масштаба проекты было чистым бредом. Константинов привлек во ФТИ некоторых новых ученых, в том числе В.Л. Крейцера, у которого в это время испортились отношения с новым руководством Телевизионного института. Для него была организована лаборатория, перед которой была поставлена задача внедрения телевизионных методов в физику. Как именно их внедрять Крейцер, в свою очередь, не понимал, но, имея карт-бланш и при отсутствии иной перспективы, за это дело взялся. В этой обстановке я пришелся ко двору.

Виктор Леонидович Крейцер, хороший и симпатичный человек, был уже немолод, имел мягкий и деликатный характер, общаться с ним было легко и приятно. В семье заправляла его тоже симпатичная жена; в отличие от него, она имела сильный, волевой характер. Между прочим, она спасла ему жизнь. Когда Крейцера арестовали в недобром 1937-ом, она, бог весть каким путем, добилась по тем

временам немыслимого – публичного суда с адвокатом. На таком суде обвинение в шпионаже рассыпалось, и его выпустили, но несколько месяцев он все-же просидел в Крестах. Как он рассказывал, в их переполненной камере содержались мужчины и женщины, в том числе восьмидесятилетняя еврейка, которой тоже шили шпионаж. Единственными словами, которые Крейцер от нее слышал за время совместного сидения были: «Закройте фрамуге, дует».

Как внедрять телевизионную технику в физику я тоже не знал, хотя мы с моим знакомым по университету Малышевым опубликовали статью о телевизионном спектрометре. Это была первая моя публикация, она была чисто умозрительной и чести мне не делала. Лаборатория имела маленький штат и размещалась в одной, правда, большой, комнате. Самым старшим по возрасту был Симон Борисович Гуревич, он занимался теоретическими аспектами науки, которая сейчас называется информатикой, тогда этого термина еще не было. Он пытался привлечь к своей работе меня, но мне его деятельность была не по душе, она казалась мне слишком формальной. Молодые сотрудники – серьезный, с инженерными наклонностями Гена Гаврилов и умненькая, слегка язвительная Корина Берковская (ныне она живет в США), действительно, пытались заниматься телевизионной тематикой, но конечной цели их работ я не понимал. Позднее, Виктор Леопольдович прикрепил ко мне выпускника ленинградского Политехнического института (ЛПИ) Борю Подласкина, очень славного парня. Не помню, чем я его пытался загрузить, но отношения у нас с ним были прекрасные. Сейчас он возглавляет в Физтехе большую лабораторию, куда входят и остатки лаборатории В.Л. Крейцера, он серьезный ученый, доктор наук.

В общем, я своего места в лаборатории В.Л. Крейцера не нашел. Но годы, проведенные в Физтехе я не считаю потраченными зря. Во-первых, я ознакомился, по крайней мере, с частью лабораторий этого замечательного института, в особенности, с лабораторией член-корреспондента АН Е.Ф. Гросса. Она занималась спектроскопией кристаллов, предметом, который живо интересовал меня. Я вошел в контакт с рядом молодых сотрудников этой лаборатории и подружился с будущими академиками – моим однокурсником Борисом Захарченей и Сашей Каплянским выпуска следующего за нашим.

Евгений Федорович Гросс был выдающимся физиком-экспериментатором. Помимо всего прочего, он, наряду с французом Ванье, ввел в физику фундаментальное понятие экситона, движущегося по кристаллу возбуждения – результат светового или радиационного воздействия на него, и исследовал некоторые его свойства. Человеком он был занятным. Как многие немцы, он был не лишен

сентиментальности. Захарченя рассказывал, что однажды застал его на коленях перед картиной, висящей в квартире одного сотрудника ФТИ – коллекционера. Был он приятен и обходителен в общении, но отнюдь не добр и не добродушен. Сильно недолюбливавший его Никита Толстой живописал сцену, которую ему, якобы, посчастливилось наблюдать в Елабуге, куда была эвакуирована во время войны Академия Наук. Молодой, примерно лет сорока, Гросс мечется по комнате, напряженно думая, как ему избавиться от жены и жениться на женщине, много моложе его (что он, в конце концов, и сделал). Из угла выскакивает мышонок. Гросс кидается на него и затаптывает его ногами, при этом Никита изображал, как яростно он его топчет.

Захарченя и Каплянский были людьми очень талантливыми. Саша возглавил лабораторию после смерти Гросса, Борис – другую лабораторию, которую он перепрофилировал под свой интерес к кристаллам, сохранив технический арсенал лаборатории – криогенную технику, позволявшую производить эксперименты при очень низкой температуре, что для изучения свойств вещества крайне полезно. Оба они в свое время стали сначала членами-корреспондентами, а потом действительными членами Акаадемии Наук.

В 1962-ом году мы все трое были на конференции в Москве. После ее окончания пошли в ресторан на площади Маяковского, поужинали, выпили, не скажу что особо сильно, и тут Борис завел какой-то странный разговор. «Друзья, – говорит он, – по приезде вы услышите обо мне нечто, но знайте, я не изменился, я все тот же». И все наши с Сашей попытки выведать, что же мы такое услышим, были безнадежны. В Физтехе мы узнали, что Борис вступил в партию, это была плата за обещанную должность. Саша тоже стал партийным человеком, но уже будучи завлабом. Из нас троих меня одного миновала сия участь.

Но главным моим достижением тех лет было самоопределение, достигнутое путем немалых умственных усилий. В 1960-ом году американский физик Т. Майман продемонстрировал первый лазер, прибор, генерирующий узкий когерентный пучок света, т.е. такой, в котором световые волны находятся в фазе – распространяются синхронно, его технические применения ныне огромны. Он, поистине, совершил революцию в оптике и примыкающих к ней научных областях, на его использовании основаны многочисленные технические устройства, используемые едва ли не во всех областях человеческой деятельности.

Лазер был сделан на рубине – это кристалл оксида алюминия, в который внедрены ионы хрома. В 1961-ом году американский же физик А. Джаван сделал первый газовый (гелий-неоновый) лазер,

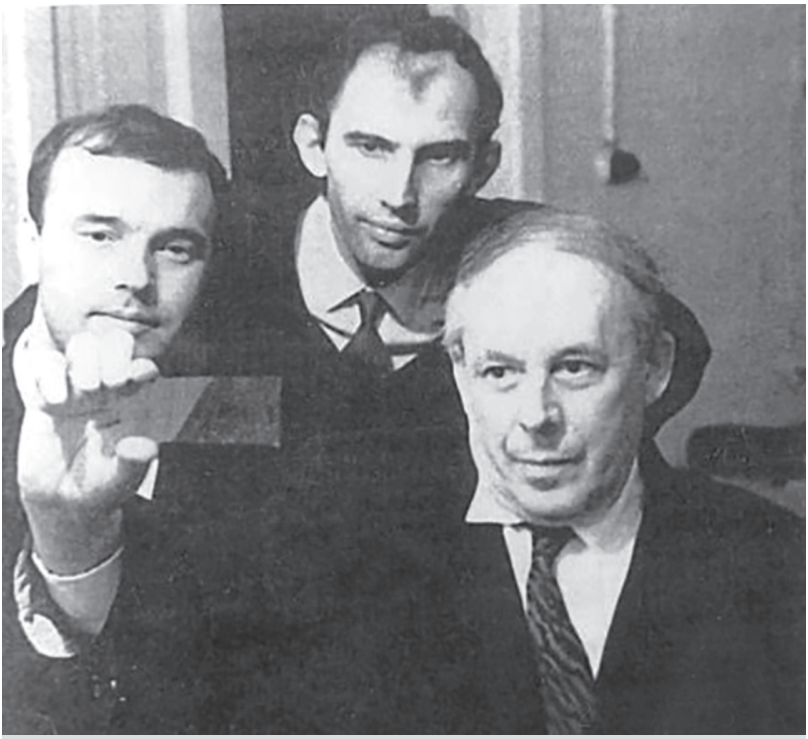

Фото 59. Е.Ф. Гросс рассматривает спектрограмму, за его спиной А.А. Каплянский (слева) и Б.П. Захарченя.

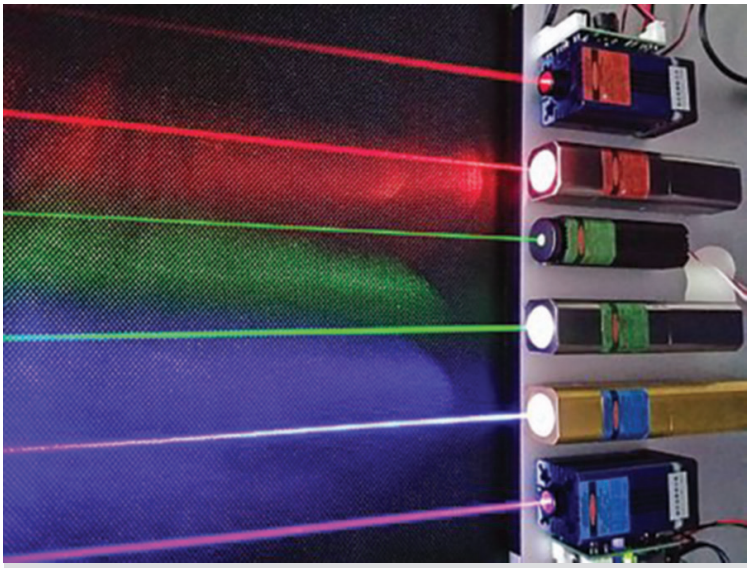

Фото 60. Лазерное излучение с различными длинами волн.

но, поскольку интересы автора были связаны с твердым телом – кристаллами, говоря о лазерах, я буду иметь в виду исключительно «твердотельное» их семейство. Второй и третий лазеры этого семейства были сделаны на кристалле фторида кальция (флюорит), содержащем примеси самария или урана, затем на стеклах с разными примесями. Все примеси, входящие в лазерные среды, ответственны за формирование в них спектров поглощения и люминесценции, такие примеси называются переходными металлами. Поиск новых лазерных сред велся с начала шестидесятых годов широким фронтом, и животрепещущим был вопрос – как и почему именно так выглядят их спектры. Началось формирование теории спектров поглощения и люминесценции кристаллов, содержащих переходные металлы (на языке науки – кристаллов, активированных переходными металлами). Она называется теорией кристаллического поля; это поле, влияя на примесь, определяет вид ее спектров в кристалле. Первыми наставлениями, в которых излагались основы этой теории, были: обширная монография англичанина Гриффитса и обзор американского физика Мак-Клюра. Бывая много позднее в Штатах я познакомился с последним, и мы провели целый день в разговорах о кристаллах в его лаборатории, у него дома и в ресторане, где мы закончили встречу; он был очень симпатичным человеком. Я досконально, что называется с карандашом в руках, изучил оба сочинения и, полагаю, что был одним из первых, а может быть и первым человеком в Союзе, который мог понимать и как-то использовать теорию кристаллического поля. Мне нужно было начать экспериментальную деятельность.

С Никитой мы помирились, и с тех пор и до его смерти в 1994-ом году у нас оставались не прежние, но вполне нормальные отношения (Я присутствовал на панихиде, собравшей уйму народа. Собчак и другие официальные лица произносили слова, которые полагается говорить в таких случаях, но было много искренних речей. Они свидетельствовали о том, что при всем Никитином эгоцентризме такие его свойства, как активность, открытость, откровенность много значили для общавшихся с ним людей). Никита предоставил мне сотрудницу своей группы, которая оказалась женой нейрохирурга Хилько, о котором я упоминал, рассказывая о своей горной эпопее. Галя Хилько стала моим верным соратником на много лет. Никита выделил нам рабочее место для проведения опытов. Мои намерения состояли в том, чтобы применить теорию, которой я в какой-то степени овладел, к кристаллу – объекту моей диссертационной темы, и провести эксперименты,

подтверждающие выводы, вытекающие из теоретического анализа. Я реализовал эту программу, состыковал ее результаты с проделанной в аспирантуре работой и написал диссертацию с обтекаемым названием, отражающим как утвержденную тему, так и новый аспект моей работы. Это было, так сказать, шито белыми нитками, но, благодаря новизне и осмысленности раздела, в котором спектры исследованных кристаллов интерпретировались в соответствии с теорией кристаллического поля, выглядело более или менее пристойно. Виктор Леонидович Крейцер, добрая душа, не препятствовал моим частым отлучкам в ГОИ.

В 1963-ем году я защитил кандидатскую диссертацию в Тартуском университете, где у меня и в университете, и особенно в Институте физики АН ЭССР, было несколько добрых знакомых, в том числе мои однокурсники – будущий президент Эстонской Академии Наук Карл Ребане и его жена Люба, там же работал и Слава Лущик, о котором я упоминал, рассказывая о нашем студенческом бытье-житье. Отвез меня туда и обратно на своей машине Никита, который, как-никак, числился руководителем работы. Говорил я, естественно, по-русски, формальное словоговорение было на эстонском языке, обсуждение частично тоже на нем, что создавало для меня некоторый дискомфорт. Но все прошло благополучно, и мне была единогласно присуждена искомая ученая степень.

Бывая регулярно в ГОИ, я тесно соприкоснулся с третьим персонажем, из числа тех, о которых я упоминал, рассказывая о поступлении в аспирантуру, Петром Петровичем Феофиловым. Как видно из самой его фамилии, он происходил из семьи с церковной традицией, его отец окончил семинарию, но работал педагогом; до революции он занимал пост инспектора народных училищ Новгородской губернии. Мать его была учительницей. Петр Петрович окончил инженерно-физический факультет Ленинградского Индустриального (Политехнического) института. Брат был талантливым, подающим большие надежды математиком. В 1937-ом году его арестовали и расстреляли. Феофилов проходил аспирантуру ГОИ в лаборатории С.И. Вавилова. Он был, несомненно, самым талантливым из его учеников и сотрудников. В 1944-ом году он защитил кандидатскую диссертацию и в 1946-ом году был назначен заместителем начальника вавиловской лаборатории. После кончины С.И. Вавилова в 1951-ом году он возглавил ее. В ходе антиеврейской кампании Феофилов наотрез отказался уволить соответствующих сотрудников, что, учитывая его биографию, было едва ли не подвигом. Естественно, его уволили с этой должности, оставив в лаборатории старшим научным сотрудником.

Фото 61. С.И.Вавилов (второй справа) со своими сотрудниками. Слева от него П.П. Феофилов. Во втором ряду справа Н.А. Толстой, рядом с ним Б.Я. Свешников.

Фото 62. Сотрудники лаборатории С.И. Вавилова. Слева направо: Н.А. Толстой, П.П. Феофилов, Д.Б. Гуревич и В.А. Архангельская

В начале 1950-ых годов возникла некая проблема государственного масштаба, а точнее, две проблемы, связанные с одной задачей – изготовления больших фильтров, устанавливаемых на ракетах. Эти фильтры должны были быть прозрачны в ультрафиолетовой и инфракрасной (т.е. не воспринимаемых глазом) областях спектра. Оптимальным материалом для таких фильтров являются кристаллы фторида кальция (флюорита). Природа формировала такие кристаллы миллионы лет, их запасы немалы, хотя и не безграничны. Этот минерал, благодаря своей прозрачности в широкой области спектра, с незапамятных времен использовался в оптике.

Отвлекаясь от темы, расскажу, что в бытность в Фанских горах я видел около тропы, по которой мы поднимались на плато, откуда совершались восхождения, заброшенную шахту с рельсами для вагонеток. В этой шахте во время войны велась добыча флюорита. Вниз, к автомобильной дороге его доставляли на ишаках. Дело в том, что основные запасы этого минерала находятся в Южной Америке, с начала войны они стали недоступны, а флюорит был жизненно важен для оптических деталей военного назначения, поэтому был произведен спешный розыск и разработка всех возможных его месторождений. Одно из них мне и довелось видеть.

В связи с истощением природных запасов кристаллов большого размера и возрастанием размерных требований к оптическим деталям для ракетной техники, надо было налаживать рост синтетических кристаллов. Эта проблема была решена примерно в одно время в США и Советском Союзе (в ГОИ). Вторая проблема состояла в том, что прозрачные флюоритовые фильтры, устанавливаемые на ракетах, возвращались на землю потемневшими, иногда до черноты, и никакие изменения условий роста кристаллов не давали положительного результата. К решению этой проблемы в 1952-ом году был привлечен П.П. Феофилов. В ходе работы над ней он не только обнаружил причину потемнения и предложил пути его устранения, но и создал эффективный метод исследования люминесценции кристаллов и ввел в физику твердого тела новые представления. Значение этой его работы, проведенной за короткий промежуток времени, трудно переоценить. Она принесла ему международную известность.

К моменту появления лазера Феофилов был наиболее видным ученым в области спектроскопии кристаллов, внезапно ставшей столь актуальной. Моя работа последних лет привлекла его внимание, и он активно содействовал моему второму появлению в ГОИ, уже в качестве сотрудника. Таковым я стал, начиная с 1963-го года, и

моя работа в нем продолжалась в течение сорока одного года.

Конец ГОМЗовской жизни, и физтеховские времена были годами надежд, когда после мрака послевоенной сталинской поры забрезжил непривычный дух свободы. Это было как пробуждение от ночного кошмара. И как наивны были даже умные, интеллигентные люди, у которых вся жизнь или большая ее часть прошла под свинцовым гнетом тех лет! Я как-то зашел к своим близким друзьям – Ие Ипатовой и Яше Багрову (о них далее), и Ия говорит: «Когда Алеша пришел из школы (их сын был в восьмом или девятом классе), я ему сказала: «Алеша, у нас праздник – реабилитировали Бухарина!» Было чему радоваться... Урезанная, частичная правда о сталинских временах стала появляться на страницах журналов и – в существнно меньшей степени – газет, в основном это трактовалось как «отклонение от ленинских принципов» (вспомним, что Варлам Шаламов был первый раз арестован за распространение «Завещания Ленина»).

При всей неоднозначности Хрущева и его курса, ожидание и ощущение перемен витало в воздухе. С его устранением эти чувства стали сходить на нет. Подавление «Пражской весны» (1968-ой год) сделало окончательно ясным – мы вовращаемся в сильно смягченную, более безопасную, но, в общем, прежнюю жизнь.

Глава 7
Государственный оптический Институт (часть 1)

Лабораторией, в которую я пришел, руководил в это время Алексей Михайлович Бонч-Бруевич, сын Михаила Александровича Бонч-Бруевича, известного ученого-радиофизика, одного из активных участников радиофикации страны, основоположника радиоламповой промышленности. Выпускник Ленинградского Индустриального (Политехнического) института, Алексей Михайлович во время войны какое-то время преподавал в Военной академии связи, а после демобилизации поступил в ГОИ, где проработал пятьдесят девять лет до самой своей смерти в 1990-ом году. Он имел широкий кругозор в области радиофизики и был автором книги «Применение электронных ламп в экспериментальной физике», изданной в 1951-ом году и бывшей в послевоенные годы основным пособием физиков-экспериментаторов для изучения и использования радиотехнических методов. Позднее, в 1966-ом году была издана его книга «Радиоэлектроника в экспериментальной физике». Тем не менее, занимался он большую часть своей жизни оптикой.

По инициативе С. И. Вавилова им была проведена экспериментальная проверка второго постулата специальной теории относительности, суть которого состоит в том, что ни один материальный объект не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света в вакууме (тема его докторской диссертации). Затем он участвовал в изготовлении упоминавшегося выше тауметра и, с появлением лазеров, полностью переключился на лазерную тематику.

В это время он возглавил лабораторию Вавилова. Административная работа была ему по душе. Он умел и любил руководить людьми, но эта любовь не имела ничего общего с административным азартом по Салтыкову-Щедрину. Алексея Михайловича интересовало, как максимально эффективно использовать квалификацию и труд своих сотрудников для реализации каких-то крупных задумок, особенно, если они могли иметь (или имитировать) практическую важность. Человеком он был достаточно жестким, был вполне общителен, но отнюдь не откровенен. Много занимаясь проблемами воздействия лазерного излучения на вещество, он придумал название этого жанра – «силовая оптика», намекающее на возможные оборонные применения исследуемых эффектов и ласкающее слух местного и министерского начальства. С начальством он умел ладить, при этом у него были свои приемы для общения с руководителями разного ранга. Я дважды, находясь по случаю в его кабинете, был свидетелем того, как сравнительно молодые заместители директора, приходили

к нему для того, чтобы не то что сделать выговор – об этом не могло быть и речи, но выразить недовольство его действиями или решениями. Я наслаждался тем, как он, сильно пожилой человек, ведет разговор с ними, как-то очень естественно играя переходами с «вы» на «ты», обращаясь то по имени-отчеству, то по имени, при том, что для них-то он был «Алексей Михайлович». Постепенно в ходе разговора претензии сами собой сходили на нет.

Многие из его сотрудников были талантливыми людьми. В 1960-ом году в лабораторию пришел Женя Александров, будущий академик, человек редкостных дарований, племянник многолетнего президента Академии Наук Анатолия Петровича Александрова. В возрасте тридцати лет он защитил докторскую диссертацию, что произошло спустя два года после защиты кандидатской, которая по сути уже была полноценной докторской, о чем говорили и его оппоненты. Бонч-Бруевич, понимая масштаб этого человека, всячески содействовал ему во многих отношениях, в частности, в выделении руководимой Александровым группы сотрудников в отдельную лабораторию радиооптической спектроскопии.

Из других одаренных сотрудников Бонч-Бруевича упомяну Валерия Ходового (к сожалению, рано погибшего в результате несчастного случая), Валерия Хромова, Якова Имаса, Тиграна Вартаняна-младшего, Татьяну Разумову.

Областью интересов Александрова были квантовые явления в газах, его труды в этой области имеют мировое признание. Его хобби – борьба с лженаукой, которая существовала еще в советские времена и расцвела буйным цветом в постперестроечной России. Он является председателем комиссии Академии Наук по этой проблеме и в течение многих лет активно занимается разоблачением лженауки. Его недавним достижением в этой сфере является выигранный судебный процесс, возбужденный против него и предыдущего председателя известным проходимцем Петриком (о нем подробнее дальше) и отнявший у него немало времени, сил и денег (на адвокатов).

В молодости мы были в приятельских отношениях, но где-то после перестройки разошлись из-за моей излишне резкой реакции на высказанное им мнение; как показала жизнь, оба мы были, в какой-то мере, правы. Сейчас у нас нормальные отношения, он ввел меня в состав редакционной коллегии журнала «Оптика и спектроскопия», которую он возглавляет после смерти П.П. Феофилова, и я много лет выполняю свои функции в этом журнале – участвую в отборе статей для него.

Занятная деталь – мы были несколько похожи чертами лица, и малознакомые люди, особенно при беглой встрече на улице,

Фото 63. А.М. Бонч-Бруевич, 60-тые годы

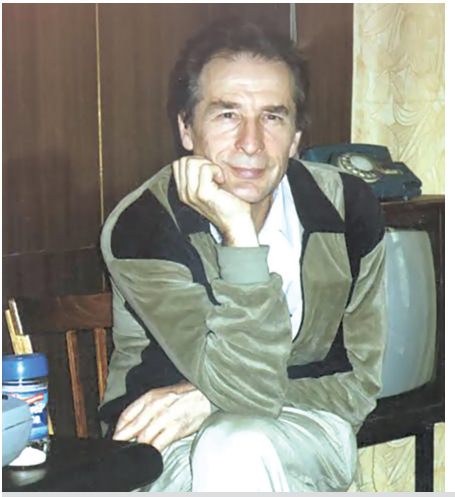

Фото 64. Е.Б. Александров, 1996-ой год

Фото 65. А.М. Бонч-Бруевич и Е.Б. Александров, 60-тые годы

частенько обращались к нему как к «Александру Иосифовичу» и ко мне как к «Евгению Борисовичу». Женя рассказывал, что когда ему было года четыре (жили они тогда, кажется, в Киеве) и он играл во дворе под присмотром няни, одна из проходивших мимо женщин сказала другой, указывая на него: «Дивись яка гарна жидовина» (он коренной русак). Сейчас он руководит лабораториями в ГОИ и ФТИ.

Настоятельные нужды быстро развивающейся лазерной техники и высочайший научный авторитет Феофилова привели дирекцию к решению создать отдельную лабораторию под его руководством. Сторонясь административной работы как таковой, особенно после предыдущего опыта, о чем рассказано выше, Петр Петрович уклонялся от нее как только мог, но, в конце концов, вынужден был согласиться. Лаборатория спектроскопии кристаллов была организована в 1965-ом году, в нее вошла часть сотрудников лаборатории Бонч-Бруевича. Она быстро разрасталась и «на пике» в ней было примерно тридцать пять человек.

При лаборатории была организована группа выращивания кристаллов, приобретены или специально сконструированы и изготовлены установки для роста кристаллов. Группой руководил несколько странный человек Б.И. Максаков, он как-то не сработался с Петром Петровичем при всей терпимости последнего и вскорости ушел в филиал ГОИ, о котором подробнее будет рассказано дальше. Его сменил очень квалифицированный и симпатичный молодой человек, Алеша Морозов; к великому сожалению, он в 1977-ом году трагически погиб при «черном» восхождении на высочайший в стране Пик Коммунизма (черными называют восхождения, проводимые не альпинистами, а горными туристами, как правило, они не имеют необходимой подготовки, опыта и снаряжения).

В лаборатории собрался очень сильный коллектив ученых. Среди них назову Веру Александровну Архангельскую, много лет сотрудничавшую с Феофиловым и имевшую большой опыт работы и высокую квалификацию, Александру Михайловну Ткачук, которая до того около десяти лет работала с Толстым, исключительно одаренного, но с большими странностями Володю Овсянкина, разнообразно талантливого Валерия Запасского (он хорошо играл на фортепьяно и прекрасно воспроизводил чужие голоса). Из его сотрудников Запасский был наиболее симпатичен Петру Петровичу; к Алеше Морозову он также был в высшей степени расположен. К Овсянкину он относился, я бы сказал, с осторожностью из-за своеобразного его характера, хотя вполне оценивал его дарования. По инициативе Володи им с Феофиловым был выполнен цикл блестящих работ по кооперативным (коллективным) явлениям в

Фото 66. Слева направо: М.В. Епифанов, Б.И. Максаков, я, П.П. Феофилов, В.А. Архангельская, М.Н. Толстой.

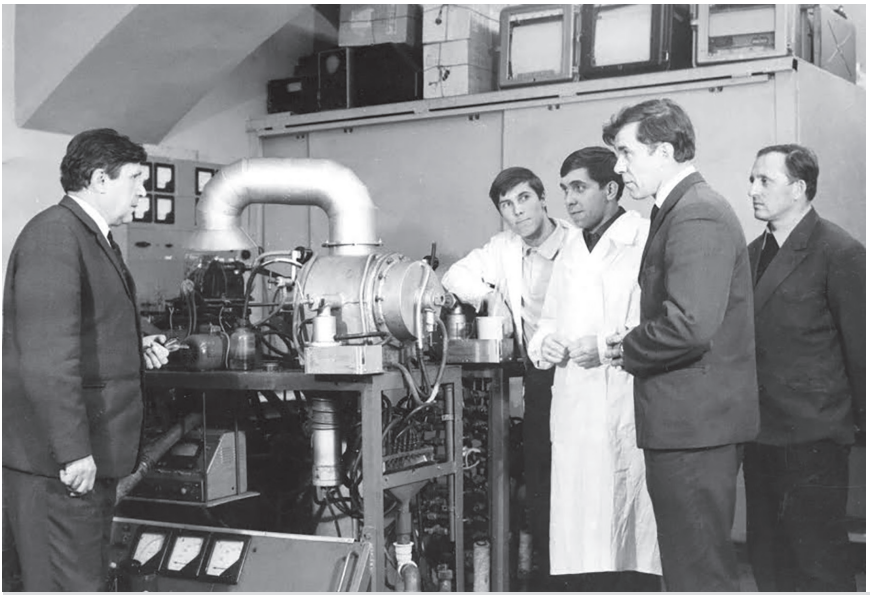

Фото 67. П.П. Феофилов в ростовой группе.

Фото 68. Лаборатория П.П.Феофилова, 1975г.

В первом ряду справа налево: В.В.Овсянкин, И.Н.Абрамова, М.В.Епифанов, Г.И.Хилько, А.М.Ткачук, П.П.Феофилов, В.А.Архангельская, А.Трофимов.

Во втором ряду справа-налево: Л.Г.Морозова (вдова А.М.Морозова), А.Л.Натадзе, А.В.Васильев, я, В.С.Запасский, восьмая справа М.А.Петрова, десятый справа. А.М.Коровкин.

В третьем ряду справа-налево: И.В.Игнатьев, С.А.Казанский, В.А.Бонч-Бруевич, Ю.Т.Терехин, В.В.Городчанин, Последняя в этом ряду И.К.Разумова.

В четвертом ряду справа-налево: И.Я.Герловин, А.П.Абрамов, пятая и седьмая – Л.Ф.Корякина и Т.С.Семенова. Я называю имена только тех сотрудников, которые упомянуты в тексте.

Фото 69. П.П. Феофилов, М.Н. Толстой (первый слева) и В.С. Запасский.

Фото 70. П.П. Феофилов и В.В. Овсянкин.

активированных кристаллах, эти работы имели большой резонанс.

Н.А. Толстой к этому времени уже не работал в ГОИ, но появился его сын – аспирант Миша Толстой.

Донимали визиты разного начальства, зачастившего в новую лабораторию, занимавшуюся под руководством видного ученого актуальной тематикой. Один раз в комнату нашей группы заглянул минут на десять-пятнадцать аж министр оборонной промышленности Зверев со свитой. Он задавал какие-то дурацкие вопросы и произвел на меня тяжелое впечатление. Мне рассказывали, что Зверев подал в ЦК записку, предлагая снести известную крымскую достопримечательность – гору Ай-Петри, разрушив ее взрывами, чтобы прорыть вглубь полуострова канал для проведения каких-то опытов с целью испытания оборонной техники. Почему канал надо было рыть именно в Крыму и чем провинилась красавица Ай-Петри я не знаю, но это характерно.

Молодой в основном коллектив не только напряженно работал, но и не пренебрегал литературно-исполнительской деятельностью по случаю разных событий – дней рождения, юбилеев, защит диссертаций и т.п. К таковым выпускались сборнички остроумных сочинений и стихов (лабораторным поэтом был Коля Костин). Часть этого репертуара исполнялась непосредственно либо давалась в магнитофонной записи по ходу или после соответствующего события. Расскажу об одном забавном случае. При защите Запасским кандидатской диссертации одним из оппонентов был Борис Петрович Захарченя. Я продолжали встречаться с ним, как и с Каплянским, и после ухода из Физтеха. Замечу, кстати, что оба они, следуя за Феофиловым, разработали методы определения структуры примесных центров в кристаллах, только у Феофилова своего рода «зондом» являлось излучение, у Захарчени магнитное поле, а у Каплянского – одностороннее сжатие. Они относились к Феофилову с глубоким уважением, он же знал и ценил их исследования. Особенно близок ему по складу ума и чертам характера был Каплянский, им и Феофиловым было совместно выполнено несколько исследований. Мы с Каплянским как-то летом посетили Петра Петровича на его участке в Кавголово и приятно провели полдня в разговорах о науке и жизни, однажды навестили его и дома.

Надо сказать, что Петр Петрович был не то чтобы скрытным, но молчаливым человеком, отчасти из свойственной ему деликатности, боязни задеть кого-либо (он сознавал, что его слово, мнение для окружающих имеет большое значение), отчасти вследствие пережитого им. Может быть в те годы, когда мне довелось знать его, он несколько устал от жизни, я не знаю, да и не хочу судить об этом.

В беседе за обеденным столом кто-то из нас справился, как дела у его сына Сережи, который заканчивал учебу в университете. На что Петр Петрович ответил: «Да разве у него узнаешь? Чудовищно скрытен!» Мы с Сашей переглянулись, с трудом сохраняя серьезное выражение лица. С прошлого года Сережа сменил Каплянского на посту заведующего «гроссовской» лабораторией.

Но вернусь к защите диссертации Запасского. Вненаучная деятельность, о которой шла речь, была органически связана с лабораторией, а Захарченя был человеком со стороны и энтузиастам этой деятельности незнаком. Поэтому они обратились ко мне, как к человеку знакомому с Захарченей: программа должна была в данном случае затрагивать как диссертанта, так и оппонентов. Борис Захарченя был весьма артистической натурой, он, несомненно, обладал литературным талантом, был остроумен и любил рассказывать истории, в которых он участвовал или был свидетелем которых. Неизбежным компонентом этих историй были преувеличения, гиперболизация, причем нельзя было знать, приукрашивает он рассказываемые события на пять или на пятьдесят процентов. Но слушать его было чрезвычайно занятно. Мы с Борисом были друзьями, и я его рассказов наслушался вдоволь.

Когда ко мне обратились, я с ходу предложил три темы: «Выступление Евгения Федоровича Гросса на траурном митинге ФТИ, посвященном смерти Иосифа Виссарионовича», «Как я первый раз привел домой проститутку» и «Как я ел омара» (во время командировки в Штаты). Выбрали последнее, как самое нейтральное, включили магнитофон, и я тут же наговорил текст, очень близкий его рассказу по сути, но содержавший забавные и ироничные включения. Запасский воспроизвел мой рассказ своеобразным голосом Захарчени, и соответствующая байка была записана на магнитофон. Я на защите и устроенном в лаборатории мини-банкете не присутствовал, поскольку был в командировке, и о последующих событиях знаю по рассказам свидетелей. Во время банкета включили пленку. Говорят, что на Захарченю страшно было смотреть. Он слушает свое повествование, свой голос, - но, черт побери, он же говорил не совсем то! Как такое может быть?! Оцепенение длилось пару минут, потом он сообразил и завопил: «Это Аликовы штучки!» Затем встал, подошел к окну и произнес: «Снег пошел (дело было в мае), яблони в саду побьет … Да выключите вы, к черту, эту пленку, всем надоело уже». Но народ дослушал.

После этой истории Борис месяца три со мной не разговаривал, потом позвонил и трагическим голосом произнес: «Алик, сотри эту пленку. И Женьке (Александрову) скажи – пусть сотрет. У меня

Фото 71. Мы с Каплянским на даче П.П. Феофилова.

Фото 72. Четыре академика: Б.П. Захарченя, К.К. Ребане,
Б.Б. Кадомцев и А.М. Прохоров.

неприятности. Под меня копают». Запись, действительно, широко ходила по рукам. Неприятности его состояли в том, что на обложке популярного журнала «Огонек» был помещен большой портрет Захарчени, а в самом номере – статья о Физтехе, в которой он также фигурировал, правда, в более скромном формате. Это вызвало некоторое ревностное недовольство тогдашнего директора Физтеха академика Тучкевича. Никто под Бориса, разумеется, не копал, но связанная с этой записью популярность ему была совершенно ни к чему.

Говорят, что когда пленку дали прослушать Тучкевичу, он спросил: «Кто же это Борису Петровичу текст написал?»

Помню байку Захарчени о том, что он увидел в магазине книгу ученого-зоолога профессора Сабанеева «Жизнь пресноводных рыб, исправленное и дополненное издание». Он изумился – какие исправления могут быть сделаны в этой книге – рыбы, казалось бы, не должны зависеть от социального строя. Вспомнил, что в хранившейся на чердаке библиотеке отца-биолога, он видел книгу Сабанеева «Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб», дореволюционное издание, просмотрел ее и наткнулся на следующее описание щуки: «Типично жидовская рыба. Подобно щуке, это клоповидное племя расползлось по всему свету...» - и далее в том же роде.

Другая история была об его полете в Глазго на конференцию где-то в семидесятых годах. Лететь надо было из Лондона. Была нелетная погода, билеты на рейсы в Глазго не продавались, и около кассы толпилось много желающих улететь. Видя эту картину, Борис подумал и громко объявил: «Господа, все сразу мы улететь не сможем, поэтому надо составить список на выдачу билетов». Попросив у кассира пару листков бумаги, он вынул ручку, написал: «1. Mr. Zacharchenya» и спросил: «Who is next?» (Кто следующий?). Пассажиры стали записываться. Когда Борис вручал кассиру список, тот уважительно заметил: «Сэр, у Вас выдающиеся организаторские способности».

Еще одна байка была связана с его поездкой в какой-то небольшой город в Германии (ФРГ). Придя на вокзал (в Штутгарте или Франкфурте, неважно) и купив билет, он вышел на платформу и увидел стоящий на путях длинный состав. Он поозирался – в какой вагон садиться, видя это, к нему подошел служащий в форме, спросил куда он едет и показал в какую часть состава ему надо идти. Борис последовал указанию. Устроившись в купе, он выглянул в открытое окно и увидел несколько железнодорожников, которые

производили какие-то манипуляции в середине поезда. Оказалось, они расцепляли состав. Прозвучал гудок и две половины поезда поехали в противоположных направлениях.

Изредка на наших посиделках появлялся Каплянский (в качестве оппонента, например) с хорошо подготовленным экспромтом, всегда остроумным. Он был мастером розыгрыша. Однажды мы с ним были приглашены в качестве лекторов на зимнюю школу по полупроводникам, регулярно проводимую Физтехом в каком-нибудь доме отдыха. Нас поселили в одной комнате. Во время первого завтрака за лекторским столом я обратил внимание на ранее мне незнакомого высокого брюнета, который вел оживленный разговор с соседями; остальные лекторы были мне знакомы по ФТИ. После завтрака, готовясь идти на заседание, я спросил у Саши, кто этот человек. Он, не задумываясь, назвал мне фамилию французского профессора; я ее не помню, буду звать его Ланье. Он был известен тем, что во время визита в Москву «увел» у академика Абрикосова жену и увез ее в Париж, где и обвенчался с ней. Это неординарное происшествие наделало много шума и широко обсуждалось научной общественностью (каюсь, может быть, это был не Абрикосов, а какой-то другой известный физик-теоретик, все же это было лет пятьдесят назад). «Да как он оказался в России? И притом он же чисто говорит по-русски!» – «А его жена не захотела жить во Франции, и он, безумно любя ее, переехал в Россию и выучил в совершенстве язык». Я весь день ходил под впечатлением этой фантасмагорической истории. После ужина, беседуя с соседом по столу, я, возражая ему по какому-то поводу, сказал: «А вот Ланье говорил...» - «Какой Ланье?!» Я описываю человека, о котором идет речь. «Да это Сурис! (известный московский физик-теоретик, сейчас руководит лабораторией в Физтехе)». Саша сокрушенно покачивал головой, приговаривая: «Боже, как ты наивен!»

В старом фильме «Преступить черту» рассказывается история о том, как женщина, врач-психиатр, совершает преступления: похищает у пациентов дорогие картины и, гипнотизируя, заставляет их забыть обо всем. Следователь, понимает, что преступницей является именно она, но не может предъявить никаких доказательств и пытается достучаться до ее совести, что долго ему не удается. В ходе одного из разговоров она говорит следователю: «Как вы наивны!» - на что он отвечает: «Что ж, это не так плохо. Наивность – один из признаков чистоты души». На том и успокоимся.

Моя группа постепенно увеличивалась. Появились выпускники университета Лена Реут, Сергей Казанский, Игорь Кроль, Николай

Сергей Казанский

Левичев, теоретики Андрей Нататдзе и Гриша Зингер, позднее – Толя Купчиков, Андрей Васильев. Из теоротдела перешел в группу Даня Онопко. С Леной и Сергеем у меня не сложились отношения, причем в обоих случаях по моей вине. Лене я дал не очень продуманную задачу, потребовавшую большого труда и не принесшую сколько-нибудь значительного результата (как и Никита мне). Но я предоставил ей в дальнейшем полную свободу – она была человеком способным, и я был уверен, что она может работать самостоятельно. Так и оказалось, она выполнила ряд интересных исследований.

Сергея я, напротив, придерживал. И напрасно. Надо было дать ему большую свободу действий, он был очень талантлив и столь же честолюбив, но это было высокое честолюбие – острое желание совершить какое-то значительное научное открытие. Я считал, что он способен на это, но сначала ему надо как следует определиться с выбором направления работ. В конце концов, видя, что мы не можем найти общего языка, я предложил Петру Петровичу перевести его в группу В.А. Архангельской. Петр Петрович облегченно вздохнул и сказал: «А я думал, вы предложите его уволить».

Сергей, действительно, сделал прекрасную работу, вернее, небольшой цикл работ, но в то время они почему-то не привлекли особого внимания научной общественности. Значительно позднее мы снова стали работать вместе, работа эта была в высшей степени эффективной и доставляла нам обоим удовлетворение (о ней подробно рассказано дальше). Он скоропостижно скончался, когда ему было немного за шестьдесят.

У Лены был злопамятный характер и, несмотря на все мои усилия наладить отношения, она до выхода на пенсию относилась ко мне негативно. Кроль после нескольких лет работы в ГОИ перешел в университет. Левичев тоже ушел на какие-то курсы комсомольцев-международников (были и такие), он тяготел к общественной работе. Лабораторию изредка навещал и однажды сказал мне по секрету, что выпускники этой школы сыграли важную роль при установлении «советской власти» в Афганистане (знал бы кто, какой ящик Пандоры будет открыт в ходе этой акции и последующих событий…). Сейчас он заседает в Государственной Думе, являясь заместителем Миронова по партии. Ну, ну. Зингер эмигрировал

в Америку. Андрей Натадзе, с которым мы были друзьями, лет двадцать назад разбился на скалах.

Я продолжал работу, начатую во время пребывания в Физтехе, но значительно расширил круг своих интересов, умножив типы исследуемых кристаллов. Памятным эпизодом осталась некая эпопея, которая началась с того, что я для одного кристалла выполнил анализ его структуры не традиционно используемыми для этой цели рентгеновскими методами, а по спектру примесных ионов в нем, и мои результаты противоречили имеющимся представлениям о его структуре. Мне требовалось мнение специалистов по рентгенографии. В это время в Подмосковье, в Черноголовке открылся Институт физики твердого тела АН (ИФТТ). Директором назначили престарелого академика Курдюмова, но фактически всем руководил его заместитель, молодой Юра Осипьян, который, ради назначения на эту должность быстро подготовил и защитил несколько сомнительную докторскую диссертацию (одним из его оппонентов был упоминавшийся ранее Миша Шейнкман). Я решил, что там для моих целей самое место, и поехал к Осипьяну. Он связал меня с начальником рентгеновской лаборатории (не припоминаю его фамилию). Тот через некоторое время подтвердил традиционный взгляд на этот кристалл. Я не успокоился и, будучи уверенным в своей правоте, раз-другой в месяц приезжал и дискутировал с ним и с Осипьяном. Продолжалось это месяца три-четыре, и после проведения обширной серии экспериментов они признали мою правоту. Должен сказать, что аналогичной направленности работы, правда, в основном с использованием методов радиоспектроскопии, появлялись в литературе лет десять после того, на наши работы со временем перестали ссылаться, но чувство удовлетворения осталось.

С тех пор меня в Черноголовке зауважали, и я начал контактировать с рядом сотрудников ИФТТ. Я подружился с Володей Броуде и его женой Леной Шека. Они переехали в Черноголовку из Киева, где Володе из-за его национальности чинили большие препятствия (уровень антисемитизма был на Украине выше, чем в России). Приезжая в Черноголовку, я обычно останавливался на их половина коттеджа, который они делили с Осипьяном. Лена много рассказывала мне о гонениях, которые пришлось претерпеть Володе, и возмущалась творившимся в стране по этой части безобразием. Спустя некоторое время у Володи нашли онкологию, и Лена, со свойственной ей энергией, включилась в процесс лечения. Перечитала кучу специальной литературы, нашла лучших врачей-онкологов в Москве, доставала через коллег за рубежом новейшие препараты, в

Фото 73. А.А. Каплянский, 2000-ые годы.

Фото 74. В.Л. Броуде (второй справа) и Е.Ф. Шека (посередине) обсуждают результаты исследований с австралийским ученым Фредом Липсетом (первый слева), 1964-ый год.

общем, боролась за жизнь мужа как только могла. Но, увы, Володя скончался. Мы часто переписывались с Леной. Приезжая по делам в Ленинград, она останавливалась на квартире моей мамы, и они испытывали друг к другу симпатию.

Года через полтора-два после смерти Володи Лена привезла из Киева нового мужа, радиоинженера, которого приняли на работу в ИФТТ. Он был членом партии, его интересовала общественная деятельность, и довольно скоро он стал секретарем парткома ИФТТ, тем более, что местные кадры на этот пост не рвались. Став секретарем, он начал возмущаться обилием евреев на руководящих должностях в институте. Не ограничиваясь открытым изъявлением своих чувств, он стал писать наверх о творящихся в ИФТТ делах. Лена энергично поддерживала его в этом вопросе. Я, естественно, прервал с ней все отношения. Позиции Осипьяна в Академии Наук были прочными, и доносы последствий не возымели. Через некоторое время этот малый как-то испарился из Черноголовки, и Лена, судя по отзывам, стала опять нормальным человеком. Когда я спросил Ию Ипатову из Физтеха, с которой нас связывала прочная дружба (о ней дальше) об этой истории, она передала мне слова Лены: «Это был какой-то морок».

Разумеется, люди, связанные браком, влияют друг на друга, но такой кунштюк в сознании у человека умного и самостоятельного, каким была (и остается) Шека – это что-то трудновообразимое. Но, видно, бывает. В середине девяностых я встретил ее на какой-то конференции в Москве, мы расцеловались, посидели, вспомнили былое. Когда в Черноголовке отмечали траурную дату – двадцатилетие со дня смерти Володи, она пригласила и меня. Я не мог поехать, послал короткую заметку в подготавливаемый к этой дате сборник, она ответила сердечным письмом. Мы изредка переписываемся и сейчас.

Мои рабочие контакты возрастали. Ряд друзей-теоретиков у меня образовался в Кишиневе. Человеком, внесшим огромный вклад в формирование кишиневской школы теоретиков, и учителем большинства вышедших из нее ученых был Юрий Евгеньевич Перлин. В начале своей научной карьеры он был аспирантом выдающегося киевского физика-теоретика Соломона Исааковича Пекара. Защитив в 1950-ом году диссертацию, Перлин переехал в Кишинев – в это время, да и позднее Киев не был хорошим местом для трудоустройства такого рода личностей. Спустя три года, он организовал в Кишиневском университете кафедру теоретической физики, и в 1970-ом году стал членом-корреспондентом АН Молдавской ССР.

Человек он был умнейший, очень благожелательный, остроумный и ироничный, по отношению к самому себе тоже. Меня он обаял при первой же встрече. По окончании какой-то конференций он, прощаясь с нами, подошел в холле к Фефилову и произнес следующую фразу: «Мой учитель, Соломон Исаакович Пекар, сказал мне как-то: «Вы думаете, я не могу писать, как вы, статьи об электронно-колебательном взаимодействии? (Перлин делал на конференции обзорный доклад на эту тему) Я просто не понимаю, что это такое». Этой фразой Перлин, можно сказать, «купил меня без остатка». В дальнейшем мы с ним много общались, говорили на профессиональные темы, да и о жизни вообще.

Как-то я завтракал в буфете гостиницы Академии Наук в Москве. В буфет вошел Юрий Евгеньевич с пакетом в руках, взял что-то у стойки и, поздоровавшись, подсел ко мне. Развернув пакет, в котором оказался добрый шмат колбасы, произнес: «Угощайтесь, Алик. Сервелат из академического пайка». Помолчал и добавил: «Унизительно все это, в сущности. Да и сервелат-то дрянь».

Перлин скончался, будучи еще не очень пожилым человеком, во время пустяковой операции из-за сделанного с преступной небрежностью наркоза, вызвавшего аллергический шок. Ученики любили его. Его сын, Женя Перлин, тоже хороший физик-теоретик, работал в моей лаборатории несколько лет. Сейчас мы коллеги по ИТМО (об этапе моей жизни, связанной с этим заведением далее), иногда разговариваем по скайпу.

Трое учеников Ю.Е. Перлина стали моими добрыми друзьями – Юра Розенфельд, Бума Вехтер и Боря Цукерблат. Все трое были теоретиками высокого класса. С Юрой Розенфельдом мы сделали несколько хороших работ, у нас был общий аспирант, Володя Кремерман из Литвы. Юра – человек глубоких знаний и сильного ума, знает море анекдотов и, будучи человеком очень общительным, имеет много друзей, сейчас рассеянных по всему миру. Сам он в начале 1990-ых годов перебрался с женой Тамарой в Израиль, где живет в небольшом городке недалеко от Бер-Шевы. Теорфизику оставил, успешно занимается наукоемким бизнесом. Недавно он посетил меня. Здесь, в Канаде работает его дочь Оля, они с мужем Даней, живут в часе езды от нас. Юра один из самых обаятельных людей, встретившихся на моем жизненном пути.

Вместе с выдержанным, вдумчиво-спокойным, основательным Бумой мы написали большой обзор для международного сборника. Сейчас он живет в Чикаго, к сожалению, болеет.

Боря, по натуре гасконец, правдолюбец, в котором, несмотря на годы, осталось что-то от ребенка (это всегда привлекательно в

незаурядном человеке). Юра Розенфельд перетащил его в Израиль. Заметную часть времени Боря проводит в Испании или Италии, плодотворное сотрудничая с тамошними учеными. Последний раз я встретил его на конференции в Казани два года назад, мы много общались и были счастливы этим.

Говоря о Боре, не могу не вспомнить следующую историю. В не очень сытные позднебрежневские времена старшим научным сотрудникам Института химии, в котором они с Бумой работали, выдали по мешку картошки. Возмущенный этой селективной заботой об ученом мире, Боря направился в партком и швырнул свой мешок на пол, добавив все, что он по этому поводу думает. Видимо, его там знали, так или иначе, последствий для него этот демарш не имел. Через некоторое время я прилетел в Кишинев для обсуждения с Бумой нашего обзора. Позавтракали и пошли в Институт химии. Подходя, увидели Борю, выходящего из дверей института с авоськой, полной перцев (видимо, тоже выдача, но уже коснувшаяся более широкой аудитории). Я осведомился у него: «В партком несешь?» Он на мгновение оторопел, потом сообразил и рассмеялся, как и мы с Бумой.

В 1970-ом году в Таллине, по инициативе Карла Ребане, ставшего к тому времени эстонским академиком, состоялась большая международная конференция по физике твердого тела. Одним из ее участников был немецкий ученый Макс Вагнер. На свою беду, он представил доклад с названием «Точное решение проблемы Яна-Теллера». Эта проблема, являющаяся частью более общей проблемы электронно-колебательного взаимодействия, может быть в принципе решена только в том или иным приближении, что было прекрасно известно кишиневцам; достаточно сказать, что Ю.Е. Перлин и Боря Цукерблат были авторами изданной к тому времени монографии «Электронно-колебательное взаимодействие в кристаллах». На ознакомительном приеме в таллинской ратуше я наблюдал, как Розенфельд, Цукерблат, Вехтер и Полингер, молодой сотрудник Института химии, зажали Вагнера в углу огромного зала, и, размахивая перед ним руками, по-видимому, втолковывали ему, до какой степени ошибочны его заключения. По залу среди столов, уставленных бутылками и закусками, ходил, потирая руки, Перлин и удовлетворенно приговаривал: «Он у меня сделает хэнде хох!» В докладе Вагнер извинялся за ошибочность заключений, декларированных в тезисах конференции, и благодарил кишиневских коллег, которые ему это объяснили. После конференции Вагнер посетил Ленинград и побывал во ФТИ, где к нему в качестве экскурсовода был приставлен Каплянский. Саша знакомил Вагнера с институтом,

Фото 75. Ю.Е. Перлин (слева) и Ю.В. Новожилов.

Фото 76. Мы с Е.Ю. Перлиным на заседании Ученого Совета ГОИ.

Фото 77. Ю.Б. Розенфельд около новорожденной внучки.

Фото 78. Б.С. Цукерблат

Фото 79. На Таллинской конференции в 1970-ом году
Б.С. Цукерблат (первый слева) и Ю.Е. Перлин (третий слева).

кормил обедом, а вечером отвез на Московский вокзал. На перроне Вагнер доверительно сказал Каплянскому, что у него сложилось впечатление, что в Советском Союзе, впрочем, как и в Соединенных Штатах, все физики – евреи. Видимо, к этому выводу он пришел, в основном, в результате бесед с кишиневскими коллегами.

На этой конференции я был свидетелем встречи Петра Петровича с американским ученым С.П.С. Порто. Я упоминал, что второй и третий лазеры были созданы на кристаллах флюорита, активированных ионами самария или урана. Ранее, были опубликованы статьи Феофилова, в которых были детально изучены спектры поглощения и люминесценции этих двух кристаллов. Ученые, использовавшие кристаллы для изготовления лазеров, ориентировались именно на статьи Петра Петровича. Порто, изготовивший лазер на флюорите с ураном, португалец по происхождению, маленький, экспансивный человек, пританцовывая от волнения, всплескивал ручками и восклицал: «Как я счастлив встретить Вас! Ведь благодаря Вам я смог сделать свой лазер!»

Тесное сотрудничество установилось у меня с сотрудниками Казанского университета. Кафедрой радиоспектроскопии и квантовой электроники университета руководил Семен Александрович Альтшулер, один из ученых, введших в физику представления об электронном, ядерном и акустическом резонансе, создавших методы их исследования и соответствующую аппаратуру, использовавших эти методы для изучения вещества. И светлый человек.

Между лабораторией Петра Петровича и его кафедрой установилась связь, плодотворная для обеих сторон. Первым гонцом из Казани был Максуд Зарипов. Я водил его по лаборатории, знакомил с людьми, потом мы пошли обедать. Лаборатория располагалась на последнем, четвертом этаже, и мы спускались по широкой винтовой лестнице этого когда-то роскошного здания. До революции здесь был особняк купца первой гильдии Елисеева, которому принадлежали большие магазины в Москве и Петербурге. По дороге Максуд, наклонившись ко мне, спросил: «Александр Иосифович, а правду говорят, что до революции здесь был публичный дом?» «Максуд Мухамедзянович, Вас жестоко обманули. Это сейчас здесь публичный дом, а до революции здесь жил купец Елисеев», - ответил я.

Когда в Ленинград приехал сам Альтшулер с двумя молодыми сотрудниками, то по протоколу его должен бы был принимать сам Петр Петрович, но он по какой-то причине не мог в тот день быть в ГОИ и поручил это опять-таки мне. Я как мог ознакомил их с деятельностью лаборатории, а затем отвел в преподавательский зал столовой университета, которой мы часто пользовались. В Казани,

как и в большинстве городов, если не во всех, с продовольствием дело было много хуже, нежели в Москве и Ленинграде; гости взяли первое блюдо и по два вторых. Насытившись и придя в благодушное расположение духа, Семен Александрович стал расспрашивать о моей семейной жизни, увлечениях и т.п., и в ходе разговора заметил: «Вы, конечно, родились после войны». С высоты его приблизительно шестидесяти лет, ему что двадцать пять, что тридцать пять, видимо, было все едино. «Да, - ответил я,- если Вы имеете в виду первую мировую». Молодые казанцы дружно поперхнулись шницелями.

Часто наезжал сюда Лев Шекун, человек общительный, любознательный и веселый, несмотря на плохое здоровье. Как правило, Каплянский, Захарченя и я устраивали междусобойчик с его участием и приятно коротали вечер в дружеских беседах. Захарченя называл эти встречи «шекунниками» и иногда говорил: «Что-то шекунника давно не было». К сожалению, Лев рано скончался, и шекунники прекратились.

Я часто бывал в Казани, взаимодействовал с сотрудниками кафедры и группы, которая выращивала кристаллы. Самая прочная связь у меня была с Борисом Залмановичем Малкиным, с которым мы по сей день остаемся большими друзьями. Он, что называется, «подвел теорию» под некоторые наши эксперименты, и мы опубликовали пару статей. Я был два года назад в Казани, жил на его квартире, которую он освободил для нас с Лерой, переехавши с женой Жанной на время конференции к дочери. Казань приятно поразила меня своим благополучным видом – по сравнению с большинством городов нынешней России, да и со столицами - чистыми улицами, общим обустройством жизни, тем, как выглядят и ведут себя студенты университета. По-видимому, многолетний «начальник» Татарии Шаймиев, который и после ухода от дел, вероятно, остается «серым кардиналом» этой республики, понимал, что заботиться надо не только о собственном кармане (по этой части у него тоже было все в порядке), но и о состоянии дел на подвластной ему территории.

Прочную связь я имел с Институтом физики эстонской Академии Наук в Тарту, регулярно посещал этот уютный город, к которому я прикипел душой. Я имел долгие беседы со своими однокурсниками Карлом и Любой Ребане, учеником Карла талантливым Володей Хижняковым, основательным Николай Николаевичем Кристоффелем, Славой Лущиком, они работали над кругом проблем, близких к тематике феофиловской лаборатории. Не могу не упомянуть о том, что, когда у меня в 1971-ом году внезапно скончался отец, и я сказал об этом случайно встреченному в ГОИ Карлу, он, понимая мое состояние, оставил все запланированные

на вечер дела, поехал со мной домой и просидел допоздна. Такое не забывается.

В Физическим институте Академии Наук (ФИАН) я имел дело с сотрудниками лабораторий М.Д. Галанина и А.М. Прохорова, в 1964-ом году получившего, вместе с Н.Г. Басовым и американским ученым Таунсом Нобелевскую премию. В лаборатории Прохорова я чаще всего общался с выдержанном и корректным Славой Осико (ныне академик). У него было своеобразное чувство юмора. Помню, как на одной из конференций, работавший в Институте кристаллографии АН (ИКАН) эмоциональный Саша Каминский (ныне член-корреспондент АН) встал с кресла и начал, яростно жестикулируя, дискутировать с докладчиком, временами перегибаясь через барьер. Сидевший рядом Осико спокойно посоветовал: «Саша, ломай барьер».

Прохоров иногда бывал у нас в лаборатории. Однажды я встретил выходящего из своего кабинета слегка растерянного Петра Петровича. Я спросил его, не случилось ли чего, он сказал, что заходил Прохоров, справлялся об отзыве на докторскую диссертации Осико, у которого Петр Петрович был одним из оппонентов. Когда Петр Петрович указал на некоторые недочеты в работе, Прохоров пришел в крайнее возмущение и накинулся на него со словами: «Что, мы им будем степени присуждать, когда они уже на четвереньках стоять будут?!» «И, – добавил Петр Петрович смущенно, – понимаете, все матом, матом». Во время войны Прохоров служил в пехоте разведчиком, и в его лексикон входил словарный запас тех лет. Для интеллигентного, в высшей степени деликатного Петра Петровича подобная «мова» была шоком.

Осико, конечно, благополучно защитился. В то время он разрабатывал ранее не применявшийся метод выращивания кристаллов и использовал его для получения нового полудрагоценного камня – фианита, который нашел применение в ювелирном производстве. В последующем круг интересов Осико расширился и включал многие кристаллы, которыми занималась и наша лаборатория.

Я бывал в Институте кристаллографии АН (ИКАН), много общался с заместителем директора Борисом Константиновичем Севастьяновым, хорошим специалистом по выращиванию кристаллов оксида алюминия. Природный кристалл этого соединения – минерал называется корундом. Содержащий ионы хрома корунд именуется рубином. Рубин можно получить и синтетически, т.е. путем выращивания, но тогда он не будет иметь естественной огранки; именно на синтетическом рубине был сделан первый лазер. Активированные ионами титана, кристаллы оксида алюминия являются важной лазерной средой. Севастьянов был интересный человек, но, на мой взгляд,

Фото 80. С.А. Альтшулер (слева) и Б.З. Малкин.

Фото 81. Мы с Б.З. Малкиным, председателем Програмного комитета Феофиловского симпозиума в Казани, и председателем Локального Оргкомитета С.И.Никитиным (в центре) обсуждаем программу заседания. 2013-ый год.

Фото 82. На банкете после окончания Феофиловского симпозиума
в Казани, 2013-ый год. Справа – Лера, я и М.Н. Попова,
слева – напротив Леры В.С. Запасский, далее В.В. Овсянкин и Б.З. Малкин.
Последний с этой стороны стола – Б.С. Цукерблат.

Фото 83. На российско-немецком семинаре,
2003-ий год. В первом ряду первый слева – я, рядом К.К. Ребане.

с отклонениями – при начале перестройки он, естественно, член партии, активно занялся общественной деятельностью, стал членом не то ее райкома, не то обкома, и вел активную борьбу за сохранение КПСС, хотя по общению на конференциях, да и при встречах к советской власти относился «как все». Позднее, смеясь, сообщил мне, что его дочь и ее муж «для прикола» голосовали за Жириновского.

Были у меня в ИКАНе полезные контакты и с другими, менее экзотическими людьми, институт был хороший.

В Институте спектроскопии Академии Наук (ИСАН), находившемся в Троицке под Москвой, я общался с его директорами, С.Л. Мандельштамом и сменившем его на этом посту Е.А. Виноградовым, перешедшим в ИСАН из ФИАНа (я был оппонентом на защите его докторской диссертации), Г.Н. Жижиным и его сотрудницей, М.Н. Поповой. С Мариной Николаевной мы стали друзьями, у нас были тесные рабочие контакты, интересные для нас обоих. Много времени я проводил в беседах с Р.И. Персоновым, выдающимся специалистом в области молекулярной спектроскопии, нас сближала не только наука, но и общий интерес к горам, иногда, начавши беседовать в ИСАНе, мы продолжали общение у него дома. Он, к сожалению, рано скончался от лейкемии. ИСАН был сравнительно недавно создан, коллектив там подобрался очень активный и квалифицированный, поездки туда были, как правило, очень информативны.

Я продолжал поддерживать контакт с коллегами из ФТИ. В 1972-ом году во время Международной конференции по люминесценции в Ленинграде я познакомился с сотрудницей Физтеха Ией Павловной Ипатовой, которая на много лет стала одним из моих ближайших друзей, равно как и ее муж Яков Юрьевич Багров. Ия, одаренный физик, имела прямой, резкий характер, была общительна и остро реагировала на любую, как она считала, несправедливость в отношении кого-либо, любое нарушение моральных или этических норм. Активность ее была чрезвычайной во всем, чем она занималась. Например, поставив пред собой задачу, овладеть в совершенстве английским языком, она, в группе людей, имеющих ту же цель, участвовала в спектаклях, игравшихся на английском языке и делала это с увлечением. Свободное владение языком оказалось не лишним не только при ее многочисленных контактах с зарубежными учеными (их она умудрялась иметь даже в те глухие годы, о которых я веду речь), но и в тяжелые постперестроечные времена, когда она чтобы поддержать семью ряд лет читала лекции в университете Детройта.

Яша, медик по профессии, занимался, в основном,

Фото. 84. В.В. Осико, 2000-ые годы

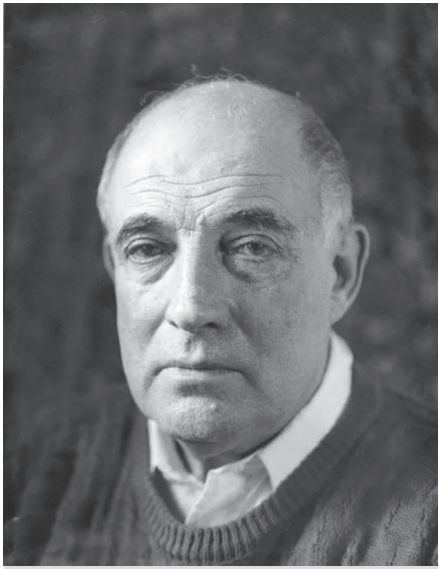

Фото 85. Я.Ю. Багров.

Фото 86. И.П. Ипатова

исследовательской деятельностью в этой области (он работает в Институте эволюционной физиологии и биохимии РАН), но имел и врачебную практику в различных больницах города. Его активность и общительность не уступала таковым качествам Ии, но он более мягкий человек. Яша был любителем и знатоком литературы и поэзии. Среди его знакомых гуманитариев были поэты Давид Самойлов и Иосиф Бродский, выдающийся филолог Лидия Яковлевна Гинзбург, режиссер Юрий Герман, всех не перечесть. Для многих из них он был также лечащим врачом, разумеется, об оплате не шло и речи.

С Ией нас связывали прежде всего общие научные интересы, с Яшей – интерес и любовь к литературе и истории. Я часто посещал их дом, иногда проливал елей при столкновении их сильных, но не полностью совпадающих характеров.

Их сын Алеша, медик по образованию, ведет научную работу в Филадельфии, но дом и семья его в Санкт-Петербурге. Один из внуков Петя – молодой, но уже известный, в том числе за рубежом, специалист по истории кино. Второй внук Сережа, так же как дедушка и отец, медик и его тоже интересует скорее наука, чем практика (видимо, генная теория все-таки справедлива). Сейчас он в Израиле.

К сожалению, где-то в 1990-ых годах мы с Ией разошлись из-за нелепой стычки, в которой обе стороны на проявили терпимости. Несколько лет спустя ее сбила несшаяся на красный свет машина. Яша здравствует, хотя и сильно нездоров, мы часто перезваниваемся.

Эта милая моему сердцу семья занимала большое место в моей прежней жизни и занимает его сейчас в воспоминаниях о прошлом.

Университетская компания съехалась. Все так или иначе устроились. О Вове Грибове я писал, всходила его звезда, он уже имел международную известность. Лиля Грибова (Дубинская) работала в Физтехе, Таня Гутман преподавала в Институте кораблестроения, ее муж Леня Альтшулер – в Сельскохозяйственном институте (потом он перешел в Институт Авиаприборостроения), Вадим Цирель-Спринцсон работал во Всесоюзном институте методик и техники разведки (разумеется, геологической, а не КГБ), Нелли Штейнберг преподавала в Горном институте; в 1955-ом году они с Вадимом поженились. Пути в эти учреждения для большинства из них были весьма тернистыми.

Мы снова встречались, хотя далеко не так часто, как прежде, на днях рождения, иногда в Филармонии. Во всех семьях были дети.

Сима Элиашберг перебрался в Черноголовку, сначала он работал в филиале Института химической физики, затем перешел в Институт теоретической физики им. Ландау.

Десятилетие 1970-1980-ых годов было самым «беззаботным» периодом моей рабочей жизни. Я активно и плодотворно, как мне кажется, работал, ездил по стране, познакомился с большим количеством интересных людей, многие из которых стали моими друзьями, и был удовлетворен всем этим.

Мои семейные обстоятельства, напротив, оставляли желать лучшего. В 1971-ом я потерял отца и только после его ухода по-настоящему осознал, что он для меня значил. Не могу этого объяснить, но оставшаяся после этого пустота вызвала острое желание продолжения рода. Через год родился мой второй сын Олег, его старший брат Алексей появился на свет в 1967-ом году. Похоронные хлопоты, затем настоятельные, но безуспешные попытки съехаться с матерью, о чем я писал в первой главе, доставляли немало переживаний. Но жизнь брала свое, со временем все как-то сгладилось и уладилось.

Глава 8
Государственный оптический Институт (часть 2)

Выше я кратко описал некоторые подробности биографии Петра Петровича Феофилова. Здесь я попытаюсь более подробно рассказать о нем, как о человеке и начальнике лаборатории. Я имел счастье работать с ним в течение тринадцати лет. Я был лет на восемь-десять старше большинства сотрудников лаборатории, за исключением В.А. Архангельской и химика А. Трофимова, последний не был непосредственно вовлечен в научно-исследовательскую деятельность и держался насколько особняком. Петр Петрович мне доверял. Его маленький кабинет и комнату, в которой располагалась моя группа, разделяла дверь, и наше общение было достаточно регулярным. Иногда он говорил о лабораторных делах, но никогда не осведомлялся о моем мнении (он считал, что мнение это личное дело каждого), не спрашивал совета (по той же причине). Но был доволен, если я по своей инициативе реагировал на сказанное.

В хорошем настроении Петр Петрович вспоминал забавные случаи из своей редакционно-критической деятельности: он возглавлял редколлегию журнала «Оптика и спектроскопия» и был членом редакций журналов “Optics Letter” и “Physica Status Solidi”, ему поступало на отзыв много предложений из Академии Наук. Из таких его рассказов запомнилось несколько. Один об академике Обреимове, видном оптике, но весьма чудаковатом человеке, который прислал в журнал статью, начинавшуюся так: «Выходя зимой на вечернюю прогулку, каждый видел странное сияние заснеженных фонарей». Далее на трех страницах подробно излагалась необычная, по его мнению, форма этого сияния. Статья заканчивалась словами: «Объяснить этого явления я не могу».

Другая история, связанная с этим персонажем заключалась в том, что, когда Петр Петрович баллотировался в Академию Наук, то Обреимов настоял, чтобы он приехал в Москву и подробно рассказал ему о своей деятельности, что тот и сделал. Обреимов его расспрашивал, интересовался деталями, в общем, разговор был содержательный. На собрании отделения физических наук в числе кандидатур, помимо Петра Петровича, был известный астрофизик, фамилия которого улетучилась у меня из памяти, я буду его именовать по профессии. Обреимов подробно изложил рассказанное Феофиловым и закончил свою пламенную речь словами: «Но я призываю голосовать за астрофизика».

Будем справедливы к заслуженному ученому – он первый предсказал еще в двадцатые годы, что полосы в спектрах поглощения и люминесценции конденсированных сред, т.е. кристаллов и стекол,

Фото 87. П.П. Феофилов в своем кабинете.

должны сужаться при понижении температуры, что совершенно справедливо. Но Д.С. Рожденственский, в институте которого Обреимов работал, был категорически несогласен с этим, и поскольку его оппонент упорно стоял на своем, он был изгнан из ГОИ.

Еще одна история была о присланной ему на отзыв записке отставника-полковника в президиум Академии Наук. Тот писал, что открыл секрет атомной бомбы: на самом деле такой силы взрыв достигается тем, что поставленные крестом и направленные в одну точку четыре орудия одновременно производят выстрел. Можно себе представить, писал полковник, какая энергия выделяется при столкновении снарядов. Того только не сообразил, бедняга, добавил Петр Петрович, что можно еще два орудия поставить по вертикали, что значительно увеличило бы эффект. Вместо того, чтобы отправить эту записку к психиатру, чиновник президиума послал ее на отзыв уважаемому члену-корреспонденту АН, каковым рассказчик к тому времени стал.

Петр Петрович был очень благожелательным человеком. Интересная работа искренне его радовала, где бы и кем бы она не была сделана. Каждому человеку в своем обширном окружении он не упускал случая сообщить что-то для него полезное: ссылку, факт и т.п. Ему было свойственно то редкое качество, которое может быть названо «гостеприимством ума» и которое, если не уничтожало, то значительно сокращало дистанцию возраста, жизненного опыта, положения, отдаляющую его от собеседника. А круг его собеседников в эти годы был огромен и не ограничивался лабораторным штатом. Петр Петрович был признанным лидером быстро развивающегося и имевшего значительный практический интерес научного направления, спектроскопии активированных кристаллов. К нему приходили с самыми разными проблемами люди из многих учреждений со всех концов страны. Дело было не столько в его умении дать правильный совет (давать советы Петр Петрович не любил), сколько в заинтересованности и терпении, с которыми он вникал в любую проблему. Он внимательно слушал, изредка задавал вопросы, и в ходе разговора его собеседник как бы оказывался в состоянии взглянуть на свою задачу со стороны и самостоятельно найти ее решение или хотя бы путь к нему. При том, что Петр Петрович, казалось бы, ничего определенного ему не сказал. Таков был удивительный эффект от бесед с ним.

Он был снисходителен к людям и их слабостям, считая, что каждый волен жить на свой манер, лишь бы не в ущерб другим (и делу). Среди немногих качеств, которые он безоговорочно осуждал, были демагогия, лень и – худшее, что он мог себе представить –

научная недобросовестность. Допустившего такой проступок, он называл «жуликом» (вариант – «арап»), это был для него человек конченный. Ценил он больше всего активность. Обладателю этого качества прощалось многое. Разумеется, на его жизненном пути встречались очень активные люди, не отвечающие его научным или моральным стандартам, но разочарование в них не изменяло его общую позицию в этом вопросе.

Сам Петр Петрович не производил впечатления особо активного человека, но в нем поражала его постоянная, не зависящая от настроения или состояния здоровья, предрасположенность к работе, не прекращавшаяся, ничем не отвлекаемая работа ума.

Между Петром Петровичем и людьми, которые работали вместе с ним и под его началом, складывались отношения, не часто встречающиеся в научном мире. С его стороны они основывались на доверии и терпимости. Он обычно ставил перед сотрудником задачу в общем виде, не оговаривая путей и средств ее решения, указывал лишь направление или объект, заслуживающий, по его мнению, внимания. Даже если ему казалось, что сотрудник идет по неправильному пути, он ограничивался молчаливым неодобрением, не высказывая его и не оказывая на человека давления. (Лабораторный фольклор: «А Пэ Пэ как замолчит на меня!» - перифраз из Корнея Чуковского). С самостоятельными, деятельными людьми, а таких в его окружении было много, подобный способ воздействия был вполне эффективен. Естественно, были и издержки.

К своей известности (можно употребить и слово «славе») Петр Петрович относился с долей иронии и самокритичности. Я однажды спросил его, почему он не подает на звание академика. Он что-то ответил насчет сложной процедуры. Я ему сказал (бесцеремонно, каюсь): «Но ведь вы-то сами знаете себе цену». Он ответил: «Потому и не подаю».

Я упоминал о некоторых, наиболее ярких людях в его окружении и рассказал о сотрудниках своей группы. С Верой Александровной Архангельской работали молодые Саша Щеулин, Андрей Полетимов, Инна Мокиенко, Катя Гусева. В группе Ткачук были Саша Федоров и Миша Петров, как и я, заядлый альпинист, сильный спортсмен; он иногда ездил летом на строительства электростанций в горных районах Сибири и Средней Азии, обеспечивая безопасность проведения горных работ. У Володи Овсянкина некоторое время работал сын А.М. Бонч-Бруевича Витя (позднее он перешел в лабораторию Александрова), Коля Костин, теоретик Витя Малышев, Ваня Игнатьев. Была дружная группа, руководимая Шуриком Абрамовым, славным, открытым, прямым до резкости человеком,

в нее входили его симпатичная жена Ира (их двоих так и звали – Шурики), способный и молчаливый Илья Герловин, молодая Ира Разумова (о ее сестре Тане, работавшей у Бонч-Бруевича, я упоминал выше). Валерий Запасский, по-моему, работал в одиночку. Он дружил с Александровым, они сделали ряд совместных работ и даже написали небольшую монографию по радиоспектроскопии; они продолжают сотрудничать до сих пор. При лаборатории была механическая мастерская, в ней работали старожил лаборатории Володя Городчанин и еще один механик. Это перечисление относится к концу 1970-ых годов, в нем указаны, разумеется, не все сотрудники лаборатории, и я не касаюсь состава ростовой группы.

Петр Петрович был инициатором симпозумов по спектроскопии активированных кристаллов. Первый из них состоялся в Москве в 1965 году, с тех пор они проводятся регулярно. Симпозиумы были интересны как по своей тематике, так и по составу приезжавших туда людей. Я свел там знакомство и подружился с многими учеными, работающими в этой области. После смерти Петра Петровича симпозиумы стали именоваться «Феофиловскими». Очередной, шестнадцатый (юбилейный), проводится в этом году в Санкт-Петербурге, меня, к сожалению, не нем не будет. Предыдущие я посещал все, как правило участвуя в их подготовке в качестве члена программного комитета.

В течение двадцати лет вокруг П.П. Феофилова концентрировалась вся деятельность по выращиванию и исследованию примесных кристаллов в нашей стране. Не обладая никакими специальными организаторскими талантами, не любя административной работы, уклоняясь от высказывания определенных мнений и принятия решений, он являлся, смело можно сказать, организатором науки. Такова была сила и власть его таланта, его нравственной позиции, цельности его натуры. Эти его качества привлекали к нему людей и делали его естественным лидером в науке, независимо от его собственных желаний, а иногда – прямо вопреки им. Его огромный авторитет определялся не только его замечательными достижениями и высоким потенциалом. Будучи человеком науки, чуждым каких-либо иных соображений, кроме научных, он создавал вокруг себя моральный климат, который распространялся далеко за пределами ГОИ.

Однажды во время нашего разговора о чисто научных проблемах у него в кабинете Петр Петрович внезапно сказал каким-то сокрушенным тоном: «Вы же понимаете, Вас не назначат (мы никогда об этом не говорили). Да и Запасский наполовину нехорош...» Я промолчал, да и что я мог сказать? Было ясно,

что мысль, что будет с лабораторией «после него» мучила Петра Петровича.

В возрасте около сорока лет Петр Петрович перенес инфаркт и с тех пор был не очень здоровым человеком. Последние годы его лечил по моей просьбе Яша Багров. Он делал все что мог, но организм Феофилова был сильно изношен, и в апреле 1980-го года он скончался от инсульта.

В лаборатории наступило безвременье. Всеми административно-хозяйственными делами заведовал заместитель Феофилова Михаил Владимирович Епифанов, средних лет человек, фронтовик. Был он дотошен, даже въедлив, никакого нарушения порядка в лаборатории не терпел и был до крайности предан делу. Он был холостяком, как и его старший брат Жора, и лаборатория была его домом, а ее коллектив – семьей. Все любили его, хотя иногда беззлобно подшучивали над ним. Под новый год они с Жорой обычно собирали коллектив в своей большой квартире и устраивали роскошное застолье, начиная заниматься подготовкой к нему задолго до праздника. Венцом их гастрономической изобретательности был поданный в качестве главного блюда цельно-жаренный поросенок, старинное российское кушанье, о котором упоминается в литературе, но я этот деликатес не видел ни до, ни после того. Во время Великой Отечественной войны была морская традиция - подавать таких поросят на банкетах, проводимых в честь командиров подлодок, потопивших вражеские корабли, число поросят соответствовало числу торпедированных судов.

С хозяйством, благодаря Епифанову, все было в порядке, но нужна была минимальная координация работ, а, главное, надо было представлять и защищать интересы лаборатории в отделе, институте и во внешнем мире. Вера Александровна Архангельская давно и сильно болела, хотя и продолжала работу. Самый способный, на мой взгляд, сотрудник лаборатории Овсянкин, был экзотическим, малопредсказуемым человеком. Старшим по возрасту, исключая Архангельскую, и единственным доктором наук (с 1972-го года) в научном коллективе был я. Более-менее понимая, какую ношу взвалю на себя (действительность оказалась много хуже моих представлений), я, тем не менее, принял решение – для себя самого. Но беспартийный еврей во главе лаборатории был бы в ГОИ нонсенсом, и на два года лаборатория, так сказать, зависла. Сдвинуть ситуацию с мертвой точки помогли Вячеслав Васильевич Осико, к тому времени ставший членом-корреспондентом АН (с его отделом в Институте общей физики АН, ИОФ, я продолжал тесно контактировать) и мой друг секретарь Научного совета по спектроскопии АН Владимир Борисович Белянин, который переговорил по этому

поводу с председателем совета и директором Института спектроскопии, членом-корреспондентом АН С.Л. Мандельштамом.

После смерти Петра Петровича было решено издать посвященный ему выпуск «Трудов ГОИ». Главным редактором сборника был директор ГОИ Михаил Михайлович Мирошников, в редколлегию вошло шестеро сотрудников лаборатории, в том числе я в качестве его заместителя. Он сам до поры до времени этим делом не занимался, хотя к Петру Петровичу относился с большим уважением и масштаб его личности понимал. Мы на редколлегии решили, что сборник должен содержать не только чисто научные статьи, отражающие все аспекты многогранной деятельности Петра Петровича, но и воспоминания об этом замечательном ученом и человеке. Много народа – сотрудников института, друзей, людей, знавших и его научную деятельность, и его пристрастия (в частности, он был большим библиофилом), и просто давних его знакомых – изъявило желание написать свои воспоминания.

Учитывая биографию и личность Петра Петровича, не приходится удивляться, что многое из искренно и откровенно написанного было «непроходным». Я это отчетливо понимал и считал необходимым подвергнуть такие заметки чистке. Остальные члены редколлегии стояли насмерть – свободолюбивая лабораторная публика хотела «как лучше» и никаких резонов брать в расчет не желала. Что делать – коллектив решил, и мне пришлось представить Мирошникову сборник - как он есть. Мирошников несколько воспоминаний просто отклонил, а по поводу части остальных мне пришлось иметь с ним полемику. Некоторые одиозные места я был вынужден убрать, но в целом получился текст, на мой взгляд, достаточно полно и объективно отражающий личность Петра Петровича. Остальные члены редколлегии с большой неохотой, но вынуждены были согласиться с решением главного редактора. Мирошников просил согласовать воспоминательную часть сборника с курировавшим институт заместителем министра Вадимом Синцовым, и я повез рукопись в Москву. Ранее Синцов был сотрудником ГОИ, весьма талантливым, но избрал административную карьеру и переехал в Москву, где благодаря уму и способностям продвинулся до высоких должностей. Синцов быстро, но внимательно просмотрел текст, после чего мы долго дискутировали. Кое-какие куски некоторых статей он велел убрать, но потери были, как я считал, невелики, основное мне удалось отстоять.

Отвлекусь и расскажу о судьбе Синцова. После начала перестройки возникла смута и неразбериха во всех, в том числе оборонных, делах. Синцов начал успешно (и вполне легально)

продавать за рубеж оборонную продукцию, но, видимо, перебежал кому-то дорогу и был судим «за шпионаж». Перед судом адвокат объяснил ему, что если он признает свою вину, то получит десять лет (довольно гуманный срок по такой статье), если заартачится, то существенно больше. Он на эти условия согласился, и отсидев срок, был выпущен на волю. О дальнейшей его судьбе мне неизвестно. Жаль незаурядного человека, но высоко взлетишь – больно упадешь.

Когда я вернулся из Москвы, то оказалось, что в мое отсутствие остальные члены редколлегии отправили Мирошникову послание, в котором в достаточно хамской, с моей точки зрения, форме выразили свое мнение о произведенной им корректировке текста (в нем фигурировали словечки типа «произвол» и т.п.). Тот, естественно, был возмущен до глубины души, и когда я появился у него, сказал, что он принял решение опубликовать чисто научную часть сборника. Пришлось так и сделать. Должен сказать, что сборник даже в таком виде получился интересным и информативным. Я написал для него вводную статью о Петре Петровиче (небольшой кусок из нее я включил в эти воспоминания), статья была, без ложной скромности, хорошая. Сборник опубликовали и широко разослали. Лет семь-восемь тому назад несколько энтузиастов издали-таки выкинутый текст в первоначальном виде. Хорошее дело, но сейчас это выглядит совершенно невинно и не так впечатляет, да и людей, знавших и любивших Петра Петровича, сильно поубавилось.

Через два года после смерти Петра Петровича в Доме ученых на Неве состоялось заседание, посвященное его памяти. Была куча народа из ГОИ и других заведений, из Москвы приехал С.Л. Мандельштам. Его сопровождал В.Б. Белянин, были и другие москвичи, родные и друзья Петра Петровича. Зал был переполнен, стояли в проходах и дверях. Были прочитаны несколько докладов наших сотрудников и людей со стороны. Я делал первый доклад по мотивам своей статьи в упомянутом сборнике. После заседания ко мне многие подходили, соглашались с услышанным, изумлялись, что я сумел сказать о Феофилове главное в приемлемой по тому времени форме.

На следующий день состоялось небольшое сборище, на котором, кроме Мирошникова, Мандельштама и начальника отдела спектроскопии Непорента (о нем позднее), был Белянин, еще десяток-полтора людей, в том числе, не знаю почему, Ия Ипатова, которая после окончания заседания пришла в лабораторию и, не вдаваясь в детали состоявшегося там разговора, сказала мне, что решение о моем назначении начальником лабораторией принято.

Через пару дней Мирошников пригласил меня в кабинет, вручил

Фото 88. В.Б. Белянин.

Фото 89. Е.Б. Александров поздравляет М.М. Мирошникова с получением медали Русского оптического общества, 2000-ые годы.

приказ, пожал руку и сказал: «Что ж, будем работать вместе». Начался административный этап моей рабочей жизни.

Во многом Мирошников был схож с представителями директорского корпуса заводов сталинского времени, о которых я писал в первой главе. Это был предельно ответственный человек, очень трудолюбивый и хорошо знавший (во многих случаях в деталях) всю многообразную тематику своего огромного института; в лучшие времена в ГОИ и его филиалах работали тысячи сотрудников. В его компетентности в институтских делах я убедился, став позднее членом Ученого совета ГОИ. При возникновении проблем с разработками или изделиями ГОИ он выезжал на предприятия или в другие конторы, сидел там столько времени, сколько было надо для их решения. Разумеется, в нем не было решительности «тех» директоров, их готовности взять на себя риск и ответственность, он должен был постоянно оглядываться на многочисленное начальство, которое в позднебрежневские времена тоже было пожиже, подстать своему шефу. Мирошников был, как правило, корректен, в меру благожелателен. Понимая всю неоднозначность его натуры, я тем не менее относился к нему с уважением, и он мне был симпатичен.

Заместителями директора по науке последовательно были Евгений Николаевич Царевский, Евгений Борисович Александров и Салам Петрович Тибилов (при Мирошникове-директоре – двое первых).

Став начальником, я почти избежал состояния административного азарта (о единственном случае, когда я – и совершенно напрасно – проявил его в начале работы, я расскажу немного дальше), да вольный коллектив лаборатории и не позволил бы мне его проявлять. Я не вмешивался в работу отдельных групп, хотя указал Шурику Абрамову, группа которого после ухода Никиты Толстого испытывала трудности с выбором тематики, на оригинальное направление, которое развивалось в лаборатории А.А. Каплянского во ФТИ. Они начали успешно работать в этом направлении, преодолевая большие технические сложности. Я старался помогать Володе Овсянкину, который в это время выдвинул пионерские идеи, опережающие время. Их суть состояла в том, что оптические процессы в двумерно-периодическом мире протекают совсем иным образом, нежели в обычных трехмерных объектах, в частности, в кристаллах. Эти процессы должны приводить к эффектам, на которых могут быть созданы принципиально новые устройства и приборы; одномерная периодичность тоже живет по своим законам.

Реализация этих идей требовала приобретения дорогостоящего технологического оборудования, и мне пришлось доказывать

целесообразность развития этих работ. Удалось убедить дирекцию в перспективности «низкоразмерной» деятельности, и Мирошников стал ее горячим сторонником. Оборудование было приобретено, но условия его установки и запуска в работу предъявляли жесткие требованию к помещению, в котором оно должно быть размещено.

Несмотря на долгие поиски, подходящего помещения в институте найти не удалось. В это время Володя Овсянкин получил предложение развивать эту тематику в университете и перешел со своей группой в Институт физики при нем. Вместе с ним и сотрудниками его группы ушли Запасский и группа Шурика Абрамова; она несколько лет успешно занималась предложенной мной тематикой, но на данный момент эта тематика оказалась уже не столь актуальной. Соответствующее направление активно развивалось за рубежом, к тому же пришлось реагировать на недовольство Каплянского, которого начала раздражать успешная конкуренция. Развод с Овсянкиным был довольно тяжелым, с ним ушел единственный оставшийся к тому времени механик Городчанин, лишились мы и основной массы металлических заготовок, необходимых в работе. Наши отношения с Володей были на много лет нарушены.

Размещение установок в университете также оказалось непростым делом. Ребятам пришлось самим бетонировать полы огромной комнаты, но, в конце концов, установки были запущены, и работа стала приносить результаты. Вся эта эпопея заняла годы. В это время низкоразмерное направление интенсивно развивалось в России и особенно за рубежом, где технические и технологические возможности были несравнимы с отечественными, не говоря о средствах. У Володи были проблемы со здоровьем. В общем, вполне качественные работы, которые были опубликованы его группой, не имели того резонанса, который они могли иметь в случае своевременного их появления. Володя сетовал, что какие-то из его идей были украдены, т.е. использованы без ссылки на результаты его работ, но в современной науке проблемы приоритета достаточно сложны и спорны – идеи витают в воздухе. Я искренне сожалею, что обстоятельства жизни и особенности личности воспрепятствовали полной самореализации и должной оценке этого столь одаренного человека.

Я потратил немалые усилия для оснащения ростовой группы современным оборудованием, которое было изготовлено для нас в ИКАНе и ИПФе (последний институт был инициатором и разработчиком установки, ее изготовление велось в Институте физики высоких давлений АН).

Не имеющим отношения к работе, но положительным эффектом моего пребывания в этой должности было то, что я смог содействовать

в устройстве на работу в ГОИ своему двоюродному племяннику Юре Рубинову, окончившему ЛИТМО. Он успешно работал ряд лет в отделе А.А. Мака, затем после долгих мытарств эмигрировал в США и сейчас живет в Филадельфии; к сожалению, ему пришлось сменить профессию.

Теперь о том случае, о котором упоминалось выше. Ткачук, исследуя лазерные кристаллы, работала в тесном контакте с отделом А.А. Мака, который занимался лазерной тематикой, ориентируясь на практическое применение результатов. Взаимодействовала она и с руководимым Г.Т. Петровским филиалом ГОИ, в котором велись научные исследования, но основной его целью было полупромышленное производство кристаллов, кристаллической керамики и стекол для различных нужд страны.

Совместно с филиалом группа Ткачук работала над созданием некоего перспективного кристаллического лазерного материала, в эту работу были вовлечены и наши ростовики. У нас с филиалом был договор, касавшейся разработки и исследования этого материала, этот договор был существенен для нас с экономической точки зрения. Во время отсутствия Ткачук (кажется, она была в командировке) я, зайдя в группу и поинтересовавшись состоянии дел с этим кристаллом, узнал от Миши Петрова, что планировавшиеся на этой неделе эксперименты с ним отложены, и будет изучаться другой кристалл. Учитывая важность договора я распорядился изменить график работ, что было недопустимо по сути и противоречило самому духу внутри-лабораторных отношений. Разумеется, когда Ткачук появилась, она была до крайности возмущена. Подобных вещей я больше никогда себе не позволял. Должен сказать, что Ткачук была, что называется «кошка, гуляющая сама по себе». У нее был жесткий, эгоцентрический, если не эгоистический характер, она была человеком, замкнутым на себя. Все это не оправдывает мой поступок; после него мои отношения с ней, и до того не безоблачные, оказались серьезно нарушенными.

Вскоре после того, как я принял лабораторию, не моих глазах скончался от сердечного приступа Миша Епифанов, мой друг, советчик и выручала во всех случаях жизни. Я очень ценил его. Одно лето он провел две недели у нас, в Эстонии, где отдыхала моя семья – Карл Ребане присмотрел для нас деревушку на берегу Чудского озера и отвез туда из Тарту.

Отвлекусь и расскажу об этой деревушке, история примечательная. Метрах в ста от берега озера проходило шоссе. По одну его сторону, ближе к озеру располагалось селение староверов, выселенных сюда бог весть с каких времен. Здесь стояли деревянные

избы, видимо, в том же виде, как они были после переселения, и храм. Я поясню чуть дальше, почему я употребил этот термин. По другую сторону – эстонская часть, ухоженные одно- или двухэтажные коттеджи. При каждом – участок с огородом и фруктовыми деревьями; чистота и порядок, обычные для эстонской деревни. Мы попробовали снять комнату в эстонской части, но – куда там! Увидев двоих детей (Алеше было шесть дет, Олегу не было и года) нам отказали в двух-трех коттеджах – оно и понятно: всюду хорошая мебель, стеллажи с сервизами, кадки с цветами. Нам прямо так и говорили: «С детьми мы не сдаем». Пришлось идти к староверам. В первом же доме нам сказали: «Идите прямо к бабке Ефросиньи (имя условное, правильного, конечно, не помню), она одна живет. Вам там удобнее будет». Пошли к бабке. Та: «Да, господи, живите, сколько хотите. Я сейчас свою комнату освобожу, она попросторнее будет». С трудом уговорили, что в соседней комнате нам будет вполне удобно.

В эстонской части с раннего утра на каждом участке эстонец с лопатой или тяпкой трудится на своем огороде. На российской стороне – каждый вечер коллективные посиделки с поддачей, поочередно в каждом доме (у нас не собирались; из вежливости, конечно). В храме раз в месяц батюшка служит службу, через две недели – пастор читает проповедь. Каждое утро в девять-десять часов эстонские и русские бригады отправляются на рыбную ловлю, привозят ряпушку, это – немыслимо вкусная маленькая рыбка. Никакой вражды между двумя поселениями нет, но несмешиваемость полнейшая. Старожилы не припоминают ни одного межплеменного брака. Оно и понятно.

Потеря Епифанова была для меня тяжелым ударом. Вместо него моим заместителем стала Таня Аркатова, перешедшая к нам из приборостроительного отдела. Женщина умная, толковая, с людьми сходилась быстро, помогала мне, как могла, но Мишу эквивалентно не заменишь...

Кстати, когда мы с Толей Купчиковым стали переделывать стандартный спектрометр, увеличивая интенсивность излучения на выходе за счет его разрешения, т.е. способности различать тонкие детали спектра (такой спектрометр был нужен для изучения комбиационного рассеяния света, т.е. рассеяния с изменением длины волны), она подсказала способ оформления подобной работы, максимально выгодный для ее исполнителей. Оказалось, по подсказанному ей способу можно было получать огромные деньги. Я понял тогда источник обогощения многих сотрудников ГОИ, но применил его по-своему – в ходе выполнения работы (она длилась два года) эти деньги шли на увеличение квартальной премии сотрудников отдела. Обычно, она составляла примерно 30% от заработной платы, в

Г.Т. Петровский

результате сказанного выше она все это время была на уровне 35-45%, а сотрудникам нашей лаборатории я увеличивал премию до 50-70%. Разумеется, «спасибо» мне никто не сказал, да мне и не нужно было. Я считал этот способ жульничеством, отказываться от него не хотел, имея в виду благосостояние вверенных мне сотрудников, но использовать лично для себя и еще пары человек тоже не собирался.

В ходе всех этих событий произошла история, о которой я должен рассказать подробно. В первой половине 1980-ых годов из филиала ГОИ было похищено 150 (!) килограмм платины в виде тиглей; в них производилось выращивание кристаллов. Директором филиала был будущий академик Гурий Тимофеевич Петровский, человек жовиальный, некоторыми чертами характера напоминающий Никиту Толстого, но вполне практичный и деловой, очень знающий. Как директор филиала он был вполне на своем месте. В свое время он перешел на эту должность с кафедры стекла, которой руководил в ЛТИ, захватив с собой группу наиболее способных сотрудников.

Хищение было проведено исключительно дерзко и умело. Грабители, перерезав окаймляющую стену проволоку, по который ночами пропускался электрический ток, преодолели стену, проникли в цех, где велось непрерывное производство и хранились тигли, связали ночную смену и, непонятно каким образом, вынесли тигли с территории. Дальше концы теряются. Масштаб последовавшего скандала и неприятностей для дирекции ГОИ понятен.

Спустя полтора месяца пятнадцать килограмм платиновых тиглей было похищено из помещения ростовой группы лаборатории. Как рассказывал мне Александров, когда Мирошникову об этом доложили, у него побелели глаза от ярости. В данном случае грабители, видимо, торопились – в одном из сейфов, в которых хранились тигли, остался один небольшой, но явившиеся оперативники заляпали его руками, и получить отпечатки преступников было невозможно. Никаких следов на территории института обнаружить не удалось. В ходе разбирательства выяснилось, что тогдашний руководитель ростовой группы А.М. Коровкин нарушал все правила хранения изделий из драгоценных металлов. Регулярная внутренняя – лабораторная – инвентаризация не проводилась (общеинститутская была раз в году) и т.д. и т.п. Я, как начальник лаборатории, разумеется, также нес ответственность за все допущенные безобразия. Меня ежедневно допрашивали, пытаясь выяснить, кто из сотрудников мог

быть наводчиком, но выявить подозреваемую личность не удавалось. В ходе разбирательства следователи обращались даже к экстрасенсам. Их «заключения» противоречили друг другу, за исключением одного – все они дружно указали на путь отхода преступников – низкую арку, отделявшую маленький дворик, на который глядели зарешеченные окна ростовой группы, от основного двора; само собой, никто из экстрасенсов в институте не был. Извлечь что-нибудь из этой информации было невозможно.

Для меня наступили тяжелые времена. В дирекции на меня смотрели как на прокаженного, за исключением заместителя директора по режиму Э.И. Макурова, который как раз был одним из тех, кого это преступление касалось в наибольшей степени. Он держался по отношению ко мне лояльно и даже иногда сообщал, сколько мог, о ходе следствия (к Макурову я вернусь позднее). В течение по крайней мере полугода я еженедельно посещал отделение милиции, и разные следователи заставляли меня снова и снова перебирать сотрудников лаборатории, которые могли быть причастны к этому преступлению… Морально я был готов к тому, что дело дойдет до суда, но кончилось оно, можно сказать, пшиком: мне дали выговор и лишили квартальной премии, Коровкина отстранили от руководства ростовой группой и от работы с платиной (ее, кстати, почти не осталось, за исключением упомянутого тигля и нескольких термопар с платиновой проволокой), ничего серьезного в отношении него предпринято не было. Кажется, на филиале тоже головы не полетели. Честно говоря, я причин такого либерализма не понял, и вся эта история много лет оставалась для меня загадочной.

Года три назад, когда я уже жил в Канаде, друзья связали меня с одним русским в Бостоне, он по своей инициативе занимается расследованием коррупционных преступлений в России и публикует результаты своих изысканий в зарубежной прессе. Вероятно, он занимался этим и в России, но климат как-то не содействовал подобной деятельности. Он просил меня сообщить, что я помнил. Я написал, он поблагодарил и осведомился, может ли он, не ссылаясь на меня, включить мою информацию в свои сообщения, и прислал мне статью, посвященную Петрику, о котором я упоминал ранее в связи с борьбой Александрова с антинаукой. По-видимому, к этому персонажу мой корреспондент имел особый интерес. В этой статье, помимо всего прочего, излагалась его версия хищения в филиале. Описанные им события показались мне правдоподобными, я дополнил их своими соображениями, и далее кратко изложу историю, которая скорее всего соответствует истине, но дать голову на отсечение, что дело обстояло именно так, я конечно не могу.

Так вот, организовалась шайка (или банда, что, вероятно, точнее) в составе нескольких генералов ФСБ – директора Института криминалистики, директора НИИ прикладных проблем Гостехкомиссии при Президенте РФ, видимо, каких-то их заместителей – и Петрика. Они и организовала оба хищения. Генералы обеспечивали техническую сторону дела, сам процесс хищения платины, а Петрик – ее реализацию. Он получил липовый патент на извлечение платины из отходов рудного производства (в статье приводился номер, название и содержание патента). Потом купил огромное количество отходов (был указан номер и приведен текст договора) и – в полном соответствии со своим патентом – (якобы) провел технологические операции, необходимые для извлечения платины из отходов и как бы извлек эти 165 кг, став их собственником.

Цена этой платины сегодня равна примерно двенадцати миллионам долларов. По сравнению с сегодняшней Россией, у которой нет необходимости в таких изощренных операциях и речь идет о миллиардах, а не о миллионах долларов, такая сумма не кажется огромной, но по тем временам! Состоялось громкое разбирательство, был сделан ряд экспертиз, о результатах докладывали Ельцину.

Вся эта деятельность проводилась под руководством тех же лиц, которые участвовали в хищении и, ясен пень, ни к чему не привела. Как именно платина переправлялась за рубеж, как были получены и употреблены деньги – знает один Петрик (и генералы, если живы). Либерализм по отношению к виновникам разгильдяйства, проявленного сотрудниками института и филиала, объясняется, конечно, тем, что поднимать шум вокруг этой истории было совершенно незачем. Как уж это было обеспечено, опять-таки знают генералы. Кто был наводчиком неизвестно, но, судя по ювелирной точности, которая имела место при хищении, это было какое-то высокопоставленное лицо филиала, а хоть бы и сам Петровский, он, кстати, был хорошо осведомлен о нашей ростовой базе. Но вопрос о наводке скрыт еще более густым туманом, чем вся эта история. О времена, о нравы!

Уже в 2000-ых годах я прочитал в какой-то санкт-петербургской газете, что из филиала ГОИ похищено сравнительно небольшое количество платины. Добирали остатки.

Раз уж речь зашла об этом ведомстве, то я вернусь к Эдуарду Ивановичу Макурову. Зам по режиму в оборонном институте, само собой, являлся действующим его сотрудником. Макуров – второй его представитель, с которым мне пришлось соприкоснуться. Первым (не считая Сани, о котором я рассказывал в главе о горах) был один

из его предшественников на этом посту, немолодой человек, фамилии его я не помню. В 1972-ом году при проведении конференции по люминесценции я выполнял обязанности заместителя председателя программного комитета Феофилова, и мне приходилось по делам, связанным с зарубежными докладчиками, много общаться с ним. Он оперативно и благожелательно решал возникающие проблемы, и между нами установились нормальные, я бы сказал, приязненные отношения. Мы частенько сидели за одним столом в обеденный перерыв, разговаривали. Я знал, что он воевал. Будучи ребенком военных лет, я испытывал интерес к людям, прошедшим через горнило войны. Однажды стал расспрашивать его об участии в ней, и разговор коснулся Финской компании 1940-го года. Вдруг он сказал: «Это была несправедливая война». До сих пор, вспоминая об этом эпизоде, я испытываю неловкость, что промолчал.

С Макуровым я познакомился при следующих обстоятельствах. В то время, когда я уже стал начальником лаборатории, у меня возник какой-то вопрос, связанный с предполагаемым визитом зарубежного ученого. Я позвонил ему и договорился о встрече. В комнатке, где он сидел, я застал незнакомого человека. Оба они были молодые люди, второй постарше, высокие, спортивной комплекции. «Александр Иосифович, - говорит Макуров, - это куратор нашего института. Вы не будете возражать против его присутствия при разговоре?» Я, естественно, не возражал и изложил свой вопрос. Но разговаривать со мной стал не Макуров, а этот куратор. Не отвечая на мой вопрос, он стал задавать свои вопросы. Типа: «У Вас не может не быть родственников за границей, как Вы с ними общаетесь?» И все в таком же роде. Причем вопросы задавались не так, прямо и грубо, а как-то обтекаемо, по форме вежливо, по сути оскорбительно. Я был в растерянности, сознавая, что он прекрасно понимает, что никаких частных зарубежных контактов я не имею и не могу иметь, работая в ГОИ, тем более на руководящей должности. Внезапно меня осенило – это он демонстрирует недавно назначенному Макурову, как с *этими* надо обращаться, обучает его. Мной овладело холодное бешенство, которое я испытал впервые в жизни (и не довелось испытать позже). У меня вообще-то не очень быстрая реакция, мне свойственно скорее то, что французы называют «остроумием на лестнице», т.е. после окончания разговора, но в данном случае я был настолько взбешен, что как-то мобилизовался и начал отвечать на его вопросы в том же духе – как бы вежливо и откровенно, а, на самом деле, уходя от ответа. Побившись со мной какое-то время, он утратил интерес ко мне и умолк. Макуров быстро решил мою не слишком сложную проблему, и я, попрощавшись, ушел. Впоследствии мне не раз приходилось

иметь с ним дело, он всегда был корректен, более того, в разговорах об институтских делах временами весьма откровенен, я отвечал ему тем же.

Как-то мне пришлось обратиться к нему по неординарному поводу. Сотрудник лаборатории Миша Петров, о котором я упоминал, забыл в электричке свою сумочку, на арго называвшуюся, не знаю почему, «педерастовка», а в ней: записная книжка с адресами какого-то француза и поляка (скорее всего, альпинистские знакомства), секретная карта района Карельского перешейка, в котором расположены «Скалы», и книга «В белые ночи» израильского премьера в 1977-1983 годах Менахима Бегина, который в 1940-ом году был в Вильнюсе арестован советскими властями и приговорён к восьми годам лагерей как агент британского империализма и социально-опасный элемент.

В этой книге рассказывается о его пребывании в тюрьме и лагере. В 1941 году Бегин был освобожден как польский подданный – он родился в Брест-Литовске и провел там юность, в связи с его активной сионистской деятельностью вынужден был бежать в Литву, где его и застало советское вторжение; после освобождения он вступил в армию Андерса и в конце концов оказался в Палестине.

Этот Мишин набор был передан куда надо, и встал вопрос об его увольнении. Какая судьба его ждала с волчьим билетом было понятно, и я пошел к Макурову. Когда я заговорил с ним, он с возмущением заметил, что именно он, Макуров, снабдил альпинистов ГОИ этой картой (тоже примечательная деталь). Я убеждал его, какой Миша ценный работник, как он нужен лаборатории, говорил о его работе на стройках, какой это славный парень и т.д. Макуров сухо сказал в ответ на мои пространные речи: «Сделаю, что могу», и я ушел без уверенности, что мое вмешательство будет иметь результаты. Тем не менее, Миша получил строгий выговор, какое-то еще ерундовое взыскание, и его оставили в покое. Как мне впоследствии говорили в дирекции, по такому достаточно мелкому для КГБ делу, решение должен был принимать «местный» человек, и Макуров из-за своего «либерализма» имел крупные неприятности.

Рассказывая об всем этом, не могу не вспомнить Герцена, он в «Былом и думах» приводит историю, с пожилым жандармским офицером невысокого ранга. Будучи послан арестовать польского инсургента во время восстания 1830-го года, офицер не смог этого сделать, застав инсургента в его убежище с молодой женой, державшей на руках закутанного в лохмотья новорожденного ребенка; она спросила его: «И вы хотите лишить это дитя отца?» Герцен пишет по этому поводу (не буду разыскивать цитату, привожу по памяти, но

по смыслу точно): «Нет ничего опаснее, как судить о человеке по его принадлежности к той или иной конгрегации. Он мог попасть туда по воле случая или даже, оказавшись там сознательно, вдруг понять, что ревностное исполнение служебного долга противоречит понятиям, внушенным ему с детства».

Жизнь столкнула меня с иного рода представителем этого ведомства. Об этом я расскажу в последней главе.

Выше я упоминал о начальнике отдела спектроскопии Б.С. Непоренте. Бертольд Самуилович был видным ученым, и несмотря на свое происхождение занял значительный административный пост, не в последнюю очередь благодаря активному участию в общественно-партийной деятельности. Он вообще стремился иметь максимально хорошие отношения с партийным и институтским начальством, быть в курсе дел «наверху» (кстати, именно он в 1952-ом году обратил внимание дирекции на целесообразность привлечения Феофилова к проблеме потемнения флюоритовых фильтров). Не скажу, чтобы это накладывало значительный отпечаток на его взаимоотношения с сотрудниками отдела, но что повлияло на научную деятельность этого несомненно талантливого и знающего человека – это точно. Как ученый, он мог сделать гораздо больше того, что им было сделано в сфере молекулярной спектроскопии. Он был разумным начальником, ему не был свойственен административный азарт, он не вмешивался сверх необходимого в работу отдельных лабораторий и умело представлял и защищал интересы отдела перед институтским начальством. Его отношения с сотрудниками отдела вполне можно назвать нормальными, хотя замечать меня и здороваться со мной он начал года через три-четыре после моего появления, когда я стал старшим научным сотрудником. Разговор с ним затруднял очень быстрый темп его речи.

Расскажу один забавный случай. На проходившей в Таллине конференции по спектроскопии Непорент делал доклад, иллюстрируя его многочисленными слайдами, их было показано штук двадцать. На большинстве из них демонстрировались многочисленные потенциальные кривые. Каждая кривая состояла из двух парабол, смещенных по горизонтали друг относительно друга и соприкасавшихся в одной точке, причем нижние точки парабол были смещены по вертикали, для каждой кривой по-разному (эти две параболы соответствовали основному и возбужденному состоянию данного молекулярного соединения). На большинстве слайдов было приведено по пятнадцать-двадцать кривых различных соединений, и общая картина такого слайда выглядела диковато. Они сопровождались пулеметным комментарием Непорента, он

стремился сказать что-то о каждой из кривых. Разумеется, воспринять, не говоря о том, чтобы понять что-либо при подобном стиле изложения и демонстрации было невозможно. После показа очередного файла Каплянский, сидевший недалеко от меня, внятно произнес: «Солдатский сортир, вид сзади». Треть зала грохнула от хохота. Озадаченный Непорент крутил головой, пытаясь отыскать в аудитории источник столь необычной реакции. Но, поозиравшись, продолжил в том же духе.

Примерно так выглядели слайды, демонстрируемые Бертольдом Самуиловичем

Когда я стал начальником лаборатории, Б.С Непорента уже сменил Валерий Леонидович Ермолаев, мой однокурсник, унаследовавший лабораторию А.Н. Теренина. Непорент перестал руководить не только отделом, но и своей лабораторией из-за ухудшающегося здоровья – он катастрофически терял зрение, вероятно, были и другие проблемы. Однако он оставался сотрудником института почти до восьмидесяти лет. Ермолаев в его новой роли вел себя совсем подругому. Он был самолюбив, явно закомплексован, в любом споре стоял на своем, не воспринимая аргументы оппонента. Не скажу, как он вел себя с другими двумя лабораториями отдела (не считая его собственной), но с нами ситуация достаточно быстро приняла конфликтный характер.

Полагаю, мне удалось более или менее адекватно описать тип людей нашей лаборатории. Помимо сложных отношений с Овсянкиным и Ткачук, головную боль доставляла ростовая группа. Серьезную проблему представляло ее дооснащение, точнее, переоснащение. Новые установки были автоматизированы, в них использовалась компьютерная техника – это были приборы нового поколения, их запуск в работу, не говоря об эксплуатации, был весьма сложен. После смерти Алеши Морозова достойного начальника группы так и не удалось найти. В данный момент ей руководил А.М. Коровкин, немолодой человек, с большим опытом работы, но в узкой области, не имевший ни широкого кругозора, ни внутренней энергии. Значительное число сотрудников, связанных с Овсянкиным, кристаллами уже не занималась, и выбор тематики, которая соответствовала бы актуальным задачам лаборатории и института в целом, тоже был непрост.

В комплекс этих сложных проблем и отношений, с которыми

я управлялся с трудом, начал активно вмешиваться Ермолаев. Естественно, моя реакция была негативной и ситуация приняла конфликтный характер. Конфликты вышли на уровень дирекции и закончились тем, что в 1986-ом году я был назначен начальником отдела спектроскопии, а Ермолаев занял недавно опустевшую должность начальника приборостроительного отдела, занимавшегося разработкой и исследованием спектральной аппаратуры, вместе с ним перешла в этот отдел и его лаборатория.

Глава 9
Государственный оптический институт (часть 3)

«Никто не хочет быть начальником, но никто не хочет иметь над собой начальника». Это далеко не всегда справедливое утверждение, в моем случае соответствовало истинному положению дел. Беда была в том, что уровень моей компетенции не позволял мне в достаточной степени ориентироваться в деятельности двух других лабораторий отдела (что справедливо и в отношении моего предшественника). Но в той или иной степени мне приходилось вмешиваться в их работу, надеюсь, без особого перебора. В этой должности я был не на своем месте. Тем не менее, жизнь сложилась так, что я приложил руку к максимальному сохранению квалифицированных кадров отдела, да и других научных отделов ГОИ (А.М. Бонч-Бруевича и Ю.Н. Денисюка), так что польза от меня все-таки была. Об этом чуть позже.

Став в новой должности членом Ученого совета, я впервые имел возможность получить представление о всей многообразной деятельности огромного института. Небезынтересными бывали заседания Совета по присуждению ученых степенней, членом которого я стал несколько позднее, хотя формализованность и бюрократизация этой процедуры в СССР и России ужасающие, а сама процедура куда как менее эффективна по сравнению с принятой в цивилизованных странах.

Я начал получать неназойливые предложения вступить в партию, которые я вежливо и неизменно отклонял.

В 1988-ом году к 70-летию ГОИ каждому отделу ГОИ было дано право представления на присвоение звания заслуженного деятеля науки и техники, конструктора и т.д. Научные отделы могли представить двух человек. Я представил двух докторов наук старше меня возрастом, причем одного из них Якова Семеновича Бобовича я не любил за вздорный и сварливый характер, но он был крупным ученым, много сделавшим в своей сфере (комбинационное рассеяние света). Игоря Александровича Акимова я не считал таковым. Тем не менее, я предпочел руководствоваться чисто формальным критерием. По-видимому, я был единственным из начальников отделов, не претендовавшим на это звание Впоследствии я пожалел об этом, поскольку в Политехническом институте, в котором я совместительствовал, за это звание платили на 40% больше, да и в ИТМО, где я работал (и работаю до сих пор), оно мне бы пригодилось. Но я как-то всегда не любил «не заработанное».

Конец этой работы был связан с перестройкой и последовавшими за ней событиями.

Формально курс на политическую реформу был объявлен летом 1988-го года, а с 1989-го года начал свою работу первый Съезд народных депутатов СССР. Кто мог, бросал дела и не отрывался от голубого экрана, на котором невиданная до тех пор картина политической борьбы мнений. Было ясно, что эта борьба может переменить (и переменила) судьбу страны. В институте добрая часть работников тусовалась в комнатах, где были телевизоры. Замечу, что в одном из последующих съездов (всего их было пять) участвовали двое Толстых, Никита Алексеевич и Миша. Вспоминаю, что позднее, когда на горизонте появился и стал видной фигурой Ельцин, по телевизору – а ленинградское телевидение было наиболее политически активным и прогрессивным в то время – показывали встречу Ельцина с группой его местных сторонников-демократов. Среди участников встречи был Миша Толстой, который поучал Ельцина как тому следует формировать свою команду. Он наставительно говорил ему: «Короля играет свита». Ельцин скромно слушал Мишины советы. Политическая жизнь Никиты участием в съезде ограничилась, Миша, кажется, еще некоторое время подвизался в местном демократическом лагере.

То, что происходило в течение этих лет вполне соответствует определению Натана Эйдельмана – «Революция сверху». Как и всякую революцию, ее – по Карлейлю – задумывали романтики, осуществляли фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи. Горбачева и Яковлева можно условно считать романтиками, поскольку, понимая, что «так жить нельзя», они плохо представляли себе как именно следует, подобно Моисею, вернуть народ в более благоприятные условия жизни и не осознавали, что надо было – по Моисею же – лет сорок приучать народ к этой жизни, да и о жизни этой они имели самые туманные представления. Столь же условными фанатиками являлись толпы москвичей, вышедших летом 1991-го года на улицы, протестуя против намерений ГКЧП вернуть страну в прошлое. Кто безусловно вписывается в афоризм Карлейля – так это нынешние бенефициары ее преобразования.

Конкретно ГОИ перестройка коснулась, когда для руководящих кадров была введена выборная система. Мирошников, считая ниже своего достоинства конкурировать с кем-либо за должность, которую он занимал в течение многих лет, в 1989-ом году ушел на пенсию, но оставался в институте, занявшись редакционно-издательской деятельностью. Потом он стал почетным директором института, руководил Советом по присуждению ученых степеней, но в деятельность ГОИ совершенно не вмешивался.

Состоялось общее собрание сотрудников, актовый зал был переполнен, хотя присутствовали далеко не все – кому-то было не до того, не присутствовали сотрудники филиала; кажется, тогда он существовал уже в виде отдельного института (НИИТИОМ - Научно-исследовательский институт технологий и оптических материалов).

Баллотировались три самовыдвиженца, заместитель Мирошникова Б.А. Ермаков, мой старый знакомый, когда-то работавший в нашей лаборатории Л.Б.Глебов и еще один человек, имени которого я не помню. Был выбран Глебов. Его директорствование было недолгим (1989-1990 гг.). Разгул демократии по этой части кончился, и министерство стало вновь назначать руководителей. На место Глебова был поставлен Ермаков, а Глебова, чтобы не унижать коллектив – с людьми еще считались, сделали его заместителем, не оставив ему сколько-нибудь существенных полномочий.

Прежде чем продолжить изложение этой свистопляски с директорствованием в ГОИ, скажу коротко о дальнейшей судьбе Глебова. На филиале он активно участвовал в разработке некоего сорта стекла, чрезвычайно полезного для лазерной техники, это стекло не используется как лазерная среда, но может быть основой устройств для управления лазерным излучением и его преобразования. Во второй половине 1990-ых годов Глебов свалил в США, прихватив технологию его варки и нескольких толковых сотрудников. Там он организовал его производство. В настоящее время он сотрудничает в университете Флориды и работает в процветающей фирме, производящей это стекло, оно имеет широкое применение. Возглавляет фирму его сын. Глебов – автор и соавтор ряда полезных обзоров по свойствам и применениям этого материала.

Через два года после назначения Ермаков скоропостижно скончался, и в институте началось смутное время. Его перепитии несколько стерлись в моей памяти. Видимо в связи с активно идущим процессом распада прежней системы управления, функции не то назначения, не то представления в министерство кандидатуры директора были предоставлены Совету ГОИ. Претенденты были, но все члены Совета понимали, как много в складывающейся обстановке зависит от человека на этом посту, поэтому дискуссии были длительными и напряженными. Я принимал в этом обсуждении активное участие, хотя ввязался в общеинститутские дела несколько раньше. Уровень моей активности дошел до того, что на одном из заседаний А.А. Мак, с которым мы были знакомы с давних времен и с отделом которого сотрудничали много лет, предложил мою кандидатуру. От этого предложения я немедленно и с ужасом открестился, да и другие не без изумления его восприняли.

Не помню почему, но обсуждение кандидатуры было предоставлено комиссии из трех человек, Мака, начальника большого оборонного отдела Ю.А. Гоголева и меня. После обсуждения мы решили, что наименьшим злом будет выдвижение главного инженера института Пучкова, который был в числе претендентов. Мы исходили из того, что, не будучи ученым, он в дела отделов вмешиваться не будет, а по роду своей работы, вращаясь в министерских кругах, имеет там знакомства и может быть полезен в обеспечении института средствами в это тяжелое время. Совет согласился с нашими доводами, и директорствовать стал Пучков. Его правление продолжалось два года (1992-1994 гг.) и ничем примечательным не запомнилось. (Складывается ощущение, что мое изложение напоминает «Историю города Глупова» Салтыкова-Щедрина.)

Финансирование института постепенно сокращалось, и в 1990-ом, самом тяжелом году, нам в течение девяти месяцев не платили зарплату. К тому же стало плохо с продовольствием. Институт начали покидать сотрудники. Из нашей лаборатории ушли Андрей Полетимов, Инна Мокиенко, Катя Гусева, Ира Разумова (не перечисляю всех), от отделившегося Овсянкина – Виктор Малышев. Замечу, кстати, что перечисленные мною люди нашли свое место в жизни. А. Полетимов успешно занимался бизнесом (на тот момент, когда я последний раз о нем слышал), Е. Гусева (сейчас Романенко) возглавляет гильдию риелторов Санкт-Петербурга, она является заместителем председателя Всероссийской гильдии, членом международного риелторского объединения, судьей Медународного коммерческого арбитража, владеет фирмой, И. Мокиенко – лучший агент этой фирмы. Мы имели с Е.В. Романенко и И.Ю. Мокиенко дело при продаже квартиры, когда покидали Россию, они провели эту операцию безукоризненно. И.К. Разумова ведет работу по информационному обеспечению научных библиотек России, она имеет широкие международные связи, В.А. Малышев много лет успешно работал в разных странах (Испании, Германии, Голландии).

Институт в это время представлял мрачную картину. Лишь малая часть сотрудников продолжала работать, остальные заботились кто как мог о хлебе насущном вне его стен, многие просто уволились. Пустые комнаты, пустые давно неприбранные корридоры больших зданий – вспоминались заключительные кадры фильма Стенли Крамера «На последнем берегу», в котором описываются последние месяцы Австралии – единственного материка, на котором после атомной войны сохранилась жизнь, но и на нем она скоро погаснет; в финале ветер гонит бумаги и газеты по улицам вымершего Сиднея...

Экономический кризис породил широкий размах «челночного

бизнеса» - неупорядоченной торговлей привозимого из-за рубежа ширпотреба. В него ушли многие люди из науки. Кто мог - занялся мелким бизнесом.

Оставшиеся люди выживали, как могли. Мы продали все, что можно продать, а ценных вещей в доме не было. В моей комнате на шведской стенке висел мешочек с сухарями из отвратительного серого хлеба, который только и был в продаже, и когда подпирало, я доставал из него пару-тройку сухарей. Но детей мы старались кормить нормально.

Из любой командировки я старался привезти домой что-нибудь из еды; ситуация с продовольствием была на переферии существенно хуже, нежели в столицах, но где-то что-то да можно было раздобыть. Помню, как в Тарту мне отказались продать полкило сыра, поскольку у меня в паспорте не было эстонской прописки. Мой казанский друг Борис Малкин, который приезжая в Ленинград останавливался у меня, неизменно уезжал с полным рюкзаком мяса, которое он за время командировки умудрялся закупить, к его отъезду им был забит холодильник. Мой родственник, работавший в Институте элементоорганических соединений в Москве, рассказывал, что как-то выглянув в окно во двор института, он увидел немолодого старшего научного сотрудника, кандидата наук, который рылся в мусорном баке, пытаясь найти что-нибудь съестное.

У Леры была племяница, любившая всяческих животных, особенно собак, дома у нее жили три или четыре. Она настолько профессионально ими занималась что ее взяли в бродячий цирк, и она демонстрировала с ними различные трюки. В эти голодные годы она достала где-то козу и держала ее на балконе, и коза регулярно снабжала ее и мать молоком. Вечерами она выводила собак и козу на прогулку, а жили они на третьем или четвертом этаже, так что приходилось пользоваться лифтом. Однажды, когда эта компания возвращалась с прогулки, из спустившегося лифта вышла хорошо поддавшая немолодая супружеская пара. Жена говорит: «Можно подумать лифт для собак построили!» - «Какие собаки, гляди – у них рога!» - «И-и, допился!»

В это время спасением российской науки занялся американский миллиардер Джордж Сорос. Его первым действием в этом направлении была выдача пятисот долларов ученым, которые опубликовали в течение последних пяти лет три статьи в рецензируемых зарубежных журналах. Таковых на всю страну нашлось двадцать пять тысяч, в их числе был и я. Это были по тем временам большие деньги, они обеспечили существование нашей семьи в течение по крайней мере

полугода. Деньги выдавались в Институте этнографии АН на Неве. В коридоре около комнаты, где это происходило, стояла длинная очередь преимущественно из немолодых людей, знакомые тихо переговаривались. Это зрелище производило тягостное впечатление.

Несколько позже возникло российское отделение соросовского благотворительного фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса), которое начало выдавать гранты по многим направлениям научных исследований во всех областях науки. По каждому направлению был создан совет из нескольких видных российских ученых, этот совет отбирал финансируемые научные проекты, поданные на конкурс, и определял сумму гранта. Совет по оптике возглавлял А.М. Бонч-Бруевич, который обеспечил при первом конкурсе получение сотрудниками ГОИ восьми грантов; сумма семи из них была пять тысяч долларов, своей лаборатории он выделил грант в двадцать пять тысяч; разумеется, суммы не декларировались, я узнал это позднее. Я подавал грант по направлению «Физика твердого тела», и в первые два конкурса (они проводились раз в полгода) мой проект «пролетел». В третьем туре наш проект получил грант на двенадцать с половиной тысяч долларов. Доллар к этому времени подешевел, но все же я смог поддержать на эти деньги группу сотрудников. Позднее слегка подвыпивший Сережа Казанский, входивший в эту группу, во время банкета при проведении Феофиловского симпозиума в Казани ни с того, ни с сего сказал мне: «А ведь Вы спасли мне жизнь».

Через пару лет выдача грантов ученым прекратилась, но фонд финансировал какое-то время на конкурсной основе зарубежные поездки ученых (я один раз воспользовался таким грантом) и довольно долго поддерживал высшее образование и научные библиотеки.

Гранты обеспечивали сравнительно небольшие группы сотрудников, положение коллективов трех научных отделов оставалось отчаянным. Постепенно система управления восстанавливалась, и оборонные отделы начали получать какое-то финансирование, научных отделов оно не касалось. Видимо, с министерской точки зрения наука в ГОИ была не так-то уж и необходима. Сидеть, сложа руки, было нельзя, и я пошел к Бонч-Бруевичу – наши дома соседствовали.

Бонч сидел, понуря голову, и находился в необычном для него состоянии полной растерянности. Говорю ему: «Алексей Михайлович, если мы будем ждать у моря погоды, фундаментальная наука в ГОИ кончится». – «Но что мы можем сделать?» Я предложил поднять вопрос на Ученом совете и от его имени послать в министерство письмо, аргументирующее необходимость сохранения и развития фундаментальных направлений деятельности ГОИ, потому что без

их поддержки оборонные отделы будут деградировать. Я же готов поехать в министерство и, хотя я там никогда до этого не был, постараюсь добраться до людей, причастных к финансированию института. Мы за пару часов обсудили текст такого обращения и набросали тезисы, на основании которых Бонч-Бруевич, имевший куда как больший опыт подобной писанины, должен был составить бумагу, которую он согласует с Денисюком, и мы возбудим вопрос на первом же заседании Совета. Директорствовал тогда Пучков. Бонч-Бруевич должен был переговорить с ним и подвигнуть его на то, чтобы он свез эту петицию в министерство и попытался вручить ее начальству со своими комментариями. Было решено, что сам я поеду туда же и попробую сделать что-то «снизу».

Единственным человеком, которого я там знал, был некий Юра Лагуненко. Он некоторое время проработал в ростовой группе лаборатории, потом как-то перебрался в министерство и, будучи человеком неглупым и имея ярко выраженные карьерные наклонности, сумел выдвинуться и ныне занимал там средней руки пост. Он изредка, приезжая в Ленинград, заходил к старым коллегам. Они дали мне его телефон, я договорился о встрече и по приезде в Москву попросил его связать меня с кем-то, кто имеет отношение к распределению денег, выделяемых ГОИ. Таковым оказался пожилой человек по фамилии Бубякин. Он занимал не бог весть как важное положение, но к распределению денег для ГОИ, действительно, имел отношение. Я провел с ним несколько часов, обрисовал ситуацию в наших отделах и буквально пел соловьем. Бубякин выслушивал все это, но как-то вяло реагировал.

Тогда я решился и дал ему понять, что он не останется в накладе, если ситуация будет развиваться благоприятным образом. Он явно оживился и сказал, что учесть наши интересы можно, он попробует это сделать, и мы перешли к конкретному распределению возможных средств по каждой теме наших отделов. С Бонч-Бруевичем мы составили списки тем по нашим отделам, попросили и Денисюка сделать то же. Бубякин называл предельные суммы, которые, по его мнению, можно было выделить на отдел, мне приходилось их распределять по темам, поскольку в Санкт-Петербурге мы так далеко не заглядывали.

По возвращении я увидел, что Бонч-Бруевич предпринял бурную деятельность, о которой мы договорились, и бумага для Пучкова была подготовлена, тот согласился ее продвигать. Состоялось заседание Совета, народ не возражал, поскольку мы настаивали на том, что просим о дополнительных деньгах и интересы уже финансируемых отделов затронуты не будут. Пучков уехал с нашей петицией, а мы

стали ждать, как обернуться дела. Не знаю, что именно и какую что сыграло роль, но ближайшее годовое финансирование содержало оговоренные мною с Бубякинам суммы. Мы с Бонч-Бруевичем ухитрились как-то собрать из первой получки определенную сумму денег (Денисюка решено было не посвящать в эту мало красивую историю), и я отвез деньги Бубякину. Тот совершенно спокойно их взял.

Так я оказался активным участником коррупционного процесса. Удовольствия мне эта история не доставила, чести мне она не делает, но, так или иначе, три научные отдела, насчитывающие несколько сот квалифицированных людей, получили возможность существования.

Я привозил Бубякину время от времени какие-то деньги полтора года, и перестал это делать в связи со следующим инцидентом. Когда возникла небольшая задержка в выдаче очередной зарплаты, ко мне заявился сильно подвыпивший заместитель Бонч-Бруевича по отделу Салятдинов и сказал, что они подозревают, что я, воспользовавшись тем, что один имею дело с Бубякиным, перетянул одеяло на себя. Я выгнал его из кабинета и, независимо от того, говорил ли он правду или сочинил по пьяному делу, поставил крест на этой истории.

Надо сказать, что система финансирования к этому времени как-то устаканилась, и я не уверен, что бубякинская поддержка имела существенное значение. Так или иначе, но практику эту я прекратил. Не помню, в какой форме я при очередной поездке в Москву сказал об этом Бубякину, но он воспринял это спокойно. Мы остались с ним в хороших отношениях. Спустя какое-то время я еще раз обратился к нему, когда намеревался предложить одну работу непосредственно министерству обороны, он помог мне связаться с ним, но побывав в главке этого министерства, я решил, что дело иметь с этой публикой не надо.

Прежде чем продолжить денежную тему, которая имела такое значение в моей жизни на протяжении двадцати лет, остановлюсь на ситуации в институте. Министерству, которое снова вошло в силу, очевидно, надоела вся эта свистопляска с директорами ГОИ, Пучков как руководитель института был пустое место, и в 1994-ом году на этот пост был назначен директор бывшего филиала, а ныне отдельного института Г.Т. Петровский. Первым действием Гурия Тимофеевича была ликвидация научных отделов ГОИ, их преобразовывали в лаборатории численностью не более десяти человек. Я постарался организовать лаборатории отдела таким образом, чтобы сохранить все научные направления и при этом обеспечить (в организационном смысле) их эффективное развитие, с учетом личностных особенностей сотрудников. Это

было сделано за счет некоторого увеличения числа лабораторий, против чего Петровский не возражал. Как я понимаю, его целью было не сокращение персонала, а ликвидация достаточно сильных и независимых научных отделов, что могло каким-то образом помешать ему в управлении институтом. Он стал заметную часть получаемых средств передавать в НИИТИОМ. Этот институт возглавлял новый директор, вполне управляемый Петровским, который остался даже не «серым кардиналом», а реальным хозяином НИИТИОМа. Человек он был умелый по этой части. И вообще был умным человеком.

Относительно своей лаборатории мне удалось убедить Петровского, что ростовая деятельность неотделима от нее; это он понимал и не возражал. Возможно, что были расформированы еще какие-то отделы, но оборонные затронуты реорганизацией не были, это Петровскому было не по силам.

Того, что удалось получать по соросовским грантам и от министерства, хватало на то, чтобы обеспечить физическое существование сотрудников, но денег, необходимых для работы катастрофически не хватало. Получить их можно было только за рубежом, но закрытый характер ГОИ имел следствием то, что контактов с зарубежными учеными у подавляющего числа сотрудников, в том числе и у меня, не было. Сейчас возможность таких контактов появилась.

В начале 1990-ых годов я прочел несколько статей польского физика Ежи Лангера о кристалле, который меня заинтересовал своими необычными свойствами – фториде кадмия. Этот кристалл является широкозонным диэлектриком, т.е. он прозрачен во всей видимой области спектра, но, будучи активирован индием (как позднее выяснилось, также таллием) и прогрет в восстановительной атмосфере, приобретает окраску и своей реакцией на излучение и температуру напоминает полупроводники, которые по большей части непрозрачны в видимой области.

В 1991-ом году очень знающий и активный сотрудник Физтеха, Н.Т. Баграев организовал конференцию по физике примесных полупроводников, что в эти тяжелейшие времена граничило с подвигом. Проводилась она в доме отдыха в Комарове. Ее участниками были преимущественно ленинградские ученые, в основном из Физтеха, приехал и единственный иностранец, Лангер.

Замечу в скобках, что летом 1991-го года, когда проходила конференция, наш город еще звался Ленинград, переименование его в Санкт-Петербург произошло в сентябре 1991-го года.

За два дня до начала конференции мне позвонил Каплянский.

Участвовать в ней он не собирался, но ему было поручено Физтехом встретить Лангера, с которым он был знаком. Саша спросил, не буду ли я возражать, если он из аэропорта привезет Лангера ко мне, чтобы он у меня переночевал, а завтра я бы отвез его в Комарово, он говорит по-русски, очень симпатичный человек и т.п. Видимо, ему не хотелось везти его к себе домой. Я согласился, Лера не возражала, и он вечером привез к нам Лангера. Мы поужинали, поговорили (Лангер, действительно, свободно, хотя не совсем правильно говорил по-русски), утром погуляли по Ленинграду, а во второй половине дня поехали в Комарово.

Нас поселили в одной комнате, так что мы много общались в течение четырех или пяти дней и прониклись взаимной симпатией. Когда я на следующий день после конференции приехал к нему попрощаться в гостиницу АН, он пригласил меня посетить его в Институте физики Польской Академии Наук в Варшаве. Спустя некоторое время, я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за прием и внимание, повторно приглашал нанести ему визит и сообщал, что он рассказал некоторым видным ученым, работающим в этой области, о моих работах, и рекомендовал включить мой доклад в программу международной конференции по примесным полупроводникам, которая должна была состояться в Австрии в 1993-ем году.

Лангер прислал приглашение, обещал оплатить дорогу и проживание, и, оформив необходимые документы, я в 1992-ом году впервые отправился за рубеж. Он встретил меня в аэропорту, поселил в гостинице Института физики, скорее похожей на аспирантское общежитие, показал продуктовый магазин. На следующий день я пошел в институт и начал знакомиться с его работами. Лангер подробно рассказал о них, презентовал многочисленные оттиски, познакомил с коллегами, в общем был весь – внимание. Я узнал, что, действительно, этот кристалл, при наличии в нем индия, по своей реакции на излучение был удивительно похож на некоторые полупроводники, но Лангер считал, что в нем происходят другие процессы, нежели в них. Он полагал, что они согласуются с теорией крупного японского физика Тоязавы. Работы Лангера имели большой резонанс. Он рассказывал, что недавно сделал двадцать пятый приглашенный доклад на различных конференциях (это очень почетно), что на одной из них Тоязава обнял его и благодарил за подтверждение своей теории. Я выразил желание заняться этим кристаллом, и Лангер, приветствуя это, дал мне его образец.

Мы беседовали на разные темы, и он рассказал, почему он неплохо владеет русским. Его отец был сыном польского инсургента,

высланного в Россию после подавления восстания 1863-го года и полюбившего русских людей. Он по возвращению из ссылки обучил русскому языку сына. Отец Лангера в свою очередь старался учить русскому Ежи. Это оказалось для него весьма полезно в университете, потому что русские учебники были значительно дешевле польских.

Я провел в Варшаве две недели. Он пригласил приезжать еще, и мы расстались друзьями.

Когда по приезде я поразмышлял как следует и внимательно перечитал работы Лангера, у меня зародилось сомнение в его правоте. Кристалл, которым он меня снабдил, оказался каким-то «не таким». Намереваясь заняться этим объектом серьезно, я поехал в Институт кристаллографии и обратился к видному кристаллографу Б.П. Соболеву, в лаборатории которого выращивались не этот, но близкие по строению кристаллы. Он переадресовал меня к своему сотруднику, доктору наук П.П. Федорову. Тот, в отличие от своего шефа, внимательно выслушал мой рассказ и обещал, что, вместе со своей молодой сотрудницей Ирой Бучинской, они за три-четыре месяца вырастят нужный мне кристалл, и обещание свое выполнил за более короткий срок. Наша более чем двадцатилетняя рабочая дружба с Павлом Павловичем началась с этой встречи, а последняя из наших совместных работ была опубликована в этом году.

Получив от него кристалл, я поручил Саше Щеулину начать его изучение. Что-то мы сделали, но наше оборудование не позволяло провести весь комплекс необходимых исследований. Я договорился с Лангером, что он примет нас с Сашей, я приеду на две недели, Саша для проведения экспериментов останется еще на месяц или побольше, если понадобится. Весной 1993-го года состоялся мой второй визит в Варшаву. Мы еще раз подробно обсудили экспериментальные результаты Лангера, и к концу моего пребывания я сформулировал для Саши программу работ, которые он должен выполнить. В течение месяца Саша эту программу выполнил, и, когда я ознакомился с полученными им результатами, мне стало ясно, что Лангер неправ. Мы написали статью, в которой, конечно, не было никакой критики в его адрес, а просто излагались результаты опытов и наши выводы, которые противоречили его концепции. В состав авторского коллектива мы включили Лангера и его молодого сотрудника, который помогал Саше при проведении опытов. К некоторому моему удивлению Ежи согласился соавторствовать в статье, противоречившей его взглядам.

Поскольку этот кристалл изменял свою окраску под действием света, я подумал, что в нем может быть записана голограмма, т.е. фиксировано не двумерное, а трехмерное изображение объекта.

Первые же проведенные Щеулиным эксперименты подтвердили это предположение. Голограмма была записана также на кристалле, содержащем не индий, а галлий. Мы, если угодно, открыли новый класс голографических материалов, записанная на них голограмма сохранялась какое-то время, зависящее от температуры, при которой находится кристалл. Такие голограммы называются динамическими, они возбуждаются периодическими лазерными импульсами. Динамические голограммы наблюдались для многих материалов, но в данном случае диапазон времени распада голограммы, обеспечиваемый двумя примесями, был очень велик, а интенсивность голограмм (она называется дифракционной эффективностью) высока. Я немедленно сообщил об этом открытии Лангеру, и он стал проводить аналогичные эксперименты.

Во время следующего моего визита в Польшу мы подробно обсудили полученные результаты. Первая статья на эту тему в соавторстве с Лангером и коллегами из ИКАНа была опубликована в 1995 году и имела большой резонанс; на языке науки – имела высокий индекс цитирования, как и все последующие наши с Сашей публикации на эту тему.

Я послал тезисы доклада (не по этой работе, а по нашим предыдущим исследованиям) на полупроводниковую конференцию в Австрии, доклад был принят, и летом 1993-го года я на нее поехал. Незабываемая поездка! Мы, десять-двенадцать человек, все, кроме меня, из Физтеха, в том числе Баграев, поездом доехали до Варшавы, там нас ожидал автобус. В него кроме нас погрузились несколько москвичей и полтора десятка поляков. Автобус через Польшу, Чехословакию и почти всю Австрию довез нас до очаровательного курортного городка Гмунден. Двадцатичасовая поездка, конечно, была утомительной, но виды стран, по которым мы проезжали, особенно Австрии, радовали глаз.

Российскую делегацию поселили в помещении старинного монастыря. Человек десять, включая меня, все санкт-петербургцы, жили в одной большой комнате, несколько человек в соседней, поменьше. Во время конференции я повидался со старым другом – Юрой Дорошевским, о чем я уже рассказывал. На обратном пути автобус имел остановку в Вене, и мы с Колей Баграевым часа четыре бродили по этому городу, наслаждаясь его архитектурой, великолепными дворцами, широкими площадями с фонтанами и монументами. Мы провели день в Варшаве, вечер просидели у Лангера дома, он на конференции не был.

На следующей конференции такого рода, в Берлине в 1996-ом году был представлен наш стендовый доклад с изложением

результатов изучения новых голографических материалов. Эта работа заинтересовала двух американских ученых, работавших в институте, организованном известной японской компанией в США, в Принстоне (Nippon Electrical Company Institute, NECI). Один из них - Джим Чади, теоретик, опубликовавший несколько фундаментальных работ по полупроводникам, которые обладали такими же свойствам, как наши кристаллы (позднее он некоторое время возглавлял этот институт), второй - Ричард (Рич) Линке, экспериментатор, работавший в области голографии. Они пригласили меня приехать к ним и более подробно рассказать о наших работах.

Осенью того же года я впервые поехал в США. Должен сказать, что когда я бывал в Европе (много раз в Польше, а также в Австрии, Германии), у меня бывало ощущение дежавю. Я так много знал об этих странах из литературы и истории, что увиденное, конечно, было интересно и доставляло удовольствие, но не поражало воображение. Об Америке я тоже знал немало, но, попав туда первый раз, понял, что ее нужно видеть своими глазами для того, чтобы осознать все величие, размах и богатство этой страны. Действительность намного превосходила мои представления.

В Принстоне я подробно рассказал Чади, Линке и нескольким другим ученым о наших исследованиях. У меня с собой был кристалл фторида кадмия с галлием, этот объект представлял для них особый интерес, и они просили оставить кристалл им, чтобы они могли провести эксперименты и убедиться в его пригодности для реализации их целей и обещали прислать в ГОИ договор на совместную работу, включающую передачу им образца. Сумма договора была названа смешная – пятьсот долларов, но я понимал, что речь идет о долговременном сотрудничестве, и согласился. Действительно, последующий договор был уже на сумму пятнадцать тысяч долларов и дальше в течение нескольких лет он составлял двадцать-двадцать пять тысяч в год. Это было хорошим подспорьем для нашей лаборатории.

Начиная с 1997-го года, я неоднократно ездил на школы по примесным полупроводникам. Контингент участников составляли ученые из разных стран, работавшие в этой сфере. Наиболее крупные ученые или авторы последних, особо интересных исследований читали лекции, после чего происходили оживленные дискуссии. Каждый приехавший мог (но не был обязан) вывесить стендовый доклад. Было предусмотрено достаточное время для свободных, неформальных встреч и разговоров.

Международные школы такого типа лет двадцать проводились по многим областям знаний в две смены - летом в США, зимой

Фото 90. Ежи Лангер

Фото 91. П.П. Федоров.

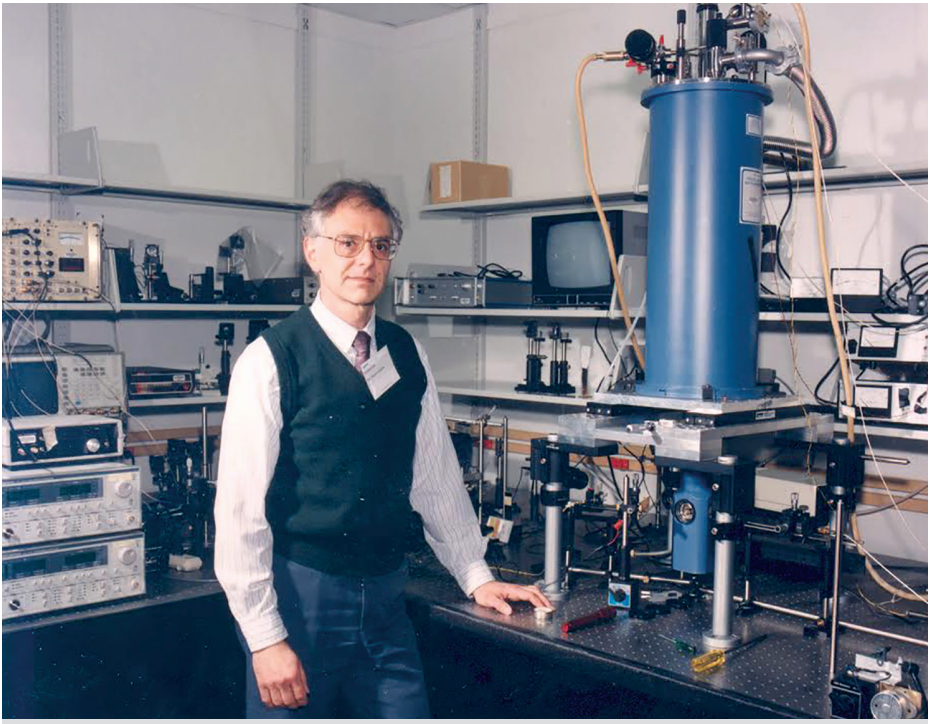

Фото 92. Рич Линке в лаборатории.

- на юге Италии. Школа по примесным полупроводникам, как правило, происходила в одном из маленьких городов штата Нью-Джерси, обычно в пустующем в это время колледже или хайскул. В 1997-ом году Линке докладывал на такой школе о своих результатах, полученных на этом кристалле. Они, естественно, в значительной степени повторяли наши. Могли бы пригласить меня, как первоисточник, а не его, но это понятно – он человек свой, а я в этом мире еще неизвестно кто. Правда, в своем докладе он не раз упоминал, что кристалл получен от меня, может быть, и ссылался на нашу работу, этого я не помню.

Будучи все же несколько задет этой ситуацией, я в дискуссии после его доклада кратко рассказал о нашей работе. Лангер и замдиректора варшавского Института физики Сухоцкий после заседания вдвоем насели на Линке, убеждая его, что работа сделана не на выращенном в России, а на полученном от них кристалле, что было чистой выдумкой, и всячески склоняли его к сотрудничеству с ними, а не со мной. Я видел, как они горячо излагали что-то Линке, а суть разговора рассказал мне он сам. После школы я съездил в Принстон, и со следующего года регулярно приезжал работать в этом институте на две-три недели в течение пяти лет.

На той же школе ко мне подошел Билл Уорнер, работавший в Орегонском университе, и мы договорились об изучении ядерного магнитного резонанса на этом кристалле, он был большим специалистом по этой части.

На одной из последующих школ я встретил своего старого знакомого Мишу Шейнкмана, о котором упоминал, рассказывая об аспирантских годах моей жизни. Мы неоднократно встречались и позже на конференциях и при моих посещениях киевских институтов, в том числе Института полупроводников, где он работал. Я бывал у него дома, он у меня. Миша, приложив немалые усилия, стал к этому времени член-корреспондентом Украинской Академии Наук, осуществив свою заветную мечту. Карьерный рост играл важную роль в системе его жизненных ценностей. Несмотря на это и на известную его беспринципность, я испытывал что-то вроде приязни к нему. Он был человек неоднозначный. Собирал книги (не думаю, правда, что он их внимательно читал), разыскивал повсюду картины молодых художников-абстракционистов и покупал их. Стены его квартиры были увешены полотнами несколько странного для меня вида. Так, друг дома художник подарил ему картину, на которой Мишино семейство было изображено в виде четырех шарообразных кактусов, два поменьше (у него было два сына) и два побольше. Миша имел жовиальную натуру, несомненное обаяние, был остроумен.

В конце 1960-тых годов в Ужгороде проводилась какая-то конференция, на которой присутствовал и я, Миша был председателем оргкомитета. В это время в окрестностях Ужгорода происходили съемки батальных сцен фильма Сергея Бондарчука «Ватерлоо». На набережной узкой речки, протекающей через город, я на противоположном берегу увидел некую процессию. Впереди величественно шествовала представительная фигура седого Бондарчука в сопровождении ослепительной юной блондинки. За ними на дистанции десять-пятнадцать метров почтительно следовала свита, человек двадцать.

Маленький закарпатский городок был переполнен артистами и участниками массовок, так что расселение участников конференции представляло для ее устроителей головную боль. В конце концов, конечно, всех поселили. Свою вступительную речь на открытии конференции Миша начал словами: «Боюсь, только сейчас мы осознали истинное значение битвы народов». Этот термин вообще-то относится к битве под Лейпцигом 1813-го года – в этом сражении принимали участие армии многих стран, но все равно – хорошо сказано!

Мои визиты в Принстон были интересны не только благодаря работе в NECI. В этом городе по сей день функционирует знаменитый Institute of Advanced Study (Институт передовых рубежей науки), в котором работал Эйнштейн, старинный Принстонский университет (в нем я встречался с упоминавшимся выше Мак-Клюром), ряд научных фирм; в одной из них, занимающейся генной инженерией лекарств, я побывал, будучи приглашен бывшим сотрудником ГОИ Валерием Богдановым, который нашел там работу.

У меня были ключи, позволявшие войти в здание NECI в уик-энд, и я значительную часть выходных дней проводил там. Практически все, работавшие в нем сотрудники, были американцами. Я видел там лишь одного японца – заместителя директора, который наблюдал за тем, насколько деятельность института ведется в интересах компании. В институте была прекрасная научная библиотека, я проводил там много времени, знакомясь с журналами, доступ к которым в России был затруднен или невозможен.

Мы с Ричем Линке подробно обсуждали результаты выполненных в ГОИ экспериментов, делали опыты, для проведения которых в ГОИ не было нужных приборов – лаборатория Линке была прекрасно оснащена, планировали работы, которые надо было произвести в предстоящий период, составляли проект очередного договора.

При визитах в Принстон я останавливался в доме сына Тани Гутман, Бориса Альтшулера, выдающегося физика-теоретика. Его

шестидесятилетнему юбилею была посвящена прошедшая недавно международная конференция «Frontiers of Nanoscience» (Рубежи нанонауки) в Триесте. Он работал в то время в NECI, перейдя туда из Принстонского университета, в котором он преподавал ряд лет, и продолжал сотрудничать с ним после перехода. Боря с женой Леной (она врач-педиатр), мамой и двумя дочерьми Лилией (Леля) и Диной жил в большом доме в пятнадцати-двадцати минутах езды от NECI. Обычно он отвозил меня туда, и я возвращался вместе с ним. Было радостно проводить столько времени с другом юности Таней. Вся семья была гостеприимна и радушна.

Таня здравствует, мы с ней часто переговариваемся по скайпу. Большей частью в доме находятся они с Леной, Боря работает сейчас в Columbia University (Колумбийском университете) в Нью-Йорке, у него там квартира. Значительную часть времени он проводит в поездках, сотрудничая со многими физиками-теоретиками, работающими в самых разных странах мира. Дома он бывает по возможности. Обе Танины внучки – на Западном побережье, Леля – юрисконсульт фирмы, Дина – психолог.

Наше активное сотрудничество с NECI продолжалось в течение семи лет до 2002-го года.

В 2001-ом году, кроме Принстона, я побывал также в Юджине, маленьком городке в Орегоне, где расположен Орегонский университет, в котором работал Билл Уорнер (о сути этой работы рассказано дальше).

В любую поездку, начиная с первой, оказываясь на Восточном побережье, я заезжал к Фреду Тунику на день, два, три – на сколько мог. Он и Галя жили в Парамусе, уютном поселке, примерно в полутора часах езды от Нью Йорка. Увидев его после шестнадцати лет разлуки, я вспомнил сцену при его проводах. Мы, несколько друзей, толпились в лифте, придерживая дверь. Фред стоял на лестничной площадке. Все уже было сказано. И тут Саня Ермолаев, его друг, с которым они совершили много восхождений, произнес: «Жаль только, что никогда не увидимся».

Слава богу, жизнь повернулась по-другому. Судьба Фреда сложилась в общем благоприятно. Попав в конце 1980-го года в США (после долгих и унизительных мытарств в Италии, где было что-то вроде сортировочного лагеря), он в 1981-ом году был принят в правительственное учреждение «American Bureau of Shipping» (Американское Бюро Судостроения). Будучи высококлассным специалистом (он оказался в этом Бюро единственным человеком, имеющим ученую степень) в области судоходства и судостроения кораблей для северных морей, он быстро стал там уважаемым и ценимым

Фото 93. Таня Гутман с Борей, Леной
и внучками Диной (рядом с ней) и Лелей.

Фото 94. Фред и Галя Туники с семьями Лени (слева)
и Жени (справа), 2000-ые годы.

человеком. В 1985-ом году он купил дом в Парамусе. Сколько людей, эмигрировавших из России или приехавших по делам, как я, или просто погостить, прошло через этот дом! Его гостеприимная хозяйка Галя безропотно принимала гостей и подопечных Фреда, хотя не все были ей симпатичны. Я приезжал в Парамус с ощущением, что я возвращаюсь домой. У него был небольшой издательский бизнес, он переводил, редактировал и издавал книги российских ученых по вопросам судоходства, судостроения, климата и другим вопросам, так или иначе связанным с мореплаванием. Опыт его работы в России, его открытость и общительность помогли ему познакомиться с людьми, которые хотели писать на эти темы. Своим бизнесом Фред занимался дома, но для друзей и просто людей из России, нуждавшихся в его содействии, у него всегда находилось время.

В это время в доме жили они с Галей. Старший сын, Леня, работающий в издательском бизнесе, с женой Майей (она стюардесса) и детьми жил в Бостоне, младший – Женя (ученый-невролог) с женой Бетони (физиотерапевт) и детьми жил недалеко от Фреда в то время, когда я там бывал. В настоящее время он профессор North-Eastern University (Северо-Восточного университета) в Бостоне.

Фред познакомил меня с особенностями образа жизни и быта в Америке, принятыми в этой стране нормами поведения и отношений между людьми – это сильно упростили мою адаптацию к чужой поначалу среде. Впервые попавшему в новую страну человеку из России нужно немалое время для того, чтобы почувствовать себя свободно самому и не причинять неудобства другим. Для меня это время было сильно сокращено благодаря Фреду.

В одном вопросе, мы не то, чтобы расходились, просто были разными. Для него близость по крови была святым делом, к соплеменникам он относился сверхблагожелательно, о них он проявлял особую заботу. Не все они заслуживали такого отношения, но разочарование в том или ином человеке не влияло на его общий тренд в этом вопросе. Он был, можно сказать, патриотом Израиля, болезненно переживал временами проявлявшуюся в США неустойчивость в его поддержке, двусмысленную позицию европейских стран по отношению к этому государству. Я был солидарен с ним в международных вопросах, но касательно людей у меня была другая позиция. Я претерпел в России по части национальности, может быть, и меньше, чем другие, но предостаточно. Однако работа на заводе и альпинистская жизнь сделали меня убежденным интернационалистом. Конечно, национальные особенности присущи людям каждой страны. Я больше симпатизировал белорусам, американцам, например, меньше украинцам, французам,

но в принципе все люди были равны для меня, и мое отношение к конкретному человеку не было связано с его национальностью. Конечно, я старался помогать своим соплеменникам, если они в том нуждались, но это я сделал бы для любого человека, попавшего в такое же положение. Мы с Фредом никогда не говорили об этом различии наших позиций.

Должен сказать, что он был и патриотом Америки. Впрочем, как и многие знакомые мне русские люди, живущие в другой, цивилизованной стране – патриоты этой страны. Если это глубокое чувство, обусловленное не более благополучной, сытой жизнью, а определенным уровнем интеллекта, исторической ответственности, то это чувство не может не вызывать уважения.

Круг общения Фреда в Штатах был, как и в России, широчайший. Помимо многочисленных родственников (туда перебралась вся большая семья), у него была уйма друзей, старых и новых, имевших самые разные профессии, как правило, выходцев из России. Среди них было много врачей. У одного из них я брал лекарства для Юры Юшина. Фред возил меня на пару вечеринок, устроенных его друзьями; одна из них была чисто медицинской.

Фред скончался в 2013-ом году в результате рецедива онкологического заболевания.

Я хорошо знал покойного Галиного отца Иосифа Наумовича, мы частенько беседовали с ним, когда встречались у Фреда. Меньше я был знаком с его матерью Басей Рафаиловной, тоже покойной, и никогда не видел отчима Юрия Александровича. На днях ему исполнилось сто лет (!) . Он в хорошей, для его лет физической форме, несмотря на перенесенную уже за девяносто онкологическую операцию, и умственные его способности не затронуты годами.

В 1999-ом году в ординатуру Йельского Университета поступил мой старший сын Алеша. С тех пор при каждом визите в Штаты я встречался с ним, ездил к нему в Нью-Хэвен или он приезжал к Фреду.

В 1998-ом году конференция по примесным полупроводникам проводилась в Иерусалиме. Там я последний раз встретился с Лангером. В своем докладе, который был после моего (я доложил последние результаты наших экспериментов по фториду кадмия), он как-то вяло и неубедительно критиковал меня. В перерыве двое его сослуживцев, присутствовавших на конференции, подошли ко мне и сказали, что они не раз говорили ему, что он зацикливается на своей концепции, и что ему стоило бы обратить пристальное внимание на полупроводники, в которых наблюдались подобные эффекты, но он оставался глух к этим советам.

Несмотря на нашу конфронтацию, я сохраняю добрые чувства к Ежи, более того, я благодарен ему – он щедро поделился со мной результатами своих работ и по сути ввел меня в международный научный мир.

Иерусалим, этот раскинувшийся на холмах белый город очаровал меня. Центральная, крепостная часть - храм, где находится ниша, в которой Христос был захоронен и откуда исчез, крестный путь, развалины резиденции Пилата, Стена плача, мечеть Аль-Акса – здесь все пронизано историей, столь далекой и внезапно становящейся столь близкой. И в двух шагах за пределами крепостной части ультрасовременный город. Все это потрясает впервые попавшего в этот город человека.

Я поездил по Израилю, неделю гостил в Иерухаме, маленьком городке вблизи Бер-Шевы, у Юры Розенфельда, насладился обществом его, Тамары и Оли, заехал в Бер-Шеве к своему племяннику Илье, о котором упоминал в первой главе, навестил старых друзей Соломяков в Рехавоте.

Работы с кристаллами (я употребляю множественное число, поскольку в кристалл фторида кадмия вводилась одна из двух примесей) разворачивались широким фронтом. В них были вовлечены практически все сотрудники лаборатории, но основную роль играли двое – Саша Щеулин и Сергей Казанский. Саша проводил голографические исследования (часть экспериментов делали мы с Робертом Линке во время моих визитов в Принстон), позднее в них приняла участие заинтересовавшаяся этими кристаллами группа сотрудников А.А. Мака под руководством С.А. Димакова, а также сотрудники Института физики Украинской АН С.Г. Одулов и К. Щербин. В работе участвовал студент третьего курса Политеха Саша Ангервакс, он пришел в лабораторию в 1996-ом году и остался в ней после окончания ЛПИ.

Наши голографические исследования получили широкий резонанс, они имели высокий индекс цитирования. К сожалению, наличие в кристаллах тяжелого металла – кадмия, столь же вредного для человеческого организма, как и другие тяжелые металлы – ртуть, свинец, воспрепятствовало практическому применению этих уникальных голографических сред, но как модельный объект, на котором могут быть изучены свойства динамических голограмм, они продолжают привлекать внимание до сих пор.

Сергей изучал преимущественно магнитные и микроволновые свойства кристаллов. Совместно с сотрудником Политеха В.В. Романовым он определил магнитную восприимчивость кристаллов; эти исследования позволили сделать безоговорочный выбор в

пользу нашей концепции примесных кристаллов фторида кадмия. Его эффектные эксперименты по микроволновой спектроскопии (часть из них он проводил в Лионском университете, где он работал в течение девяти месяцев) дали важные сведения о микроструктуре примесных центров. Поведение кристаллов в еще более длинновой – радиочастотной области электромагнитного спектра, исследовалось в содружестве с нашей лабораторией отделом А.А. Волкова в ИПФе.

Сергей выполнил значительную часть исследований влияния примесей индия и галлия на ядерный магнитный резонанс атомов самого кристалла – кадмия и фтора. Эти исследования были начаты во время моего двухнедельного визита к Биллу Уоррену, после этого к нему на четыре месяца поехал Сергей и продолжил их. Последнюю статью по этой тематике мы с Биллом написали уже после скоропостижной смерти Сережи в 2007-ом году и посвятили ее его памяти.

Группа Н.Т. Баграева во ФТИ создала на легированном кристалле гетеропереход фторид кадмия-кремний и провела на нем цикл исследований, давших важные результаты для физики полупроводников (гетеропереход это контакт двух различных полупроводников; на основе гетеропереходов делают полупроводниковые лазеры).

Д.И. Стаселько, ученик Денисюка, руководивший одно время отделом голографии ГОИ, вместе с минскими коллегами изучил пикосекундную кинетику наших кристаллов.

Все кристаллы для обеспечения упомянутых исследований, выращивались Ирой Бучинской и П.П. Федоровым в ИКАНе.

Джим Чади обосновал нашу концепцию, произведя теоретическое определение структуры примесного центра.

Таким образом, в исследование примесного фторда кадмия было вовлечено значительное число людей и организаций как в России, так и за рубежом. Все результаты работ, проводимых с нашим непосредственным участием или по нашей инициативе, сходились к нам, и я должен был координировать их, определяя наиболее важные в данный момент направления исследований

Цикл работ по содержащему примеси фториду кадмия является высшей точкой моей научной деятельности. Тут есть, чем гордиться.

Время от времени мы возвращаемся к изучению свойств этих кристаллов. Последняя наша статья о них была опубликована в 2013-ом году.

Исследования кристаллов, о которых идет речь, были поддержаны грантами Международного фонда содействия научным исследованиям в республиках бывшего СССР (CRDF, 2001-2002-ой

годы) и Международного научно-технического центра (ISTC, 2002-2005-ый годы).

«Международным» партнером – участником проекта, финансируемого ISTC, был профессор Иошиаки Уесу, работающий в университете Васеда в Токио; совместно с украинскими коллегами, упомянутыми выше, он исследовал свойства динамических голограмм на наших кристаллах. Я дважды посетил Японию для обсуждения результатов исследований и планирования предстоящих работ. Токио поражает своей скученностью – этот мегаполис по количеству людей в нем не уступает Нью-Йорку, но занимаемая им территория много меньше, там все в миниатюре по сравнению с городами Северной Америки и Европы. При этом уровень благоустройства в нем превышает все, виденное мной.

Ограничусь примером стандартной автобусной остановки, имеющей электронное табло, на котором указывается в режиме текущего времени время отхода нужного тебе автобуса с предыдущей остановки.

Я много ходил по улицам этого города и не увидел ни одного памятника, представляющего какую-то личность, только абстрактные конструкции украшают город. Когда я осведомился о причинах этого, мне сказали, что так было решено поступить – снести все такие памятники после поражения в войне, материализуя полный разрыв с предвоенной агрессивной Японией.

Впечатляли усилия, которые тратятся на то, чтобы елико возможно увеличить занятость населения. На платформах метрополитена трудится большой персонал, одни громко оповещают о приближении поезда, другие подравнивают ожидающих, дабы никто не оказался за пределами ограничительной линии, третьи буквально запихивают пассажиров в переполненные вагоны. Строительство или реконструирующееся здание не только ограждено барьером и снабжено стендами, информирующими об опасности приближения, но вдоль барьера обязательно прохаживается человек, громко оповещающий об этом прохожих.

По закону, вы не можете продать/приобрести дом, речь может идти только об участке (клочке), на котором он расположен; сам дом в случае продажи/покупки должен быть снесен, и на его месте построен новый. В результате всех этих усилий уровень безработицы в Японии составляет три-четыре процента, много ниже, чем в какой-либо другой стране.

Поражало число старых людей. На улице, в иетро, автобусе видишь вполне бодрых старичков и старушек, которым явно за 90

(официальнвй возраст, с которого человек относится к этой категории по критерию Всемирной организации здравоохранения). На этот год средняя продолжительность жизни японцев составляет 78.8 лет у мужчин и 85.6 лет у женщин. Интересно, что эти величины для людей, переживших атомные бомбардирови в Хиросиме и Нагасаке, на несколько месяцев больше, по-видимому, из-за тщательного медицинского наблюдения за ними.

Не буду останавливаться на общеизвестных характерных особенностях людей послевоенной Японии – вежливости, благожелательности, определенной закрытости.

К сожалению, мои впечатления ограничиваются Токио, за его пределами мне побывать не удалось

В начале 1990-ых семейные финансовые проблемы вынудили меня совместительствовать в высшем учебном заведении. С помощью моего доброго знакомого Вадима Федоровича Мастерова я организовал в ГОИ филиал кафедры экспериментальной физики Политехнического института (Политех тогда еще не был университетом, подобное переименование еще не вошло в моду). Кафедра была выпускающей, т.е. могла подготавливать бакалавров и магистров, хотя эта (болонская) система была введена в практику российских вузов позднее.

Легко сказать организовал, надо было найти помещение достаточного размера, обустроить в нем лабораторию для практических занятий по различным направлениям оптики и спектроскопии, достать/выпросить приборы для нее (денег на покупку, само собой, не было), подобрать лекторов и т.д. Огромную помощь мне оказал сотрудник Бонч-Бруевича Лев Николаевич Капорский. Он взял на себя решение всех технических вопросов, я же в основном занимался оргделами и подбором состава. Мы нашли комнату для лаборатории в одном из зданий по Биржевой линии, окаймляющих территорию ГОИ. С немалыми трудами мы оборудовали ее приборами. Лекции читались на территории Политеха. Однако года через три-четыре мы были вынуждены переехать в основные здания ГОИ и повторить пройденный путь. В конце концов удалось найти помещение, в котором можно было разместить комнату для Капорского, лекционную аудиторию, достаточную для занятий большой группы студентов, и лабораторию, которая усилиями Льва была значительно дооборудована.

Я читал курсы лекций один или два дня в неделю. Это дело я не любил, заняться им, когда тебе перевалило за шестьдесят – удовольствие ниже среднего. Мне приходилось тратить много времени на подготовку лекций и посещение заседаний кафедры,

отрывая его от работы.

К сожалению, Мастеров, хороший человек и организатор, неплохой специалист в области магнитных свойств вещества, сильно пил и через несколько лет после начала моей преподавательской эпопеи умер. Его сменила менее выразительная фигура физика-теоретика В.К. Иванова, который более внимательно прислушивался к многоликому институтскому начальству и не столь ревностно, как Мастеров, отстаивал кафедральные интересы. Но эти «политические» вопросы меня не интересовали.

В работе филиала в качестве лекторов принимали участие Евгений Юрьевич Перлин и еще несколько сотрудников ГОИ. Уровень подготовки студентов, как и во всех вузах, сильно снизился по сравнению со студенческим составом времен Советского Союза. Способные студенты были наперечет, и их разбирали старожилы кафедры. Оставить такого студента в ГОИ было почти невозможно. Моя деятельность в Политехе продолжалась в течение примерно десяти лет и закончилась в начале 2000-ных.

Глава 10
Государственный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

В ходе перестройки Россия получила связанный кредит на 1.5 миллиарда долларов. Такой кредит связывает кредитуемую сторону не только условием своевременного возврата ссуды и процентов по ней, но и дополнительными условиями; в данном случае они предусматривали расходование значительной части полученных средств на закупку оборудования на Западе. Начальник одного из отделов ГОИ вел работу по созданию энергосберегающего, т.е. хорошо изолирующего оконного стекла и разрабатывал технологию его производства. С использованием его разработок, предполагалось строительство завода, производящего такое стекло. Из упомянутого выше кредита ГОИ было выделено 60 миллионов долларов. Деньги эти предоставлялись для реализации производства энергосберегающего стекла, и на основную часть полученных ГОИ денег было приобретено оборудование для завода, на котором предполагалось наладить его выпуск. Тем временем начальник отдела, являвшейся душой проекта, умер, и проект повис в воздухе. Государство за полуторамиллиардный кредит рассчиталось, но при последующем сборе средств с предприятий, которым выделялись его части, оказалось, что выполнить эту процедуру невозможно, и возвращать деньги никто не собирается. То ли они были просто разворованы (скорее всего), то ли на каждом из предприятий возникли какие-то ситуации типа той, которая имела место в ГОИ, история умалчивает. Государство простило эти долги всем деньгополучателям, кроме ГОИ, опять-таки почему – неизвестно. Все попытки продать купленное оборудование за сумму, адекватную его первоначальной стоимости, оказались безуспешными (несомненно, что-то из кредита не обошло вниманием и начальство). В итоге, над ГОИ повис дамоклов меч невозвращенного кредита, расплатиться за который институт был решительно не в состоянии. Таким образом, в течении примерно 10 лет над институтом висела угроза банкротства.

То ли это обстоятельство, то ли какое-либо иное – общий ли развал работы в институте, Петровский ли «перебрал» с оттягиванием средств на НИИТИОМ, или что-то другое, или все вместе – я не знаю, но в 2001-ом году Министерство отдало ГОИ под кураторство бывшего ЛИТМО, а в то время уже ИТМО – университета, современное официальное название которого приведено в заголовке этой главы. Вновь избранный ректор ЛИТМО В.Н. Васильев, видный специалист в области компьютерной техники и ее применений,

переименовал институт в соответствии со своими интересами, но он, действительно, создал в нем сильную кафедру, развивающую это направление. Достаточно сказать, что команда ИТМО неоднократно занимала призовые, в том числе первые, места на международных конкурсах студенческих команд компьютерщиков. ИТМО формально принадлежит Минобразованию (в какие-то годы это министерство, в качестве департамента, входило в Миннауку, не знаю, как на данный момент) и финансируется через него, но вся оптика в постреволюционной России имела оборонный характер, и для ЛИТМО (ИТМО) этот характер был вполне выражен. Этот ВУЗ тесно связан с Министерствами обороны и оборонной промышленностью. Передача ГОИ под контроль сильного, с точки зрения начальства, и благополучного, усилиями Васильева, в финансовом смысле учебного заведения, занимающегося оптикой и имеющего направленность работ, сходную с ГОИ, казалась оправданной.

Васильев был объявлен научным руководителем ГОИ и занял обширный кабинет Петровского, несмотря на его мольбы оставить ему резиденцию хотя бы на месяц. Директором был назначен проректор ИТМО Карасев, поселенный в кабинете заместителя директора, поменьше размером. Он выполнял все формальные функции директора, фактически же всеми делами в институте заправлял Васильев.

Первые два года он присматривался к институту, знакомился с людьми и работами, ни во что не вмешивался, Все, в основном, шло по-прежнему.

Владимир Николаевич Васильев при первом знакомстве производил благоприятное впечатление. Мне он показался похожим на интеллигента в первом поколении. Может быть так оно и было, во всяком случае его отец, как я узнал позже, был генералом КГБ, что многое объясняет. Как бы простонародная, но вполне правильная речь, демократическая манера общения (никакого намека на занимаемое положение), умение слушать собеседника, быстрая и откровенная реакция на его слова, общая благожелательность – такое впечатление он произвел на меня, я думаю, и на большинство других общавшихся с ним сотрудников ГОИ. Позднее я понял, что он является значительно более сложной личностью. Васильев, по-видимому, имел большие связи в Минобразовании и других ведомствах: деньги в ИТМО крутились очень немалые. С 2004-го года Васильев является председателем Совета ректоров Санкт-Петрербургских ВУЗов (на-днях я прочел на сайте «Эха Москвы» заметку о недавно состоявшемся заседании возглавляемого им Совета, на котором обсуждался вопрос об использовании какого-то храма в качестве центрального

студенческого собора ВУЗов Санкт-Петербурга. Победоносцев отдыхает...). ИТМО получил звание «Национального Исследовательского Университета» в числе 15 университетов России и соответствующее финансирование, хотя качество обучения и уровень студентов в нем несравнимы с Политехом, Ленинградским и Казанским университетами (я называю ВУЗы, с которыми хорошо знаком). В общем Васильев – влиятельная фигура.

Несколько странное впечатление производили его лобзания с членами Академи на заседаниях Ученого совета ГОИ, Петровским, Мирошниковым, Бонч-Бруевичем. Александрова в этой компании лобзающихся я не припоминаю; он вообще-то больше времени проводил в Физтехе, нежели в ГОИ, а может быть Васильев просто остерегался к нему с этим делом соваться. С брежневских времен я отвык от вида публично целующихся особей мужского пола, не связанных родственными или близкими дружественными отношениями. Но Васильеву, видимо, очень хотелось попасть в Академию. Что же, дело житейское. Правда, когда его с первого раза не избрали в Отделение нанотехнологий и информационных технологий, то его отношение к АН переменилось, и в его разговорах часто стали мелькать нотки типа: «Ну, что там Академия, вот мы…» С какого-то раза его избрали член-корреспондентом, и Академия Наук вновь стала почтенным учреждением.

Но надо быть справедливым – один раз и я в девяностых годах, когда был объявлен сравнительно большой набор в Академию, решил попробовать, считая себя не хуже тех, кто туда в это время попадал. Переговорил с рядом академиков – Каплянским, Захарченей, Денисюком, Александровым, Осико, Осипьяном, все отнеслись дружественно, некоторые, правда, предупредили, что у них есть «свои» кандидаты, но меня они тоже поддержат, и подал документы. На собрании отделения (первого из трех туров голосования по поданным кандидатурам) Захарченя произнес речь в мою поддержку, и я получил 29 голосов. Этого недостаточно для того, чтобы пройти во второй тур, но, как мне говорили, для первой подачи это неплохой результат. Хорошенько подумав, я понял, что стою перед альтернативой – продолжать стучаться лбом в эту заветную дверь, подчинив этому всю свою деятельность, как это делали некоторые из моих знакомцев – например, А.А.Каминский, он, по-моему, лет 15-20 туда пробивался, либо заниматься своим делом и не лезть в чужие сани. Я выбрал последнее.

Разумеется такой альтернативы не стояло перед людьми исключительных заслуг пред наукой типа Гинзбурга, Грибова, Элиашберга.

Резко отрицательно относясь к руководству «бюрократической составляющей» Академии, нельзя не признать заслугу этой организации в существовании фундаментальной науки в СССР и особенно в России. Я хорошо знаком со многими академическими институтами и могу сказать, что до начала перестройки состояние этой науки, по крайней мере в сфере моих интересов (оптика и спектроскопия твердого тела, кристаллы), в этих институтах и в ГОИ было, в общем, «на равных», за исключением того, что сотрудники АН имели большие возможности для общения с иностранными коллегами, чем сотрудники ГОИ; это, конечно, было важным фактором – наука интернациональна.

В ходе перестройки и в пост-перестроичный период ситуация резко изменилась. Весьма относительная, но все же независимость АН позволила поддерживать подведомственные ей институты, пусть не на прежнем, а на плавно снижающемся уровне, АН по крайней мере, прилагала какие-то усилия к их сохранению. Позиция оборонного ведомства, как ясно из предыдущей главы, была прямо противоположной – фудементальня наука ему была не нужна, и ее представителям приходилось, правдами и неправдами, самим защищать ее интересы.

Возмущаясь – и справедливо - передачей Академии Наук в распоряжение Федерального агентства научных исследований (ФАНО) следует не забывать о коррумпированности высшего руководства РАН. Это наиболее ярко проявилось в его взаимодействии с американским бизнесменом русского происхождения А.Е. Шустеровичем. Начав с попытки вндрения в урановый бизнес (продажи российского обогощенного урана в США), не поддержанной администрацией США, он понял что в наш век огромную ценность представляет информация, и все его дальнейшие усилия были направлены на извлечение выгоды из научной информации, производимой в России. Собственник авторских прав, т.е. издательство, продает к ним доступ. Подписчиками являются иностранные университеты, научные сообщества и библиотеки. Суммарная стоимость контрактов на приобретение этой информации – порядка миллиарда долларов в год.

В борьбу за этот рынок и вступил Шустерович. До 2000-го года переводом и распространением физических журналов, издаваемых Академией наук (издательство «Наука), занимался по соглашению с ней The American Institute of Physics (Американский Институт Физики, АИФ), легальная нонпрофитная организация. В течение семи лет Шустерович при поддержке руководства РАН предпринимал усилия по замене АИФ на указанном рынке. Я не знаю

всей запутанной и грязной истории этой многоступенчатой борьбы. Она включала переводной, издательский и распространительный компоненты. Опишу курьезеный случай, который имел место в ходе этой компании

В АИФ состоялось обсуждение издательских проблем, связанных с указанными журналами. Его проводил Бродский (директор АИФ), присутствовали главные редакторы или их заместители и один из заместителей Шустеровича, мирно дремавший в своем кресле. Дискуссия шла на русском языке, Бородскому переводили. В ходе ее возник вопрос о недостаточном разрешении используемой техники, не обеспечивающей качественного воспроизведения рисунков. В этот момент заместитель Шустеровича встрепенулся и произнес: «Разрешение я беру на себя!» Поскольку былая ведомственная принадлежность этого человека для всех присутствующих была очевидна, реакцией на этот комментарий был дружный хохот. Бродский недоуменно оглядывал аудиторию, не понимая причину этого веселья. «Умом Россию не понять...»

Можно считать, что борьба за устранение АИФ с информационного рынка закончилась в 2007-ом году, когда между РАН и компанией Шустеровича Pleiades Publishing Ltd. был заключен договор, согласно которому издателем англоязычной версии журналов стала указанная компания. Я говорю о физических журналах, но, по-видимому, описанная ситуация имела место для всей публикационной деятельности РАН.

Издательские права на английскую версию статей в журналах находятся у Pleiades Publishing, Ltd. Гонорары за свои статьи авторы получают в московском банке, что крайне неудобно для авторов, которые должны приезжать за ними в Москву со всех концов нашей необъятной родины, но очень выгодно для банка, на счетах которого скапливаются большие деньги, которые можно пускать «в дело». К тому же установлен трехлетний срок хранения гонорарных денег, после которого они становятся собственностью банка.

Всякая услуга должна быть оплаченной. Следуя этому принципу, Шустерович воздвиг для прежнего президента РАН Ю.С. Осипова, новое здание Математического института им. В.А. Стеклова. Как показала проверка Счетной Палаты, до 90% помещений института сдавалось в аренду, а платежи за аренду проводились наличным деньгами через кассу, а не через казначейство в доход федерального бюджета. Но Счетная Палата является аналогом парохода «Тетя Шура» (возможно я путаю название этого судна) из творения Ильфа и Петрова, у которого вся сила уходила в гудок, и он вынужден был, прогудев, 12 часов набирать пары, прежде чем тронуться в путь.

Правда, в отличие от «Тети Шуры», которая в конце концов все-таки сдвигалась с места, проверки Счетной Палаты, как правило, не заканчиваются какой-либо юридической процедурой.

Очевидно, что заключение договора с офшорной компанией при проведении арбитража по связанным с ней делам в Нью-Йорке (а в тамошний суд не позвонишь и не занесешь) не могло быть проведено единолично президентом РАН Ю.С. Осиповым. Приходится сделать вывод, что в коррупционную деятельность было вовлечено руководство РАН в целом.

Дело не ограничивается информационным рынком. В 1997-ом году РАН и фирма Pleiades Publishing Ltd учредили ООО «Интернациональное академическое агентство «Наука»» (МААН). С этого времени все права на использование любых экспонатов, коллекций, картотек, принадлежащих РАН, передавались МААНу, который получил исключительное право их выставлять. В результате проведенных экспозиций многие экспонаты так и не вернулись в Россию.

В 2008-ом году, Шустерович и академик Михаил Алфимов, ряд лет бывший председателем Совета РФФИ, организовали наибольшую в России «Научную электронную библиотеку «LIBRARY.RU». Подписчикам этой библиотеки доступны тысячи отечественных и зарубежных журавлов и более миллиона заграничных и российских диссертаций. Таким образом, скупив авторские права на научную продукцию отечественных ученых, Шустерович продает к ним доступ отечественным же институтам и библиотекам, свой профит имеет и академическое руководство.

Шустеровичу передана в аренду академическая гостиница на Ленинском проспекте.

Изложенного достаточно для того, чтобы оценить масштаб коррупции в прежнем руководстве АН. Сейчас в российском интернете полно материалов, нелицеприятно описывающих деятельность Шустеровича в России. Очевидно, что свобода выражения мнений по данному вопросу есть не что иное, как подготовка к переориентации денежных потоков на ФАНО. По отношению к наиболее важной – информационной составляющей это может произойти по истечении срока упомянутого выше договора, в 2016-ом году. Возможно, бенефициаром опять окажется совместное «братское» предприятие.

Одна волна грязи смывает другую...

Но вернемся к Васильеву. Через пару лет после начала своего кураторства над ГОИ он начал производить крутые перемены. Прежде всего он умудрился оформить передачу ИТМО трех зданий, расположенных на Биржевой линии, а именно – дома №

14 по Биржевой линии Васильевского острова (бывшее здание «Товарищества Елисеевых»), соседнего дома № 16 и здания, замыкающего Биржевую линию со стороны университета (дом № 4). Это последнее здание имеет свою историю. Она в какой то мере связана с моим рассказом, и я остановлюсь на ней подробно.

Именно этот дом был первым из тех, которые Рождественский получил для размещения ГОИ (первоначально ГОИ целиком располагался в нескольких помещениях Физического института университета). После проведенной реконструкции в 1923-ем году в него въехали почти все отделы института. К началу девяностых годов этот дом, как и остальные здания института, находился в запущенном состоянии. В это время американская фирма Корнинг, занимающаяся производством оптических материалов и имеющая филиалы в ряде стран, решила открыть филиал в России.

Для него было взято у ГОИ в аренду это здание. Оно было перестроено в соответствии с американскими стандартами и, действительно, имело вид американских научно-исследовательских лабораторий. Здание было наполнено современным высококлассным оборудованием. Вне всякого сомнения, филиал был организован в результате предварительной договоренности с фактическим главой ГОИ и НИИТИОМа Петровским, который передал ему значительную часть стекольной тематики НИИТИОМа, включая сотрудников, вовлеченных в эту тематику, некоторые сотрудники ГОИ также перешли в филиал Корнинга. Им были созданы благоприятные условия работы, положены высокие оклады, ниже американских, но для российских ученых – фантастические. Филиал успешно работал в течение ряда лет. Ближе к концу 1990-ых годов, в связи с финансовыми трудностями фирмы, филиал решено было закрыть. Уволенным сотрудникам выплатили двухгодовую зарплату, и основная часть деятельности была прекращена. Бесценное оборудование повисло в воздухе, оно было фирме совершенно не нужно. За каким российским ведомством оно числилось после ухода фирмы из России, я не знаю. Одним словом, в распоряжении Васильева оказалось и это здание со всем, находящимся в нем оборудованием. В здании разместилось подразделение ИТМО под названием «НИИ Оптоинформатики». Его возглавил Н.В. Никоноров.

Николай Валентинович Никоноров был старожилом этого здания. В свое время он, работая в филиале ГОИ, участвовал в разработке фототермического стекла (технологию которого Глебов «увел» в США). Будучи молодым человеком, получил грант на поездку в США, там вначале сильно нуждался, поскольку грант не предусматривал расходы на содержание, но, будучи весьма активным человеком, выучил язык и устроился в университете Флориды.

Фото 95. В.Н. Васильев

Фото 96. Н.В. Никоноров.

Когда Никоноров был во Флориде, поблизости случился и Петровский, приехавший по делам в США. Он навещал Никонорова, имея при себе портфель, набитый папками, которые он вытаскивал и показывал, приговаривая: «Вот, Коля, самое ценное, что я привезу из Штатов – информация!» Никоноров возил его по окрестностям, показывал достопримечательности, в частности, они присутствовали на космодроме при запуске одного из «Аполлонов».

Перед своим отъездом Петровский попросил показать ему какой-нибудь эксклюзив. Никоноров поразмышлял и отвез его на блошиный рынок. Там они наткнулись на киоск, в котором продавались комплекты старых выпусков «Плейбоя», и к некоторому удивлению Никонорова Петровский закупил кучу этих комплектов. Когда он заехал к Петровскому в гостиницу попрощаться, то увидел как тот выбрасывает из туго набитого чемодана папки с бесценной информацией и засовывет туда «Плейбои».

По возвращении Никоноров продолжил работу в филиале, преподавал на кафедре ИТМО, созданной на территории филиала. Ее организовал А.К. Пржевуский, талантливый ученый, сотрудник Каплянского, в лаборатории которого он проработал ряд лет. Еще при жизни Пржевусского (он умер несколько лет назад) Никоноров возглавил эту кафедру. Когда Петровский «слил» значительную часть стекольной тематики филиалу Корнинга, то в числе переведенных туда сотрудников был и Никоноров, кем-то в роли начальника отдела кадров (никакого «отдела» там, разумеется, не было). Так что, когда здание перешло в ведение Васильева, там оказался и старослужащий ИТМО Никоноров, квалифицированный и активный человек. «Под него» был создан НИИ оптоинформатики, хотя штат этого НИИ составлял всего несколько человек. Сейчас институт переименован, в связи с веяниями времени, в НИИ нанофотоники и оптоинформатики. Никоноров привлек к работе института и возглавляемой им кафедры наиболее квалифицированных работников НИИТИОМа. Часть из них реально преподавала, часть «отрабатывала» научными статьями, которые нужны были для отчетности. Никоноров постепенно задействовал значительную часть научного оборудования, которым было набито здание. Он – умелый и опытный администратор, его кафедра регулярно числится в числе передовых в ИТМО и нередко занимает первое место. Не последнюю роль здесь играет научная продукция, поставляемая последние годы нашей лабораторией, перешедшей в состав НИИ (об этом рассказано ниже).

В двух других зданиях начал проводиться капитальный ремонт;

именно из-за него пришлось убирать учебную лабораторию филиала Политеха. Надо сказать, что все здания на территории ГОИ не ремонтировались много лет и постепенно приходили в запущенное состояние. Исследовательская часть лаборатории, расположенная на четвертом этаже дома № 14, особенно чувствовала это, поскольку ветхая крыша начала протекать. Сначала слегка капало, потом процесс пошел более активно. Однажды, придя на работу после выходных, я обнаружил на своем рабочем столе кусок штукатурки такого размера, что будь я за столом, он мог бы убить или искалечить меня. Потолок замазали, подвесили металлическую сетку, но было ясно, что продолжать работу в этих условиях невозможно.

В это время уже шел второй этап реорганизации ГОИ. Он состоял в том, что наиболее квалифицированные кадры научных лабораторий ГОИ с их согласия переводились в ИТМО. Поскольку финансовое положение ГОИ становилось все хуже и хуже, вопрос о желании сотрудников имел чисто формальный характер – желали все. Процесс отбора был поручен заместителю директора по науке А.С. Тибилову, человеку неглупому, в целом приятному, но квалификация его как ученого не соответствовала занимаемой должности. Тем не менее он такой отбор произвел. Наша лаборатория к этому времени настолько скукожилась, что терять было почти нечего. За бортом оказался только Даня Онопко, которому я помог устроиться преподавателем в Политехе. Как и в аналогичной ситуации с Петровским, мне удалось настоять на сохранении ростовой группы.

Я давно присмотрел помещение, подходящее для лаборатории, в одном из ремонтируемых зданий, и уже сделал несколько безуспешных попыток его получить. Строительство в тот момент приостановилось – оно требовало огромных финансовых затрат, которые были непосильны даже для Васильева. Я пошел к нему и предложил, что лаборатория возьмет на себя треть затрат по ремонту этого помещения, если оно нам будет предоставлено. Васильев с удовольствием согласился на мое предложение.

Я договорился с Васильевым, что эти деньги мы заплатим из бюджета лаборатории, который будет увеличен на эту сумму, таким образом расходы падут не на ИТМО, а на ГОИ. Поскольку дело было срочное, я заключил с двумя фирмами, которые должны были произвести указанные работы, договора как физическое лицо и уплатил, переведя в рубли, 10 тысяч долларов – все свои сбережения, которые предназначались для эмиграции Олега с семьей в Канаду. Однако, когда я пошел договариваться о компенсации к директору, Карасеву, то выяснилось, что механизма компенсации нет, поскольку бюджет ГОИ этого года утвержден Министерством

и о его корректировке не может быть и речи. Васильев меня не обманывал, просто он, при его размахе деятельности, не вникал в подобные мелочи. Я в течение месяца предпринимал отчаянные попытки договориться о компенсации с экономической службой института, пока симпатизировавшая мне молодая дама, заместитель начальника этой службы, не подсказала мне способа увеличения бюджета лаборатории на требуемую сумму.

Денежные проблемы все двадцать постперестроичных лет отнимали время и силы, которые можно (и нужно) было употреблять на работу. В кризисный 1998-ой год фактически полугодовая зарплата сотрудников, участвующих в изучении фторида кадмия (а это была вся лаборатория за исключением ростовой группы), хранившаяся в долларах, полученных по договору с NECI, оказалась замороженной в Сбербанке. Последний гарантировал возврат долларов своим клиентам, но это – теоретически, а практически я три месяца вынужден был бороться с банком за получение этих денег. Я их получил с небольшой потерей, но чего мне это стоило!

Не буду описывать все перипетии переезда. Кроме почти всего нашего оборудования мы прихватили с собой бесхозное имущество распавшейся группы другой лаборатории. Оно было очень тяжелым, но оказалось весьма кстати при развертывании голографических исследований на новом месте. Мы, шесть мужиков, считая меня, от которого было в этом деле мало толку, должны были с помощью четырех-пяти грузчиков перетащить громоздкое имущество весом не меньше трех тонн из здания в здание. Это было сделано.

В итоге всех этих передряг в нашем распоряжении оказался отдельный блок из трех комнат, в котором удалось разместить все оборудование и создать рабочие места для сотрудников. В моем личном распоряжении был кабинет площадью семь-восемь метров, отделенный от комнаты не доходящей до потолка перегородкой, меня это вполне устраивало. Через пару месяцев после переезда лаборатория была готова к работе. Ростовая группа осталась там, где и была, на первом этаже соседнего здания, дома № 14, который еще не ремонтировался.

В составе лаборатории было десять человек: кроме меня – еще двое Саш, Щеулин и Ангервакс, Сергей Казанский, Толя Купчиков, мой заместитель Женя Верховский и две дамы из ростовой группы, которые последнее время работали с нами, Татьяна Семеновна Семенова и Людмила Федоровна Корякина, а также на полставки химик Марина Алексеевна Петрова. Многолетним сотрудником лаборатории, работавшим еще с Феофиловым, являлся наш оптик Юрий Иванович Терехин. Он настоящий ас в деле обработки

Фото 98. А.Е. Ангервакс (слева) и А.С. Щеулин около установки для аддитивного окрашиванию флюорита.

Фото 97. Ю.И. Терехин.

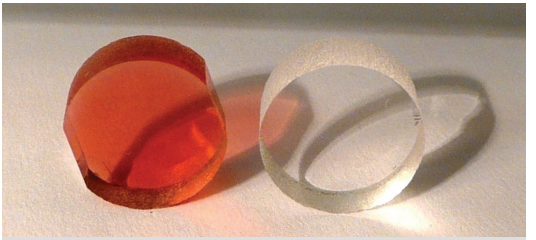

Фото 99. «Чистый» (справа) и аддитивно окрашенный образцы флюорита.

кристаллов. Юра учился в институте, но болезнь вынудила его прервать обучение. Это не могло не наложить отпечаток на его характер. У нас с ним было много стычек по разным поводам, но я вспоминаю их с улыбкой, и считаю его своим другом,

Научные интересы лаборатории окончательно определились буквально за полгода до ее переезда. Они сконцентрировались вокруг того же кристалла, с изучения свойств которого началась пол века назад работа Феофилова в области кристаллов – флюорита (фторида кальция). Этот кристалл имеет такую же структуру, как и фторид кадмия, которому посвящено столько место в предыдущем разделе. Как и фторид кадмия, он не фотохромен, но, в отличие от последнего, приобретает это свойство не при введении примесей, а в результате возникновения в нем дефектов его кристаллической решетки. Они образуются либо в результате радиационного облучения, либо при нагревании в парах кальция. Как и примесные центры во фториде кадмия, они поглощают свет и придают кристаллу цвет – окрашивают его, поэтому они именуются центрами окраски, а процедура прогрева в парах кальция – аддитивным окрашиванием кристаллов.

На прилагаемом рисунке изображены Щеулин и Ангевакс около установки, в которой производится аддитивное окрашивание флюорита, а на следующем – образцы окрашенного и неокрашенного кристаллов. Под действием света центры окраски преобразуются – кристалл изменяет свою окраску, т.е. он фотохромен, и в нем может быть записана голограмма. Но опять-таки, в отличие от фторида кадмия, она не распадается за сравнительно короткое время, а сохраняется, по крайней мере, десятилетия. Более того, такая голограмма остается в целости (правда, изменяя свои характеристики, что в ряде случаев является полезным для практики) под воздействием света и высокой, до двухсот градусов температуры. Процессы, протекающие при записи и преобразовании голограмм в этом кристалле, чрезвычайно интересны, и хотя мы далеко продвинулись в их изучении, многое нуждается в дальнейшем исследовании. Голографические элементы на основе флюорита могут иметь существенные практические применения. В настоящее время в Санкт-Петербурге в приборостроительном концерне «Электроприбор» закончена сборка углоизмерительного метрологического прибора, ключевыми элементами которого являются два таких элемента («голографические призмы»), и в ближайшее время в НИИ метрологии он будет исследован. Если достигнутая стабильность измерений будет удовлетворительной, это откроет путь к созданию целой гаммы приборов такого рода. Разработка голографических призм (двух их модификаций) проводилась совместно с метрологами «Электроприбора» Валерием Анатольевичем

Фото 100. В.А. Грановский (справа) и М.Д. Кудрявцев.
Справа (на качающейся платформе) и слева от них - фрагменты
углоизмерительного прибора.

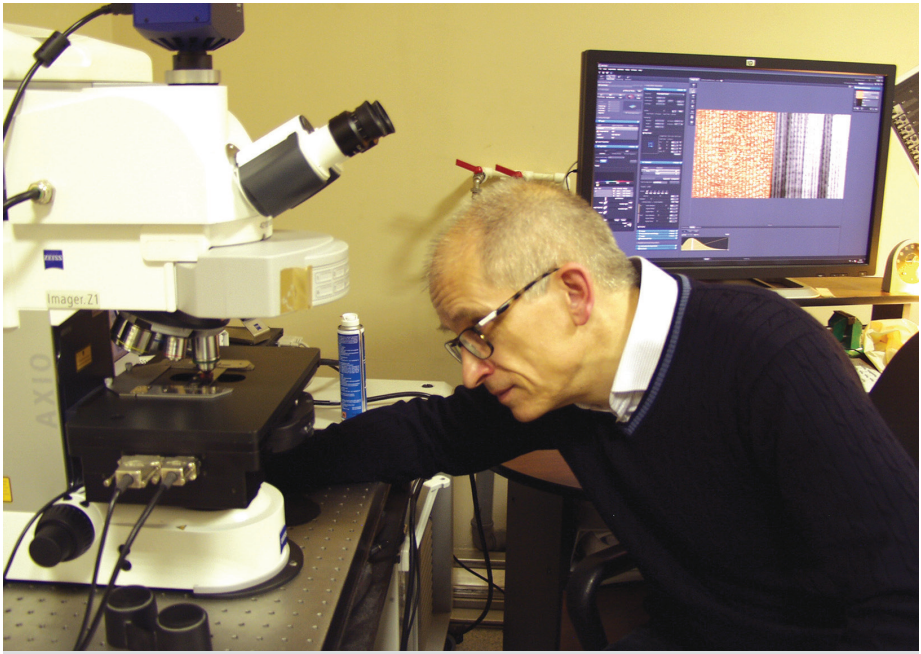

Фото 101. А.В. Вениаминов за конфокальным сканирующим микроскопом,
на котором исследуется микроструктура голограмм.

Грановским и Михаилом Дмитриевичем Кудрявцевым.

Кристаллы флюорита с записанными в них голограммами могут оказаться важным элементом для управления и преобразования лазерного излучения в инфракрасной области спектра; аддитивно окрашенный флюорит является оптимальной, если не единственной средой, которая может быть использована для этих целей. Лаборатория продвигается к созданию таких элементов. Она является единственной в мире научной группой, владеющей технологией аддитивного окрашивания кристаллов флюорита с центрами окраски и имеющей опыт в изучении их свойств.

В исследовании этой голографической среды принимал участие сотрудник лаборатории А.В. Баранова Андрей Викторович Вениаминов. Он изучает голографические свойства полимерных сред. Мы обратились к его помощи, поскольку в его распоряжении имелось уникальное оборудование, не говоря о его большом опыте в голографии. Он втянулся в работу над нашей средой и настолько вовлекся в нее, что стал полноценным (и просто ценным) участником наших работ.

В 2006-ом году Саша Ангревакс защитил кандидатскую диссертацию, в 2007-ом Саша Щеулин – докторскую. Обе защиты прошли прекрасно.

Итак, с работой, как таковой, все шло хорошо. Этого нельзя сказать о ситуации, в которой оказалась лаборатория после переезда на новое место.

Я рассказал, что значительная (и лучшая) часть сотрудников научных отделов ГОИ была переведена в ИТМО. При этом они не получали регулярного минвузовского финансирования и должны были жить (в бытовом и научном смысле этого слова) на деньги, заработанные в конкурсах разных ведомств (в первую очередь, Минвуза), и хозяйственных договоров с внешними организациями. Начиная с 2005-го года финансирование наших проектов, представляемых на Минвузовские конкурсы составляло основную часть бюджета лаборатории. Когда образование перешло в Миннауку, бюджет поддерживался, в основном, за счет внутриуниверситетских конкурсов, которые проводились регулярно вплоть до 2014-го года. Дважды удавалось заключать крупные хозяйственные договора с организацией, для которой предназначались голографические призмы, надеюсь, что эта практика будет продолжена и дальше.

Дополнительным источником средств могли бы служить конкурсы Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Отношения лаборатории с этим фондом имеют свою историю, на которой я задержусь. При его возникновении в 1992-ом

году в состав совета, который направляет представляемые по разделу «Оптика» проекты на экспертизу и по результатам заключений экспертов предоставляет победителям гранты, предполагалось включить Е.Б. Александрова. Но чуравшийся всегда такого рода работы Александров рекомендовал вместо него пригласить А.М. Бонч-Бруевича.

В период «междуцарствия» я на каком-то узком совещании в директорском кабинете имел несчастье критически отозваться о каком-то его решении или действиях. Подобных вещей Бонч-Бруевич не забывал и не прощал. Наши проекты, подававшиеся с 1994-го года неизменно отклонялись, хотя о качестве этих работ можно судить по предыдущей главе. Узнав, что Бонч-Бруевич входит в состав совета, я после отклонения второго проекта пошел к нему и обрисовал ситуацию. Он повозмущался и сказал, что в этом году поезд ушел, но на будущий год он предпримет все необходимые действия, и я могу не сомневаться. На следующий год сцена повторилась в деталях. Я вспомнил о когда-то имевшем место инциденте, и картина для меня стала понятной. Возможно, здесь имело место и особое отношение ко мне, как к «наследнику» Петра Петровича, к которому он, по моему глубокому убеждению, испытывал тщательно скрываемую ревность и зависть к его таланту, славе, всеобщему обожанию. Господь Бончу судья.

В Москве я переговорил с заместителем председателя фонда П.П. Пашининым, прохоровским сотрудником, ряд лет соперничавшем с Бонч-Бруевичем за вожделенное звание члена-корреспондента. Я рассказал ему вкратце о сути наших исследований и о резонансе, который они имеют в научном сообществе. Он толковал мне, в основном, об объективности экспертизы. Возможно, благодаря этому разговору, в тот год наш проект прошел, в следующий тоже, потом стоп-процедура возобновилась. То ли черная метка, оставленная Бонч-Бруевичем, продолжала действовать, то ли надо было иметь свою руку в Совете – у меня не было ни времени, ни желания продолжать стучаться лбом в закрытую дверь, и я прекратил эти попытки. Тем более что количество и бессмысленность требуемой для подачи документации с каждым годом увеличивалось. Я имел возможность наблюдать, так сказать, механизм этого процесса.

Бывая в Москве, я не упускал случая повидать своего друга В.Б. Белянина и, если мы не виделись у него дома, то я заходил к нему в Совет по спектроскопии, находившийся в центральном здании Академии Наук на Ленинском проспекте. В том же здании размещался РФФИ, а там работал Толя Левин, мой приятель по альпинизму, много лет, как и я, проработавший инструктором в Безенги. Не помню как

называлась его должность, но он каким-то образом начальствовал над «научными школами» (почтенное понятие мировой науки, бюрократизированное до беспредела в современной России).

У меня не было намерения использовать наше знакомство для продвижения своих проектов, я просто заходил выпить чайку и вспомнить со старым приятелем о горах и общих друзьях. При этом я видел, да и он мне говорил, как увеличивается штат фонда за счет родственников и приятелей, служивших там людей. Работа была непыльная, платили очень неплохо. Надо было занять разрастающийся штат, поэтому требуемые для подачи формы и сама процедура их подачи все усложнялись и усложнялись, обеспечивая хлебом насущным (густо намазанным маслом) все большее число паразитов. Мне несколько раз присылали на экспертизу проекты аналогичного американского фонда, и они были несравненно короче и логичнее той писанины, которая требуется в России.

В этом году мы впервые после многолетнего перерыва подали проект в РФФИ, нужда заставила. Проект, как все, представлявшееся нами куда-либо, качественный, но особых надежд питать не приходится.

Все эти финансовые проблемы затрудняли жизнь, но основная головная боль в течение нашего пребывания в ИТМО была связана с другим.

К моменту нашего переезда в новое здание (дом № 16) был закончен ремонт основной его части, и в это здание, равно как и соседнее (дом № 14) еще не отремонтированное, было передано в введение вновь созданного Информационно-технологического центра (ИТЦ). Наверняка, у него был устав, в котором были прописаны его цели и задачи, на практике же большинство помещений ИТЦ сдавалось в аренду различным наукоемким малым предприятиям и фирмам. На площадях ИТЦ оказалась и наша лаборатория, которая как бы вошла в его состав, в то время как формально она, как и другие переведенные из ГОИ группы сотрудников, относилась к находившемуся еще в процессе организации Центру информационно-оптических технологий (ЦИОТ). Его должен был возглавить Анатолий Валентинович Федоров, для меня – просто Толя, поскольку он в свое время, окончив ЛПИ, поступил в аспирантуру ГОИ. Его руководителем был Женя Перлин, работавший в нашей лаборатории, и после окончания аспирантуры Толя в ней и остался (в ходе предпринятой Петровским реорганизации его и Перлина пришлось перевести в другую лабораторию). Мы с ним и Андреем Натадзе написали обзор по электронно-колебательному взаимодействию, он был опубликован в престижном журнале, печатавшим такого рода

статьи по различным разделам физики. Забегая вперед, скажу что Толя Федоров оказался умелым руководителем большого подразделения. Удачную компанию ему составил Александр Васильевич Баранов, ученик Я.С. Бобовича. Федоров и Баранов – ученые мирового класса в области оптических наноматериалов, их высокая квалификация и энергия сделали ЦИОТ, едва ли ни лучшим в части научной деятельности подразделением ИТМО, а может быть, и просто лучшим. Но переселение всех лабораторий ЦИОТ в принадлежащие университету здания произошло позднее, а пока – пока мы оказались подвластны ИТЦ.

Его возглавил некий Ю.В. Цыпкин. Я познакомился с ним, когда мы еще были в составе ГОИ. Зайдя по делам в кабинет Макурова, я застал там высокого плотного человека лет тридцати-тридцати пяти. «Знакомьтесь, Александр Иосифович, это мой заместитель Юрий Валентинович Цыпкин» - сказал Макуров и представил меня. «У него к вам будут вопросы, но сначала – что у вас?» Я обсудил с ним свою проблему, и Цыпкин стал спрашивать меня о деятельности нашей лаборатории, особенно его интересовала ростовая группа. Его вопросы имели преимущественно экономический характер. Этот интерес как-то не коррелировал с его должностью, тем не менее, я ему отвечал вежливо, но сдержанно, не вдаваясь в подробности. Он, видимо, был удовлетворен разговором. Когда я ответил на его вопросы, он объяснил, что это для него работа временная, он должен в ближайшее время перейти в ИТМО и возглавить создаваемый в его составе Научно-информационный центр (ИТЦ), и он приглашает меня войти в его состав. Дело было темное, я ответил, что лаборатория уже входит в состав ЦИОТ, это пусть Васильев решает, где ей лучше быть, оба центра только формируются, поэтому давайте подождем, как будут развиваться события.

Я порасспрашивал знакомых об этом человеке, мне изложили несколько версий, и усредненная выглядела примерно так: Цыпкин, якобы, учился в ИТМО, закончил он его или нет неизвестно. Каким-то образом он оказался во «всезнающем ведомстве», и спустя некоторое время стал работать в советском посольстве в Лондоне, в каком качестве – непонятно. Прослужив там какое-то время, он в чем-то крупно провинился и был выслан на родину. Как человек активный, интересующийся экономикой и имеющий какое-то физическое образование, он был полезен для Васильева. Все это не слишком ободряло, и я постарался избегать дальнейших контактов с ним. Однако, встретив меня в коридоре ГОИ и очевидно предполагая, что его предложение принято (а как могло быть иначе?!), он сказал мне: «Вот, кстати, я иду осматривать помещения в доме номер шестнадцать, где будет

Фото 102. А.Е. Ангервакс на защите своей диссертации в актовом зале ГОИ. Председатель Совета по защитам при ГОИ – М.М. Мирошников.

Фото 103. Ю.В. Цыпкин.

размещаться информационный центр, пойдемте со мной, выберете, что вам подойдет». Отказываться было нелепо, я пошел. Начали осмотр с верхнего, третьего этажа. Цыпкин постучал в дверь, соседнюю с той, что вела в блок комнат, которые я давно присмотрел для лаборатории; на эту соседнюю комнату я тоже рассчитывал. Из нее вышел, как я понял, начальник производящей реплики лаборатории ГОИ. Цыпкин ему в не слишком вежливой форме предложил через неделю освободить помещение. Тот возразил, что сделать это невозможно, лаборатория (большая ее часть находилась напротив этой комнаты) ведет непрерывный процесс производства, и Васильев гарантировал, что она останется на прежнем месте и может спокойно продолжать работу. Он был прав, я присутствовал на заседании Ученого совета ГОИ, на котором Васильев, сообщив о передаче зданий по Биржевой линии ИТМО, заверил Совет, что интересы подразделений ГОИ, находящихся в этих зданиях, затронуты не будут. Мне это было слышать комфортно, поскольку в доме № 16 две комнаты занимала химическая группа лаборатории. Там оставалась одна М.А. Петрова, но было много полезного химико-технологического оборудования и уникальная коллекция химикатов, в том числе дорогостоящих и труднодоступных редкоземельных соединений.

В ответ на возражения этого человека Цыпкин на повышенных тонах распорядился: «Чтобы вы выметались отсюда вон, и через неделю и духа вашего здесь не было! Александр Иосифович, вам подойдет эта комната? Забирайте ее себе». Со времен работы на ГОМЗе, где начальство бывало грубо с инженерно-техническим персоналом (с рабочим классом оно обращалось аккуратнее), я ничего подобного не слышал и был изрядно шокирован этой сценой. Я ответил, что мне этой комнаты недостаточно, и вообще, мы же не занимаемся распределением площадей, и отведя Цыпкина в сторону, сказал ему: «Юрий Валентинович, так с людьми не обращаются, это просто неэффективно», - на что он отвечал: «Да они кого хочешь из равновесия выведут!» С меня было довольно, и я, сославшись на дела, покинул Цыпкина и его дальнейших разборок с сотрудниками ГОИ не видел. По-видимому, они продолжались в том же роде, поскольку в тот же день М.А. Петрова пришла ко мне и сказала, что ей предложили в недельный срок освободить помещение. Марина Алексеевна человек очень сдержанный, деликатный, и в какой форме это предложение было сделано, она не упомянула. Мне пришлось идти к Васильеву, двуличное поведение которого стало для меня очевидным, и не поминая его заявление на Ученом совете, договариваться, что с выселением химической группы повременят. Мы были вынуждены предпринять титанические усилия, чтобы

сохранить хоть где-то уникальные химикаты. Редкоземельные препараты отдали никоноровскому химику А.И. Игнатьеву, он был просто счастлив; в конце концов, ему передали все сколько-нибудь ценное. Минимальное количество оборудования нужного для лаборатории взяли, остальное просто оставили, и оно попало на свалку. В общем, сколько могу судить, освобождение здания под ИТЦ происходило в стиле Тамерлана или Аттилы. Остались нетронутыми две лаборатории ГОИ, приносящие деньги по внешним договорам: производящая реплики (начальника все же выселили, но и мне эта комната не досталась) и изготавливающая художественные голограммы. Обе они были переведены в ИТМО.

Итак, после переезда в дом № 16 мы оказались подвластны Цыпкину. Я понимал, что обещанное Васильевым финансирование по грантам Минобразования дело временное и ненадежное, и нужно приложить максимальные усилия для того, чтобы производить наукоемкий коммерческий продукт. Поэтому все усилия нашей лаборатории были ориентированы на достижение этой цели, и результат этих усилий – изготовление голографических призм для метрологического прибора. Ушло на это дело восемь лет напряженной работы. Что ж, таковы тернистые пути науки в России. Конечно, параллельно изучались фундаментальные процессы формирования голограмм и их свойства, писались (и выполнялись) научные проекты, жили мы – в прямом и переносном смысле – в основном на деньги, полученные от государства. Однако, к упомянутой цели мы двигались неуклонно, равно как и спустя некоторое время, поставив перед собой задачу формирования голографических фильтров для лазерной техники, стали упорно продвигаться в этом направлении. В целом, я полагаю, над входом в лабораторию вполне можно было повесить девиз «Наука для практики». Но Цыпкин понимал эту фразу по-своему – выражаясь в стиле стивенсоновских персонажей, «Деньги на бочку». Имелся в виду, конечно, не его личный карман, а бюджет ИТЦ. Значительная часть человеческих конфликтов связана с тем, что в каждое понятие люди вкладывают свой смысл. Это был тот самый случай.

Как мне поведал сам Цыпкин, Васильев ему разрешил (рекомендовал?) «прессовать находящиеся не территории ИТЦ лаборатории ГОИ по полной». Это разрешение (поручение?) Цыпкин осуществлял с завидной энергией. Я не буду перечислять все те пакостные придирки и помехи, которые нам пришлось претерпеть, мне просто противно писать об этом, но горя я хватил за эти годы с лихвой. Со временем все подразделения ЦИОТ оказались на территории ИТЦ, их Цыпкин тоже не обошел своим вниманием,

но Федоров и Баранов быстро стали влиятельными персонами в ИТМО (и заслуженно), и он вынужден был обращаться с ними более осторожно.

Должен сказать, что определенная часть его придирок была связана с ростовой группой, с которой, действительно, дело обстояло плохо. Исследовательская работа лаборатории, каковой она оказалась в начале девяностых годов, концентрировалась вокруг кристаллов фторида кадмия, которые ростовая группа просто не могла производить. С начала двухтысячных лаборатория занималась исключительно кристаллами фторида кальция, флюорита. Эти кристаллы составляли основную продукцию ростовой группы. Однако, как выяснилось на самой ранней стадии работы над этим материалом, для производства голограмм нужны были особо чистые кристаллы, производство которых было давно налажено в НИИТИОМе, поскольку в них остро нуждалась лазерная техника. Это была сложная технология, она была разработана в НИИТИОМом, и думаю, была одним из основных источников дохода этого института. Именно эти кристаллы были нам нужны, и с их использованием велась вся наша голографическая деятельность. Ростовая же группа растила кристаллы флюорита из перемолотых природных кристаллов (шихты), извлекаемых в основном из уральских месторождений и загрязненных примесями. Это не мешает использовать таким путем полученные кристаллы для изготовления многих оптических изделий, и группа зарабатывала деньги продажей таких кристаллов предприятиям их производящим. Эта работа встречалась с многочисленными сложностями, связанными прежде всего с приобретением нужного качества исходных материалов, приходилось отправлять сотрудников на Урал для их отбора и приобретения. Не буду перечислять весь комплекс этих сложностей, скажу лишь о конечном результате – полученных таким путем средств было недостаточно для юридически правильного оформления договоров с указанными предприятиями. Ростовая группа работала по схемам серой или даже черной экономики. Вот уж где было Цыпкину развернуться. Он и разворачивался.

Моя основная ошибка как начальника лаборатории состояла в том, что я, движимый неуместными в данном случае гуманистическими соображениями, не избавился любым путем от этой группы, не ликвидировал ее, как ненужное подразделение, а предпринимал усилия по ее поддержанию. Время от времени я находил возможность выполнить юридически правильно оформленный договор на выращивание кристаллов флюорита с определенными примесями, но это была капля в море. Положение усугублялось и человеческим

фактором. Самым квалифицированным, да и просто высоко-квалифицированным работником группы был оператор Дима Клименченко, имевший огромный опыт, золотые руки, светлую голову и… психически больную жену. Он выпивал, и естественно вовлекал в это других работников группы. Хорошего начальника группы так и не образовалось. В начале 2000-ых годов я назначил руководителем группы Б.Г. Иванова, немолодого сотрудника, перешедшего к нам из НИИТИОМа. Он неплохо разбирался в процессе роста, не чурался никакой работы, в том числе по отбору, покупке и доставке шихты, но обладал, как выяснилось по ходу дела, очень тяжелым характером. Довольно быстро, после назначения начальником он законфликтовал с Клименченко и конфликт кончился Диминым уходом. Конфликтовал он и со мной. Я предпринял отчаянную попытку увеличить производительность группы, уговорив Васильева приобрести дорогостоящие установки у латвийской фирмы, сворачивающей производство кристаллов в Санкт-Петербурге. Оборудование было приобретено, но его запуск в созданных Цыпкиным условиях работы оказался невозможным. В конечном счете, дело кончилось передачей производства кристаллов некой российской фирме, которая изготавливала оптические детали, и для которой в основном и производилось выращивание кристаллов флюорита. Фирма арендовала у ИТМО оборудование ростовой группы. Отношения мои с Васильевым были безвозвратно испорчены, о чем я особо не сожалел, что понятно из рассказанного выше.

В ходе нашей работы мы по договоренности с Никоноровым использовали имевшееся в его НИИ оборудование, что было весьма существенно для нас. Но более эффективно мы могли бы его использовать, находясь в составе этого НИИ, к тому же нас с ним роднил и материаловедческий характер нашей и их работы. По сути, мы были ближе по роду своей деятельности к этому НИИ, чем к ЦИОТу, в состав которого формально входила лаборатория. Поэтому я принял решение о переходе. Федоров отнесся к этому с полным пониманием. С Никоноровым наши отношения были вполне нормальными с самого начала нашей работы в ИТМО. Эффективно работающая лаборатория его профиля была ему весьма полезна, и он переговорил с Васильевым о нашем переходе в его подразделение. Васильев согласился, оговорив что лаборатория должна участвовать в учебной работе и что в течение полутора лет Никоноров должен подобрать для нее более молодого начальника. Первое условие мы выполнили, создав учебную лабораторию с десятком лабораторных работ в комнате, где трудился покойный Сережам Казанский и которая после его кончины пустовала. Щеулин, Верховский и

Ангервакс вложили немало труда в ее организацию. Занятия стал проводить Женя Верховский.

Второе условие меня нисколько не задевало, поскольку мы все равно собирались через пару лет переезжать поближе к детям, семьи которых жили в Северной Америке. Да и на самом деле, административной работой должны заниматься достаточно молодые люди. Итак, в 2008-ом году лаборатория вошла в состав НИИ нанофотоники и оптоинформатики. Этот переход был полезен – мы не только получили возможность широко использовать оборудование НИИ, но со временем смогли оборудовать рабочее место в отремонтированном помещении на первом этаже, что существенно для стендов, на которых производятся запись и исследование голограмм. В остаток тучных лет мы приобрели и получили в пользование немалое количество приборов и прекрасный стенд для проведения голографических исследований. В настоящее время лаборатория располагает всем необходимым для ее работы научным оборудованием. Она активно работает, публикуются статьи, делаются доклады на конференциях.

Проблемой является почти полное отсутствие смены. Несмотря на ежегодные обещания Никонорова выделить для нас толковых студентов и аспирантов, мы ничего путного за эти годы так и не получили. В лаборатории всего один аспирант и три студента бакалавриата и магистратуры. У меня не доставало ни времени, ни сил путешествовать по кафедрам ИТМО, добывая студентов. Тут, действительно, нужен кто-то помоложе. Надо сказать, что никоноровская кафедра сама испытывает нехватку студентов, желающих обучаться на ней. Так что несмотря на разумную тематику и эффективную работу, будущее лаборатории туманно. Жаль, но свой труд многих лет жизни я не считаю безрезультативным. Мои исследования были полезны на той или иной стадии развития науки. Хорошо сделанная и опубликованная научная работа это кирпичик в величественном здании Науки, строительство которого идет непрерывно. Мои кирпичики в его конструкцию вложены, надеюсь, лаборатория еще что-то положит. Но я чувствую, что слишком близко подошел к черте, которая разделяет нормальные логические соображения о том или ином предмете и философию, а я всегда чурался этой науки. Так что хватит об этом.

Пара слов о ненавистном мне персонаже, которому я вынужден был уделить столько места в этом рассказе. В 2009-ом году Цыпкин умудрился повздорить с Васильевым и был изгнан из ИТМО. И последний штрих к его портрету. Год спустя после его исчезновения в коридоре третьего этажа, где размещается лаборатория, погас

Фото 104. Е.А. Верховский подготавливает лабораторную работу.

Фото 105. А.С. Щеулин (слева) и мой друг с физтеховских лет Борис Подласкин в перерыве конференции во ФТИ.

свет. Стали выяснять, оказалось, что осветительный кабель был куплен Цыпкиным на какие-то заработанные ИТЦ, но почему-то не переданные ИТМО средства, так что Цыпкин оказался его владельцем. Так вот монтеры в коридоре занимались срезанием ни в чем не повинного кабеля. Васильев по этому коридору не ходит, цена этому кабелю в масштабе бюджета ИТМО грош в базарный день, однако, уел-таки! Разумеется, через день провели новый кабель, свет в коридоре воссиял, но какова скотина, а?

В конце 2010-го года я передал руководство лабораторией Александру Евгеньевичу Ангерваксу и 7 января 2011-го года мы с Лерой уехали из России в Канаду к нашему сыну Олегу. В течение четырех с половиной лет я активно участвовал в работе лаборатории, мы с Ангерваксом и Щеулиным регулярно обсуждали работу, проводили по скайпу конференции или общались по телефону один на один. Я продолжал поставлять научную продукцию, писал статьи и отчеты. Саша Ангервакс, как я и ожидал, оказался прекрасным администратором. Трижды мы с Лерой приезжали в Санкт-Петербург и месяц-полтора у нас с ребятами шло обсуждение результатов и планировании работ (для меня они – ребята, хотя Щеулину недавно исполнилось шестьдесят лет). Не знаю, насколько мое здоровье позволит продолжать этот необходимый для работы и нужный обеим сторонам контакт. Пока смогу, буду работать.

И хочу сказать несколько слов о людях науки. В главе о горах я много говорил о людях, фанатично преданных своему спорту. Но то же я могу с полным правом сказть о тех, кто изучает природу вещей. Без фанатичной преданности своему делу состояться в науке невозможно, а все мои друзья – люди состоявшиеся.

Основная часть моей научной жизни прошла в ГОИ. Заключая ее описание, я скажу несколько слов об истории и судьбе этого института. Его первый глава Дмитрий Сергеевич Рождественский ясно понимал связь между фундаментальной наукой и теми практическими задачами, для решения которых государство в тяжелейшем 1918-ом году пошло на организацию нового научного учреждения. Во время его руководства ГОИ не только являлся своего рода научным фундаментом для предприятий оптической и стекольной промышленности, но и одним из крупнейших в стране центров развития науки безотносительно к нуждам сегодняшнего дня. Из-за разногласий с руководством оптико-механической промышленности относительно степени участия ГОИ в работе этой отрасли Рождественский ушел в отставку в 1932-ом году, но оставался заведующим отделом ГОИ вплоть до своей смерти в 1939-ом году.

Он рекомендовал, в качестве своего преемника С.И.Вавилова, но

тот был назначен лишь заместителем директора по научной части (1932-1945 гг.). В качестве научного руководителя ГОИ Вавилову удалось не только сохранить, но и развить ведущиеся в институте фундаментальные исследования. Даже после избрания президентом Академии Наук в 1945 году, он оставался начальником лаборатории ГОИ до своей смерти, сохраняя влияние на научные исследования, проводившиеся в институте.

ГОИ, особенно с началом войны, все больше ориентировался на прикладные разработки, что было естественно в тот период. Этот процесс интенсифицировался после ее окончания, и центр тяжести в период холодной войны был решительно перенесен на задачи оборонного характера. При этом научные отделы ГОИ сохранялись в виде реликтовых образований, украшающих, но не конструкционных элементов.

Проблемы, возникшие перед ними в ходе перестройки и постперестроечный период, описаны в предыдущих главах. Окончательный слом хребта научной деятельности ГОИ связан с отдачей его под эгиду ИТМО. Иное дело, что переведенные в университет наиболее квалифицированные научные кадры получили возможность работы в значительно более благоприятных условиях. Науке, как таковой, все равно, откуда поступает строительный материал, но для конкретного заведения, для ГОИ этот перевод обусловил его полную научную деградацию. Эту деградацию иллюстрирует, в частности, беспрерывная смена руководства – с 2008-го года в ГОИ сменилось четыре директора. Итого за двадцать шесть лет на этом посту перебывало десять человек. О какой преемственности, о каких традициях можно говорить!

С учетом общего кризиса российской экономики и накачки иссякающих средств преимущественно в оборонно-промышленный комплекс ГОИ неизбежно превращается в чисто прикладной институт. Как я слышал, принято принципиальное решение об объединении ГОИ и НИИТИОМа и передислокации ГОИ на площадку последнего. Лакомый кусок территории в историческом центре Санкт-Петербурга может быть использован более «разумно» под гостиницу или ресторан. И впрямь, жалкие остатки коллектива, занимающие огромный квартал, это нонсенс. Единственное затруднение – приближается столетний юбилей института (2018-ый год). Надо бы отпраздновать, что так любит начальство, как ни далек нынешний ГОИ от того, каким представлял его себе Дмитрий Сергеевич Рождественский. Последний, наблюдая с того света эволюцию созданного им института, вероятно, переворачивается в гробу, но мы живем в эпоху больших перемен со всеми

вытекающими отсюда последствиями – не всегда счастливыми для людей, организаций, да и для государств. К сожалению, Россия являет пример такой участи во всех трех категориях. Как писал почти 200 лет назад Чаадаев, «Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать».

Чтобы закончить этот раздел повеселее, приведу следующий эпизод. При отъезде одной из многочисленных проблем была наша огромная библиотека. Книги по науке я в основном отнес в лабораторию, художественную литературу частично переправил с оказиями сыновьям, наименее ценное (не в денежном смысле) продал за гроши и просто выбросил, но все равно оставалось множество книг, которыми я дорожил, и пытался взять их с собой, что в основном удалось. В Канаде ими было забито два шкафа, часть из них я перечитал бог весть по какому разу. Когда Лера начала ворчать, что и так чемоданы переполнены, книги много весят, а за лишний вес в аэропорту надо прилично доплачивать и т.п., я сказал ей о последних словах Пушкина. Окинув взглядом полки с книгами, он произнес: «Прощайте, мои друзья», - и умолк навеки. «Да, - возразила она, - но он не вез своих друзей в Канаду!»

Заключение

В этом повествовании я почти не касался обстоятельств моей семейной жизни, упомянул лишь об отце и матери и очень кратко о сыновьях. Это слишком личное и вряд ли будет кому-либо интересно, кроме моих детей, а уж внукам и внучкам пусть они сами расскажут, что помнят. Неправ был Лев Толстой: все семьи и счастливы, и несчастливы по-разному, чужой опыт никого и ничему не научит. Но не мне критиковать великого человека, чьи книги прошли через всю мою жизнь (любимая моя повесть «Хаджи Мурат»). Расскажу коротко лишь о настоящей ситуации.

Мой старший сын, Алеша прошел все стадии медицинского образования в США, его специализация pain management, «управление болью» или «обращение с болью». Если нельзя устранить боль (разумеется, врачи стараются сделать это в первую очередь), то надо облегчить ее насколько возможно, и научить пациента переносить ее так, чтобы она не ломала его жизнь. Он долгое время работал в Сент-Джордже, это городок сравнительно недалеко от Лас-Вегаса. Сейчас он заведует pain management центром в Сиэтле. У его милой жены Лены, двое детей от первого брака Денис (Диня) и Галя и общий сын Георгий (Гоша), ему четыре года.

Олег с семьей живет в Барлингтоне, это небольшой уютный город в часе езды от Торонто. Он компьютерщик и менеджер в небольшой, но процветающей туристской фирме. Сейчас в связи с общими делами в мировой экономике ее положение ухудшилось, но она на плаву. Сын занимает там видное положение. Его жена Женя талантливый дизайнер интерьера и обучающих игрушек. У них с Олегом небольшая фирма по производству ее изделий, работники в ней они сами. У Жени дочка от первого брака Шошана (Шоша) и двое детей в настоящем браке, Софи (Соня) и Джонатан, ему два года. В Торонто живет первая жена Олега Надя, с их сыном Ильей, уже взрослым парнем, ему восемнадцать лет. Надя вышла замуж за канадца Амрама, очень симпатичного человека, у них дочка, ожидают вторую, к ним переехали и Надины родители. Илюша приезжал к Олегу чуть не каждую неделю, сейчас он редкий гость в Барлингтоне, началась своя жизнь. Мы с Лерой сожалеем об этом – он вырос в нашем доме.

Мы четыре с половиной года жили в доме Олега. В бейзменте для нас было обустроено нечто вроде двухкомнатной квартиры (в Северной Америке это называется «one-bedroom apartment») со всеми необходимыми для жилья причиндалами. Три месяца как мы переехали в отдельную квартиру, очень удобную, в районе с прекрасной инфраструктурой и не очень далеко от дома Олега.

Фото 106. Наша семья на бэк-ярде Алешиного дома в Сент-Джордже летом 2012-го года. Справа от меня Алеша с Леной, слева – Олег с Женей. Левее Жени - Илюша и Диня. Самая высокая девочка – Шоша, пониже – Галя, самая маленькая - Соня. Счастливая Лера держит на руках маленького Гошу. Джонатана тогда еще не было.

Фото 107. И отдельно – мы с Лерой.

Фото 108. Самый юный член нашего семейства Джонатан с родителями

Не иначе как в дедушку пойдет!

Фото 109. Джонатан

К сожалению, семья в полном составе собирается нечасто. На одной из таких встреч и были сделаны приводимые здесь фотографии. Может быть, и удастся собраться вместе на нашей с Лерой золотой свадьбе в декабре этого года.

Теперь о друзьях моей молодости. О семье Тани Гутман я написал. Лиля Грибова давно живет в Штутгарте; она не очень здорова, но объехала едва ли не всю Европу. К сожалению, она одинока - горячо любимый сын Леня погиб в горах, но семья его девушки Тани для Лили как родная; они приезжают к ней, она бывает у них в Санкт-Петербурге. Ну, хоть так.

Вадим Цирель с Нелли Штейнберг в Санкт-Петербурге. Вадим, мой ровесник, но активно работает, заведует отделом в научно-производственном предприятии «Геологоразведка», Нелли, которая старше его, читает лекции в университете, дай бог им здоровья и сил впредь! Их сын Сережа работает в научном центре Горного института, он разносторонне талантливый человек, внесший свой вклад в историю, экономику, демографию, обществоведение – этот перечень говорит сам за себя. Кстати, в Горном институте за появление сотрудника или преподавателя в коридоре без мундира (горняки носят форму) провинившийся платит большой штраф – показатель того, до какой степени извращено в России благородное понятие традиции, впрочем, как и других понятий цивилизованного мира. Сын Сережи Саша программист, он сейчас работает в США. Дочка Вадима и Нелли Наташа - преподает языки в Москва, ее сын Роберт, можно сказать, воспитывался в их доме; по этой линии у Вадима и Нелли двое правнуков.

Сима Элиашберг академик, они с женой живут в Черноголовке под Москвой.

Соломяки здравствуют в Израиле, их сын Борис, тоже математик, работал долгое время в Сиэтле, сейчас вернулся в Израиль.

Наташа Ильинская недалеко от нас, в Торонто, она очень нездорова, но духом крепка.

Из старых друзей по работе упомяну о Гале Хилько. Она и ее муж, нейрохирург Виталий, живы-здоровы (для своих лет). Они бодры, радуются жизни. У Сашеньки Хилько двое уже взрослых дочерей.

О судьбах многих моих друзей рассказано в предыдущих разделах, не буду повторяться.

Вот и все. Жизнь оказалась такой длинной. И такой короткой. Подводить ее итоги глупо. Что я сделал и что я не сделал за свою жизнь, надеюсь, достаточно ясно из этого текста. Сожалею ли я, что в каждой конкретной ситуации поступал именно так, а не иначе? Конечно, во многих случаях я с высоты моих лет поступил бы не так

Фото 110. Слева направо: Вадим, Наташа, Нелли,
Саша и сестра Вадима Татьяна Обручева, 2014-ый год.

или не совсем так. Но, как говорится, если бы я был сейчас таким умным, как моя жена потом! Да и что толку? По большому счету мне стыдиться нечего. Да и по маленькому, пожалуй, тоже. Мне кажется существенным то, что в сложных перепитиях моей жизни я сохранил свою личность. Конечно, я не тот человек, каким был в тридцать или тридцать пять лет, но и не так уж сильно отличаюсь от них. У меня хорошие сыновья, невестки, внуки и внучки, и я могу быть спокоен за их будущее. Как писал Пушкин, «чего ж вам боле». Действительно, чего?

Я благодарен всем друзьям, приславшим мне фотографии и дополнившим этот текст тем, что не сохранила моя память. Особо признателен я своим сыновьям, которые побудили меня написать это повествование. Я взялся за него с неохотой, но до такой степени увлекся, что с трудом остановился. Так хотелось бы написать о большем числе людей, встреченных на моем пути, а о тех, о ком написано, сказать больше, но надо кончать. Как говорят французы, прекрасное должно иметь пределы.

Барлингтон,
7 октября 2015-го года.

Послесловие (к читателям)

Я полагаю, что никто из читателей этой книги не будет физиком-оптиком, увлекающимся альпинизмом, поэтому я постарался снабдить появляющиеся на ее страницах альпинистские термины пояснениями и изложить физические понятия, употребляемые в ней, в максимально простой форме. Надеюсь, это мне, хотя бы отчасти, удалось.

Одной из моих любимых книг был роман французского писателя, лауреата Нобелевской премии Роже Мартена дю Гара «Семья Тибо», в особенности эпилог этого двухтомного романа. В нем описываются последние месяцы жизни Антуана, одного из двух братьев Тибо. Он, врач по профессии, в конце Первой мировой войны с плохо подогнанным противогазом оказался во время немецкой газовой атаки в траншеях и был отравлен. Эпилог посвящен его пребыванию в госпитале. Он лечится, питая надежду если не на выздоровление, то, по крайней мере, на какое-то продолжение, пусть ограниченное, своего существования. Однако, будучи умным человеком и хорошим врачом, он приходит к мысли, что неизбежна скорая мучительная смерть, и принимает яд. Эта история вовсе не пессимистична, в значительной мере, вследствие благородной личности самого Антуана, который, даже стоя на берегу Стикса, не утрачивает ни интереса к окружающему, ни заботы о близких ему людях. В дневнике он вспоминает свою жизнь; ему всего тридцать восемь лет, но он активный человек и повидал многих, и пережил многое. Он завещает послать этот дневник неофициальной вдове своего брата, адресуясь к ее трехлетнему малышу, но кто, кроме нее, прочтет его записи? С высокой художественной достоверностью в романе показано, как исчезает с человеком целый мир воспоминаний о людях и событиях, мир, который никому, кроме него, неизвестен. Этот мир субъективен, но с его исчезновением безвозвратно уходит кусочек общечеловеческой памяти, пусть крохотный, но фрагмент истории. Думая об этом при чтении Дю-Гара, я вспоминал замечательные слова английского поэта и проповедника позднего средневековья Джона Донна, использованные Хемингуэем в качестве эпиграфа к роману «По ком звонит колокол». Я позволю себе привести эти слова целиком.

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши, и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоет край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол, он звонит по Тебе».

Я счастлив, что своей историей смог разделить значительную часть моего мира с вами, пусть немногими, но «все же, все же, все же...» (Твардовский, «Я знаю, никакой моей вины...»). Я боюсь только, что этот мир перенаселен действующими лицами. В том нет моей вины – он таков был, но это может затруднить ваше чтение. Поэтому я, опять-таки с подначки сыновей, попробовал написать список действующих лиц моего повествования, разделив их на рубрики. Всякая рубрикация условна, а уж моя-то и подавно. Но, может быть, она поможет читателю сориентироваться в калейдоскопе действующих лиц, и в какой-то мере облегчит ему восприятие этого текста. Итак, я привожу ужасающий меня самого список основных персонажей, появляющихся на страницах этой книги.

МОЯ СЕМЬЯ ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Дедушка – Абрам Абрамович Веллер
Бабушка –Раиса Наумовна Веллер

Их дети:
Наум Абрамович, его *жена* Фаина Абрамовна Акодус,
дети: Саломея (*муж* Иван Венович Ашехман),
внучка Наташа,
правнуки: Дмитрий и Сергей.
Вера (*муж* Пиня Шмульевич Хазанов),
дети: Илья и Галина
внуки/внучки: Владимир, Александра, Фаина;
Владимир, Мария.
Борис (*жена* Елена Алексеевна),
внуки: Сергей и Алексей.
Александр Абрамович, его *жена* Любовь Абрамовнвна Акодус,
дети: Иосиф (жена Сулит),
внуки: Михаил и Сергей.
Татьяна (муж Альберт Матвеевич Гельфанд),
внуки/внучки: Александр и Ирина.
Валентин Абрамович, его *жена* Ольга Алексеевна,
приемный сын Николай.
Елизар Абрамович, его *жена* Елена,
сын Александр.
Евгения Абрамовна, ее муж Иосиф Вениаминович Рискин,
сын: автор,
внуки: Алексей и Олег,
правнуки/правнучки: Илья, Софи, Георгий, Джонатан,
приемные правнуки/правнучки (но для нас родные): Денис, Шошана, Галя.

ДРУЖЕСТВЕННАЯ СЕМЬЯ АКОДУСОВ

Гавриил Абрамович Акодус, его *жена* Нина Дмитриевна,
дочь Нина
Мина Абрамовна Акодус
Роза Абрамовна Акодус

СЕМЬЯ ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

Брат отца Липа
Сестра отца Нехама,
ее сын Гриша.
Двоюродная сестра отца Белла

МОИ ДРУЗЬЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ

Лилия Соломоновна Дубинская (Грибова)
Владимир Наумович Грибов,
их с Лилей *сын* Леня
Леонид Маркович Альтшулер
Татьяна Львовна Гутман,
ее с Леней сыновья:
Борис, его *жена* Лена,
их дочери: Лилия и Дина
Евгений
Нинель Аркадьевна Штейнберг
Вадим Соломонович Цирель-Спринцсон,
их с Нелли *сын и дочь:*
Сергей, его *сын* Саша
Наташа, ее *сын* Роберт
Сестра Вадима - Татьяна Сергеевна Обручева
Юрий Соломонович Бланк
Наталья Игоревна Ильинская (скончалась 26 января 2016 г.)
Михаил Захарович Соломяк (скончался 21 августа 2016 г.)
Тамара Борисовна Соломяк,
их *сын* Борис
Герасим Матвеевич Элиашберг

МОИ ОДНОКУРСНИКИ

Карл Карлович Ребане
Любовь Александровна Ребане
Борис Петрович Захарченя
Валерий Леонидович Ермолаев
Андрей Манин
Ефим Фальк
Евгений Инопин

СТУДЕНТЫ СТАРШИХ КУРСОВ

Чеслав Брониславович Лущик

ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ

Торичан Павлович Кравец, *профессор*
Карл Карлович Баумгардт, *профессор*
Лев Эммануилович Гуревич, *профессор*
Анатолий Григорьевич Власов, *доцент*
Владимир Иванович Крылов, *профессор*
Хоршиладзе, *доцент*
Сергей Эдуардович Фриш, *профессор*
Юрий Максимович Каган, *доцент*
Милица Петровна, *секретарь факультета*

«ПИСАТЕЛЬ»

Львов

ЗАВОДСКОЕ НАЧАЛЬСТВО ГОМЗА

Михаил Панфилович Панфилов, *директор*
Иван Алексеевич Шошин, *главный инженер ЦКБ*

НАЧАЛЬНИК ЛАГЕРЯ БЕЗЕНГИ

Ачах Кубадиевич Рахаев

НАЧАЛЬНИКИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ЛАГЕРЯ

Рэм Андреев
Виктор Васильевич Жирнов, его *жена* Галя,
дочка Ольга
Илья Мартынов
Игорь Борисович Кудинов

НАЧАЛЬНИК СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Юрий Сергеевич Саратов

ИНСТРУКТОРА (В РАЗНЫЕ ГОДЫ)

Альфред Львович Туник, его *жена* Галина,
Их сыновья:
Леонид, его *жена* Майя
Евгений, его *жена* Бетони
Родители Фреда, его отчим и мать:
Юрий Александрович и Бася Рафаиловна
Иосиф Наумович – *отец* Гали
Николай Николаевич Горевский
Артур Бабинин
Анатолий Самойлович Левин
Юрий Иванович Юшин, его *жена* Наташа

Николай Николаевич Горевский, его *жена* Лидия,
дочки: Юлия и Ася
Георгий Германович Аношин
Дмитрий Евгеньевич Хейсин, его жена Раиса
Иван Иванович Куркалов
Вадим Гаврилович Зубаков
Валентин Валентинович Якубович
Борис Лазаревич Кашевник, его *жена* Лариса,
сын Саша
Гурий Александрович Чуновкин
Юрий Сергеевич Пулинец
Дмитрий Сергеевич Черешкин
Александр Александрович Колчин
Виктор Павлович Егоров
Эдуард Израилевич Часов
Игорь Дудченко
Целовахин
Ия Алексеевна Попова («Мадам Целовахина»)
Евгений Калашников
Володя Масленников
Леонид Вассерман
Юрий Голуб
Луиза Николаевна Пропп
Людмила Курочкина
Людмила Андреевна Самодурова
Артем Георгиевич Варжапетян
Борис Васильевич Кизевальтер

ЛАГЕРНЫЕ ВРАЧИ

Ольга Макаровна Соустина
Юрий Леонидович Дорошевский (скончался 3 августа 2016 г.)

ЛАГЕРНЫЙ РАДИСТ

Юрий Александрович Волков

КЛАДОВЩИК

Тасим Анаев

ЭЛЕКТРИК

Солтан

ДРУЗЬЯ, СПУТНИКИ И ЗНАКОМЫЕ МОИХ АЛЬПИНИСТСКИХ ЛЕТ

Александр Львович Мясников (Слон)
Игорь Александрович Виноградский, его *жена* Рита (Ритуля)

Валентин Евгеньевич Хейсин
Альберт Рафаилович Гутман (Беня)
Войко Драгомирович Милованович
Игорь Алексеевич Евдокимов
Лев Михайлович Рубинштейн
Дмитрий Игоревич Антоновский
Лев Васильевич Кадыков
Игорь Вадимович Потанькин
Александр Анисимович Дубовиков
Сергей Алексеевич Шибаев
Александр Ермолаев
Сергей Калужский
Николай Чекрыгин
Вадим Гриф, (*врач*)
Владимир Григорьевич Старицкий (*тренер*)
Саня, *представитель всезнающего ведомства*
Владислав Валентинович Ведерников

РАБОТНИКИ ФЕДЕРАЦИИ АЛЬПИНИЗМА СССР

Фердинанд Алоизович Кропф
Любовь Сергеевна Кропф

МОИ ФИЗТЕХОВСКИЕ НАЧАЛЬНИК, ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМСТВА

Виктор Леонидович Крейцер *(заведующий лабораторией, в которой я работал)*
Борис Георгиевич Подласкин
Симон Борисович Гуревич
Геннадий Андреевич Гаврилов
Корина Фридриховна Берковская
Евгений Федорович Гросс
Александр Александрович Каплянский
Александр Кириллович Пржевуский
Сергей Петрович Феофилов
Николай Теймуразович Баграев
Роберт Арнольдович Сурис
Лев Парицкий

СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ПОЛУПРОВОДНИКОВ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Михаил Кивович Шейнкман

МОИ ЗНАКОМСТВА В ПОЛИТЕХЕ

Вадим Федорович Мастеров
Владимир Викторович Романов
Вадим Константинович Иванов

ДИРЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Михаил Михайлович Мирошников (1966-1989 гг.)
Леонид Борисович Глебов (1989-1990 гг.)
Борис Александрович Ермаков (1990-1992 гг.)
Виктор Иванович Пучков (1992-1994 гг.)
Гурий Тимофеевич Петровский (1994-2001 гг.)
Вячеслав Борисович Карасев (2002-2008 гг.)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ДИРЕКТОРА ПО НАУКЕ

Евгений Александрович Царевский
Евгений Борисович Александров
Салам Петрович Тибилов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО РЕЖИМУ

Эдуард Иванович Макуров

НАЧАЛЬНИКИ ОТДЕЛОВ, В КОТРЫЕ ВХОДИЛА ЛАБОРАТОРИЯ, ГДЕ Я РАБОТАЛ

Бертольд Самуилович Непорент
Валерий Леонидович Ермолаев

НАЧАЛЬНИКИ ОТДЕЛОВ, С КОТОРЫМИ Я ВЗАИМОДЕЙСТВОВАЛ

Юрий Николаевич Денисюк
Дмитрий Иванович Стаселько
Артур Афанасьевич Мак

НАЧАЛЬНИКИ ЛАБОРАТОРИИ, В КОТОРОЙ МНЕ ДОВЕЛОСЬ ПРОХОДИТЬ АСПИРАНТУРУ И РАБОТАТЬ

Борис Яковлевич Свешников
Алексей Михайлович Бонч-Бруевич
Петр Петрович Феофилов

СОТРУДНИКИ ЛАБОРАТОРИИ П.П. ФЕОФИЛОВА И МОЕЙ, КАК ЕГО ПРЕЕМНИКА, В РАЗНЫЕ ГОДЫ
(часть сотрудников перешла в университет)

Михаил Владимирович Епифанов
Владимир Владимирович Овсянкин
Валерий Сергеевич Запасский
Вера Александровна Архангельская
Александра Михайловна Ткачук
Михаил Витальевич Петров
Александр Федоров
Александр Петрович Абрамов
Ирина Николаевна Абрамова

Илья Яковлевич Герловин
Ирина Константиновна Разумова
Виктор Александрович Малышев
Галина Ивановна Хилько, ее *муж*, Виталий Александрович Хилько (*нейрохирург*)
Андрей Леонидович Натадзе
Григорий Матвеевич Зингер
Анатолий Константинович Купчиков
Елена Сергеевна Реут
Даниил Сергеевич Онопко
Людмила Георгиевна Морозова
Андрей Владимирович Васильев
Иван Владимирович Игнатьев
Николай Николаевич Костин
Александр Сергеевич Щеулин (скончался 30 января 2016 г.)
Александр Евгеньевич Ангервакс
Сергей Александрович Казанский
Марина Алексеевна Петрова
Юрий Иванович Терехин
Владимир Васильевич Городчанин
Алексей Трофимов
Татьяна Григорьевна Аркатова

РОСТОВАЯ ГРУППА ЛАБОРАТОРИИ

Борис Иванович Максаков
Алексей Михайлович Морозов
Татьяна Семеновна Семенова
Людмила Федоровна Корякина
Александр Михайлович Коровкин
Дмитрий Клименченко
Борис Григорьевич Иванов

СОТРУДНИКИ ЛАБОРАТОРИЙ А.М.БОНЧ-БРУЕВИЧА И Е.Б.АЛЕКСАНДРОВА

Яков Аронович Имас
Татьяна Константиновна Разумова
Тигран Арменакович Вартанян
Виктор Алексеевич Бонч-Бруевич
Валерий Алексеевич Ходовой
Валерий Васильевич Хромов
Александр Петрович Соколов
Лев Николаевич Капорский

СОТРУДНИКИ ДРУГИХ ЛАБОРАТОРИЙ ГОИ

Сергей Александрович Димаков
Андрей Викторович Вениаминов
Евгений Борисович Верховский
Евгений Юрьевич Перлин
Яков Семенович Бобович
Александр Васильевич Баранов
Игорь Александрович Акимов
Ива Рувимовна Протас

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ФИЗИКИ ТВЕРДОГО ТЕЛА АКАДЕМИИ НАУК

Юрий Андреевич Осипьян (*директор*)
Владимир Львович Броуде
Елена Федоровна Шека

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ХИМИИ МОЛДАВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И КИШИНЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юрий Евгеньевич Перлин
Юрий Борисович Розенфельд, его *жена*, Тамара,
их дочь: Ольга, ее *муж* Даниил
Борис Самойлович Цукерблат
Беньямин Гершевич Вехтер
Виктор Зигфридович Полингер

СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ПОЛУПРОВОДНИКОВ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Михаил Кивович Шейнкман

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ФИЗИКИ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Сергей Георгиевич Одулов
Константин Щербин

СОТРУДНИКИ ИСТИТУТА ФИЗИКИ ЭСТОНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Владимир Васильевич Хижняков
Николай Николаевич Кристоффель

СОТРУДНИКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Семен Александрович Альтшулер
Борис Залманович Малкин, его *жена* Жанна
Максуд Мухамедзянович Зарипов
Лев Яковлевич Шекун

СОТРУДНИКИ ФИЗИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ФИЗИКИ АКАДЕМИИ НАУК

Александр Михайлович Прохоров (*директор*)
Вячеслав Васильевич Осико
Михаил Дмитриевич Галанин
Александр Александрович Волков
Павел Павлович Пашинин

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА КРИСТАЛЛОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК

Борис Константинович Севастьянов (*заместитель директора*)
Борис Павлович Соболев
Павел Павлович Федоров
Ирина Игоревна Бучинская
Александр Александрович Каминский

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА СПЕКТРОСКОПИИ АКАДЕМИИ НАУК

Сергей Леонидович Мандельштам (*директор*, 1968-1991 г.г.)
Евгений Андреевич Виноградов (*директор*, с 1991-го года)
Герман Николаевич Жижин
Роман Иванович Персонов
Марина Николаевна Попова
Владимир Борисович Белянин (*позднее – секретарь Научного совета по спектроскопии Академии Наук*)

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ФИЗИКИ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Jerzy Langer (Ежи Лангер)
A.Suchozky (А.Сухоцкий, *заместитель директора*)

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ФИРМЫ NEC, США

Richard Linke (Ричард (Рич) Линке)
James Chadi (Джеймс (Джим) Чади)

ПРОФЕССОР ОРЕГОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, США

William W. Warren, Jr (Виллиам (Билл) Уоррен)

ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА ВАСЕДА, ЯПОНИЯ

Ioshiaky Uesu (Иошиаки Уесу)

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ

Max Wagner (Макс Вагнер)

S.P.S. Porto (С.П.С.Порто)

РУКОВОДЯЩИЕ КАДРЫ И СОТРУДНИКИ ИТМО

Владимир Николаевич Васильев (*ректор*)

Николай Валентинович Никоноров
(*директор НИИ нанофотоники и оптоинформатики*)

Александр Иванович Игнатьев
(сотрудник НИИ нанофотоники и оптоинформатики)

Анатолий Валентинович Федоров
(*начальник Центра информационных и оптических технологий*)

Юрий Валентинович Цыпкин
(*начальник Информационно-технологического центра*)

МОИ ДРУЗЬЯ «ПО ЖИЗНИ»

Яков Юрьевич Багров (*научный работник, врач*)
(скончался 27 марта 2016 г.)

Ия Павловна Ипатова (*сотрудница Физтеха*)

Татьяна Константиновна Немилова (*врач-хирург, педиатр*)